

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

*Воспоминания
о Николае Шмелёве*

ИЕ РАН

Нестор-История
Москва – Санкт-Петербург
2015

УДК [929:33](470+571)(082)Шмелёв Н. П.
ББК 65д(2Рос)я43Шмелев Н. П.
В77

Редактор и составитель
Ал. А. Громыко

В77 Воспоминания о Николае Шмелёве / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; сост. Ал. А. Громыко. — М. : Ин-т Европы РАН ; СПб : Нестор-История, 2015. — 184 с.

ISBN 978-5-98163-050-7

ISBN 978-5-4469-0611-6

Книга посвящена светлой памяти Николая Петровича Шмелёва — выдающегося учёного, писателя, общественного и государственного деятеля. О его многогранной личности, человеческих качествах, достижениях и раздумьях вспоминают друзья и коллеги. Жизнь Н. П. Шмелёва также представлена в фотографиях из семейного архива. В сборник вошли избранные и знаковые произведения, ярко раскрывающие таланты Н. П. Шмелёва как исследователя («Авансы и долги»), писателя («Ночные голоса») и мыслителя («Духовное здоровье российского человека»).

УДК [929:33](470+571)(082)Шмелёв Н. П.
ББК 65д(2Рос)я43Шмелев Н. П.

ISBN 978-5-98163-050-7

ISBN 978-5-4469-0611-6

© ИЕ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Н. П. Шмелёв, наследники, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

В ПОИСКАХ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Шестого января 2014 г. Институт Европы и тысячи людей за его стенами понесли горькую утрату, неожиданную и беспощадную — ушел из жизни Николай Петрович Шмелёв, выдающийся ученый, общественный и государственный деятель, писатель от Бога, летописец человеческих душ. Но главное — уникальный Человек.

Николай Шмелёв всю жизнь, как одержимый знаменем свыше углекоп в недрах Земли, неустанно и самозабвенно перелопачивал бесчисленные тонны духовной руды в поисках ответов на вопросы: зачем живет человек и как ему быть счастливым?

В центре его деятельного мирозерцания стоял именно человек, со всеми своими радостями и горестями, добродетелями и пороками. Николай Петрович был внимательным наблюдателем, который многие десятилетия пристально всматривался в человека и задавался по существу одним и тем же вопросом: чего в нем, в человеке, больше — добра или зла?

За свою долгую и удивительно насыщенную жизнь Николай Шмелёв столько раз был свидетелем трагедий и горестей в истории своей страны и мира, всяких безобразий и несправедливостей, что своим сердцем, как писатель, считал правдою писать о жизни с некоторой надломленностью. Это когда прочитаешь его рассказ — и внутри защежит. И в этом отношении произведение «Ночные голоса» стало вершиной его писательского мастерства. Оно из разряда тех, читая которые знаешь, что в минуты озарения рукой писателя водило что-то большее, чем вдохновение.

Но своим умом, как ученый, и не только академический, но исследователь человеческих душ, Николай Шмелёв был глубинным оптимистом. Слишком хорошо он знал русскую историю, слишком хорошо знал русского человека, чтобы потерять веру в их величие и светлую сторону. У него как у Игоря Северянина: «Моя безбожная Россия, священная моя страна; моя ползучая Россия, крылатая моя страна!»

51 часть в пользу добра, 49 частей в пользу зла: таков был по Шмелёву гамбургский счет в раскладе жизни. Дадим слово самому Николаю Шмелёву: «В деле духовно-нравственного возрождения страны нет и не может быть какого-то одного-единственного чудодейственного средства, или стратегического решения, или спасительного мероприятия. И желаемого результата, несомненно, нельзя добиться без веры в человека, без стойкого оптимизма в отношении будущего человечества. Зло всегда было в мире, и зло всегда будет в мире, причем более или менее в одном и том же соотношении независимо от исторического времени. С этим люди всегда жили, и с этим им придется жить и дальше. Весь вопрос в том, удастся ли обществу и впредь держать это зло более или менее под контролем...»

В своих художественных работах, от романов и повестей до автобиографических зарисовок, своего рода камушков мудрости, как он их называл — фитюлек, Николай Шмелёв был и есть яркий представитель русской писательской интеллигенции в лучших чеховских и лихачёвских традициях. Ими было пронизано все его жизненное кредо. А состояло оно в следующем: «Довольно завиральных идей. Пора, наконец, строить свой дом, сажать цветы, растить детей, мостить дороги, строить школы и больницы. И пора, наконец, начать всерьез осваивать те огромные богатства, те бескрайние просторы, коими нас наделил Господь Бог».

Он мог простить тех, кто когда-то его предавал, и мог нелюбезно критиковать своих старых друзей. Он мог о необычайно трудном говорить просто и, на первый взгляд, в простом видеть всю сложность жизни. И трудно сказать, за что мы уважали его больше. Он не боялся тех, у кого сила и власть, но боялся людской черствости и безразличия. Главным светским антихристом в его глазах был матрос Железняк как собирательный образ, как символ невежественного насилия и произвола.

Во что же он верил? Слово академику Шмелёву: «Наши мозги, интеллектуальный и духовный потенциал страны (наука, культура, образование, здравоохранение) — это единственный наш бесспорный национальный капитал, который мы накопили за предшествующие века, в том числе и за годы советской власти».

А еще, несмотря ни на что, он верил в русскую интеллигенцию:

«Лично я не могу согласиться ... что “интеллигенция уходит”, что российский интеллигент исчезает из нашей жизни. Этого не может быть никогда, потому что этого не может быть никогда. Никуда ум, образованность, совесть, сопереживание, духовные, нравственные начала, чувство личной ответственности за страну, изначально присущие российскому

интеллекту, не могут исчезнуть из жизни, пока российский человек вообще жив».

Всю свою жизнь Николай Петрович Шмелёв посвятил поиску здравого смысла, формулировал его для себя и убеждал других в том, что обыкновенный здравый смысл, помноженный на немного сочувствия к людям, и есть наше спасение.

Николай Петрович ушел от нас в канун светлого праздника Рождества, праздника надежды, веры и возрождения. И это не случайно, ведь он был светлым человеком, все существование которого есть доказательство того, что всегда есть выбор, что всегда, несмотря на обстоятельства, можно встать на сторону добра, порядочности, сопереживания, одним словом — должного.

Николай Шмелёв оставил после себя богатое наследие. Это его бесчисленные научные труды, включая знаменитые «Авансы и долги», всколыхнувшие в свое время всю думающую Россию, его бесподобная по искренности и честности проза с полюбившимся миллионам «Пашковым домом», Институт Европы, которому он посвятил свою жизнь с 1992 г. И главное — наши воспоминания об этом выдающемся Человеке, которые мы, знавшие его, пронесем с собой до конца жизни.

Я хочу, чтобы мой короткий рассказ о Николае Петровиче Шмелёве закончил он сам своими словами из начала двухтысячных: «Суждено России вновь, не в первый уже раз, подняться с колен, преодолеть и нынешнюю “Великую смуту” — благотворные духовно-нравственные поиски русского человека будут продолжаться и дальше, ибо они по природе своей бесконечны. Но надрыв, растерянность, озлобленность, вражда к миру и к себе подобным вновь отойдут тогда на задний план, уступив первенство тем созидательным, нравственно здоровым стремлениям, которые от века присущи человеку именно потому, что он не зверь, а Человек».

Светлая память Николаю Петровичу Шмелёву.

Ал. А. Громыко

*Директор Института Европы РАН,
президент Ассоциации европейских
исследований России (АЕВИС),
ученик Н. П. Шмелёва*

ПАМЯТИ Н. П. ШМЕЛЁВА

Мое знакомство с Николаем Петровичем Шмелёвым, переросшее затем в дружбу, продолжалось более сорока лет. Началось оно с совместного участия в академических мероприятиях, затем были десять лет работы в Институте США и Канады, и последнее двадцатилетие — общая деятельность в Институте Европы, где он в 1999 г. стал директором.

Первые впечатления о нем — неординарность выдающегося экономиста, ученого со своим и масштабным видением процесса развития российского общества, его проблем и перспектив. И всегда с оригинальными и глубоко обоснованными идеями о его совершенствовании, преодолении трудностей, выходе на новые горизонты. Знаменитая статья «Авансы и долги» была ярким, но далеко не единственным примером осмысления нашей истории, действительности и будущего. Уверен, что многие из его идей еще будут востребованы нашим обществом.

Николай Шмелёв надолго запомнится всем нам и как выдающийся российский писатель XX — начала XXI века. Его образный язык, глубокое проникновение в суть человеческих характеров, острота и масштабность взгляда на современную и прошлые эпохи проложили путь к созданию серии замечательных романов и повестей, любимых читателем, и не только российским. Он останется одним из ярких представителей российской литературы и культуры.

Для нас, людей Института Европы, Николай Петрович Шмелёв был и остается человеком, внесшим огромный вклад в процесс исследования современной Европы, ее места в мире, российско-европейских отношений. Практически весь научный коллектив института участвовал на протяжении десятка с лишним лет в созданной им серии монографий «Старый свет — новые времена», посвященной фундаментальному анализу европейских процессов XXI века. Основанный им журнал «Современная Европа» был и останется одним из ведущих гуманитарных академических изданий.

Николай Петрович всегда ярко и убедительно представлял Институт Европы на многочисленных международных форумах как у нас в стране, так и за рубежом. Были открыты новые перспективные направления исследований, успешно шел процесс выдвижения и вовлечения в научную жизнь института молодых ученых, одним словом, Институт Европы полнокровно развивался, и это служит хорошей основой для его дальнейшего роста и укрепления как важнейшего центра российской европеистики.

В памяти Николай Петрович Шмелёв останется и как яркий представитель российской интеллигенции, ее видный деятель и выразитель ее чаяний. Его работы, выступления на научных конгрессах, различных круглых столах, в средствах массовой информации всегда были пронизаны мыслями о России, ее обществе, ее состоянии и проблемах и особенно ее будущем. Эта традиция надолго останется и в умах, и в делах Института Европы, нашего Отделения глобальных проблем и международных отношений, российского сообщества науки и культуры.

В. В. Журкин

Академик РАН,

Почетный директор Института Европы РАН

О Н. П. ШМЕЛЁВЕ
(В защиту здравого смысла)

Фридрих Энгельс в «Анти-Дюринге» довольно пренебрежительно отзывался о здравом смысле, отводя ему подобающее место лишь в домашнем обиходе, между четырьмя стенами.

Напротив, Николай Шмелёв призывал в своих работах ориентироваться именно на здравый смысл. «Чем же нам надлежит руководствоваться в дальнейшем?» — спрашивал он. И сам же давал ответ: «Уверен, ничем другим, кроме четырех правил арифметики и обыкновенного крестьянского здравого смысла. И если нам сегодня чего-то и не хватает, так это не теорий, не вдохновенных стратегических планов с замахом на десятилетия, а то и на века, а простого понимания обыденного житейского правила: надо поступать не по теории, а по обстоятельствам...»

Налицо два разных подхода к обустройству общества, и нужно отдать должное Николаю Шмелёву, что он выступил против тезиса знаменитого классика.

Николай Шмелёв был выдающимся ученым нашего времени, и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, он был мыслителем в полном значении этого понятия. Потому он и достиг вершин в разных сферах. Эти сферы были для него формами, которые заполнялись его раздумьями, — экономическая наука («Авансы и долги»), художественная литература («Пашков дом»), российская история («Сильвестр»), германистика («Спектакль в честь господина первого министра»), политика (народный депутат СССР; на выборах народных депутатов СССР от Академии наук Николай Петрович набрал больше всех голосов, около 90%, опередив Андрея Дмитриевича Сахарова).

Названия его трудов исчисляются сотнями. В дискуссиях он быстро просчитывал мысленно один вариант за другим при решении проблемы или ответах, выбирая оптимальный, мгновенно продуманный, и его уже не могли смутить никакие оппоненты. А они были. И в немалом количестве. Причем кое-кто из них странным образом возлагал ответственность

за экономические неудачи на Николая Шмелёва, хотя не кто иной, как он страстно обвинял власти в том, что они проводят ошибочные реформы — бросовая приватизация, залоговые аукционы, инфляция, монетизация льгот и др. Мы оба были членами Президентского совета (Ельцин) и могли с близкого расстояния наблюдать, оспаривая, волюнтаристские методы новой администрации страны.

Плановая система хозяйствования при всей ее неэффективности была довольно сложной, и вот вместо того, чтобы понять ее, что называется, дотянуться до планки и с большой осторожностью переводить на рыночные рельсы, сохраняя все полезное, младореформаторы выбрали путь разрушения, то есть постарались низвести до своего уровня, и в этом они преуспели. Приведу эпизод из того времени. Один только что назначенный министр длительное время не появлялся на службе, а когда появился, то заявил своему предшественнику, желавшему передать дела: а куда спешить, чем больше все развалится, тем лучше, будем строить заново. Впоследствии, поездив по объектам, он признался в беседе со мной, что впечатлен увиденным — мощные предприятия, почти километровые цеховые прогоны, экспортная продукция двойного назначения... Неумехами называл Николай Петрович таких горе-реформаторов.

«Николай Петрович, почему нет мяса?» — спросил однажды Шмелёва один академик (по-моему, физик) на исходе советской власти. Не было не только мяса, существовал тотальный дефицит. Как от него избавиться, как сделать жизнь человечнее — этим и занимался Н. П. Шмелёв в своих работах.

Постигнув все хитросплетения экономической теории, явные, скрытые, разорванные взаимосвязи в ней, Николай Шмелёв вместе с тем был в курсе текущей конкритики, и, если прибегнуть к высокому стилю, он знал и разделял чаяния народа. Цены на необходимые товары, размер зарплаты, налоги, экспорт-импорт и прочая статистика — все это было для него не какой-то терра инкогнита, а основой продвижения в политику того самого здравого смысла. Он не был научным затворником. Николай Шмелёв и Михаил Горбачёв (после отставки) часто встречались, и однажды бывший генсек в беседе воскликнул в сердцах: «Ах, если бы я тебя тогда послушал, сейчас было бы все иначе».

Когда в далеком 1977 г. я получил диплом доктора экономических наук, Николай Шмелёв сказал мне: «До сих пор ты сидел на одном месте, а теперь диплом начнет таскать тебя за собой». Эти слова оказались пророческими.

Вскоре начались большие перемещения в моей биографии (ФРГ, Сахалин, Якутия), пока я не осел в Институте Европы РАН.

В течение 14 лет я был заместителем Шмелёва как директора этого института, у нас сложились доверительные дружеские отношения, которые стимулировали исследовательскую работу. Вместе с тем при обсуждении текстов не было никакого панибратства, они оценивались по «гамбургскому счёту». Результатом нашего научного сотрудничества стал ряд совместных публикаций. Некоторые из них указаны ниже¹. По содержащимся там положениям неоднократно возникали дискуссии, например, о целесообразности переноса столицы России из Москвы за Урал, о приоритетном развитии потребительского комплекса, без чего невозможно оздоровление народного хозяйства, о необходимости прогнозирования не только по валу, но и по опасностям, о будущем Европы. Что ее ждет — неминуемое крушение в перспективе вследствие миграционного фактора (автор этих строк) или спасительное преобразование (Н. П. Шмелёв)?

Хочу отметить еще одну уникальную сторону личности Николая Шмелёва: он был совестью нации, моральным стержнем общества. Без таких колоссов оно рухнуло бы в средневековье. Его слово много значило, с ним люди сверяли или корректировали свои представления о том, что происходит вокруг. В годы перестройки Николай Петрович повлиял на мировоззрение миллионов и миллионов людей. Он был властителем дум. Членами научной школы Шмелёва можно назвать не только тех сотрудников, кто непосредственно работал под его началом, но гораздо более широкую аудиторию. А сам он остро переживал несправедливости, чего бы они ни касались, и в борьбе с этим злом проявлял свою сильную волю. Он не смирился с той разрушительной кампанией, которая была развернута против Российской академии наук. Человек науки, он буквально страдал, видя, как погибает многое из того, что было создано за почти трехсотлетнюю деятельность академии. Возможно, это ускорило его уход из жизни.

Многие годы Николай Шмелёв был невыездным, поскольку слыл в определенных кругах неблагонадежным. В одном случае был банальный

---

¹ Шмелёв Н. П., Фёдоров В. П.: 1) Россия — Запад: требуется концепция ограниченного возмездия // Современная Европа (Взгляд экономистов). 2010. №1; 2) Прогнозы и опасности (к вопросу об их адекватности) // Россия в многообразии цивилизаций. М., 2011; 3) Евросоюз — Россия: мера сотрудничества. Доклады Института Европы. №275. М., 2012; 4) Российские реалии // Современная Европа. 2013. №3; 5) Нерешенные проблемы // Большая Европа: идеи, реальность, перспективы. М., 2014.

донос на него из ближайшего окружения, и впоследствии, узнав суть дела, Николай простил «друга», а вот другой случай имел заграничное происхождение. Однажды Николай Шмелёв был в научной командировке в Венгрии по приглашению тамошнего университета. Стоя в очереди в университетской столовой в обеденный перерыв, он разговорился с соседом по очереди, и они обменялись визитными карточками. Позже этот сосед стал диссидентом и был «изъят из обращения». При обыске его квартиры местные органы обнаружили визитку Николая Шмелёва и не поленились переслать ее из Будапешта в Москву (мол, вот с кем общался ваш доктор наук). После этого выезд для Николая Петровича был закрыт на десять лет.

К невыезду Николая в длительную заграничную командировку приложил руку также не кто иной, как Н. С. Хрущёв, его зятем Николай был в течение нескольких лет до развода, который состоялся еще во время правления Хрущёва. Причина запрета: «возможны провокации». Свои доводы генсек изложил зятю с некоторым смущением, сознавая, что он стоит помехой на пути профессиональной работы молодого специалиста. Можно упомянуть со слов Николая и о других эпизодах из его тогдашней жизни, таких как неодобрительные короткие высказывания в семейном кругу Хрущёва о Сталине (о публичных выступлениях Хрущёва против Сталина мы знаем), различия в рассаживании гостей в неофициальных встречах с «чаепитием»: если высшие партийные чины торопились занять места поближе к хозяину, то научные деятели садились за стол не без достоинства и по своему усмотрению.

«Слаб человек» — это его частое высказывание относилось к небольшим человеческим порокам и звучало философски, не как призыв к наказанию, а скорее как прощение несовершенства homo sapiens. Почитал Библию и в разговоре мог цитировать ее.

В текущей жизни Николай Шмелёв был приятным собеседником, никогда не прерывал говорящего, выслушивал до конца, иногда это было утомительно. Не любил, чтобы люди подолгу ждали в приемной. Когда говорил сам, то блистал, совсем не нарочно, так уж получалось, знаниями и остроумием. На работе мы встречались, как правило, через день, в общении у нас не было нарочитой серьезности. Удивительно, но на профессиональные темы мы говорили мало, видимо, потому, что понимали друг друга с полуслова, а в беседах лишь «сверяли часы». Больше общались на письменном языке, когда писали общие работы. Когда хотелось освободиться от текущих проблем и забот (после дождя протекает крыша или кровля, а то

и обе, лопнула водяная батарея, холодно в помещении, аренда), то уходили «вглубь истории», вспоминали разные эпизоды, рассказывали анекдоты. Однажды я в шутку предложил Николаю взять такой псевдоним — Шмелёв Тот Самый, на что он весело отреагировал. Между прочим, мое предложение было взято из жизни. Когда меня спрашивали, где работаю, то я отвечал: в Институте Европы.

— А кто у вас директор? — следовал вопрос.

— Шмелёв.

— Это какой Шмелёв?

— Тот самый.

— Ой, передайте ему привет.

Людская отзывчивость и благодарность ободряли Николая Петровича, укрепляли в нем веру в созидательные силы народа. Как он считал, баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России складывается примерно 49:51 в пользу последнего, и решительно не соглашался с советами поменять эти цифры местами.

Николай Шмелёв любил изящную поэзию, романсы, обожал «Утро туманное, утро седое...».

Иногда Николай мог быть вспыльчивым. И здесь проявлялась одна его особенность. Когда он был сильно разгневан, чем-то возмущен донельзя, то резко выговаривал собеседнику свои претензии, подкрепляя их энергичными жестами, с сигаретой в руке, в абсолютно правильной речи с безукоризненными формулировками (подлежащее, сказуемое), что меня всегда забавляло (часто люди в таком состоянии только и способны, что извергать междометия и говорить бессвязные слова). Правда, он быстро отходил и сожалел, что «сорвался». Он никогда не «закручивал гайки», поощрял вольнодумство и, будучи шеф-редактором созданного им журнала «Современная Европа», не навязывал свою точку зрения авторам. После интервью со Шмелёвым журналисты делились своими впечатлениями: не хотелось уходить, так было интересно.

У нас в Институте заведено писать дружеские эпиграммы. Приведу некоторые из посвященных Николаю Шмелёву.

* * *

Его статья «Авансы и долги»
Правительству прочистила мозги.
У нынешнего кабинета снова
Понятя о народе... никакого.

(1998 г.)

* * *

Mein Gott, писатель, академик, германист,
Фортуна не скрывает пиетета.
Обнимет пусть тебя сегодня трубочист —
В Германии хорошая примета.

(по поводу повести о Гёте)

* * *

Как сделать так, чтобы страна
Была крепка, как колоннада.
Есть только истина одна —
Учиться у Шмелёва надо.

Николай Шмелёв прожил плодотворную жизнь не только для себя, но и для своего Отечества. Без этого Ученого и Гражданина оно было бы отчасти другим, скуднее.

В. П. Фёдоров

Член-корр. РАН

Заместитель директора Института Европы РАН

ПАМЯТИ ДРУГА

Почти десять лет, с 2004 по 2013 г., мне выпало счастье работать с Николаем Петровичем, почти ежедневно встречаясь, деля с ним общие и личные радости и горести. Он пригласил меня в Институт, сделав своим заместителем, что было для меня и честью, и удовольствием. Нам не пришлось притираться друг к другу, поскольку мы были знакомы и дружны еще со времени, когда Институт мировой экономики и Институт социалистической системы размещались в одном здании на Ярославке. Позже мы вместе работали в Институте США и Канады, вместе участвовали в различных академических мероприятиях, часто вместе выезжали за границу.

За долгие годы академической жизни мне пришлось близко, а проще говоря, на собственной шкуре познакомиться с разными стилями управления институтами. Я хорошо помню, как один из тогдашних заместителей директора ИМЭМО несколько дней лично выходил к столу вахтера и проверял роспись сотрудников в журнале прихода и ухода. Однако он быстро понял тщетность подобного контроля для академической среды и вскоре отказался от жесткости. Тем не менее, подобные журналы еще долго существовали в отделах института, что нам, которым было по 25–30 лет, не мешало совмещать работу с личной жизнью, тем более что Сокольники с его тенистыми аллеями, пивными и теннисными кортами находился, как теперь принято говорить, «в шаговой доступности». Мы достаточно цинично писали в журнале: «16 часов, ушел в лес», но слово «лес» писали «Л. Е. С.», что выглядело, с нашей точки зрения, вполне официально и немного загадочно.

Став директором института, Николай Петрович всегда говорил о дилемме администрирования как о выборе между управленческими способностями батьки Махно и Иосифа Виссарионовича. Он всегда считал, что академическая свобода есть залог творческой работы коллектива. Он гордился, что в среде московской интеллигенции бытует мнение, что в Институте Европы «хорошо работать». Другими достоинством его руководства была объективность и толерантность восприятия всего спектра

политических баталий, идущих в стране и перенесенных на наши семинары и конференции. Он всегда руководствовался собственным хорошо развитым здравым смыслом и столь же блестящим чувством юмора. Его предшественник Виталий Владимирович Журкин собрал блестящий коллектив, сочетающий в себе аналитику и практический опыт, а Николаю Петровичу удалось его сохранить и приумножить. Неслучайно идеологическая палитра института допускала полярные точки зрения на события в мире, и это не мешало ярким и плодотворным дискуссиям как на официальных платформах Ученых советов и семинаров, так и в коридорах Института. Сам Николай Петрович был центристом, готовым выслушать любого, если он понимал, что человеком движет искренняя озабоченность судьбой страны. Единственное, что было неприемлемо для его человеческих и политических оценок, — это непорядочность и такие ее производные, как расизм, шовинизм или фашизм.

При этом мы всегда понимали, что Институт действует в достаточно стесненных условиях, как с чисто материальной точки зрения, так и в контексте проблем неостребованности нашей науки со стороны российского государства. Тем не менее Институту удалось выжить, сохранить основу коллектива и остаться на лидирующих научных позициях в сфере изучения проблем Европы и наших отношений с ней.

Николай Петрович был одним из тех, кого принято называть «шестидесятниками». Окончил университет на излете хрущёвской оттепели, волею судеб оказался вблизи ее автора и могильщика. Он хорошо понимал и разделял взгляды тех, кто ощущал необходимость перемен, что ясно и ярко отразилось в его литературе и научных работах. Противоречия действительности и ожидание перемен далеко не сразу смогли найти своего читателя в силу идеологических и цензурных ограничений. Счастьем Николая был его писательский дар, хотя и здесь ему пришлось многое писать «в стол».

Он радостно воспринял перестройку Горбачёва и стал одним из идеологов пересмотра экономической политики. К сожалению, реальность не соответствовала его советам, и дальнейшее развитие страны стало его постоянной болью. Он мучительно переживал две вещи. Во-первых, он был до боли разочарован тем, что наша интеллигенция в большинстве своем не смогла соответствовать требованиям рыночной экономики. Его коллеги писатели начали жизнь с дележа имущества своих союзов и драки за деньги. Во-вторых, он считал, что реформы Гайдара не соответствовали главному экономическому принципу Николая — «четыре правила арифметики и сострадание людям». К этому можно прибавить наследованное с советских времен

ощущение некомпетентности руководства страны. Однажды за столом, где мы обедали в перерыве конференции, Михаил Сергеевич Горбачёв сказал Николаю Петровичу: «Зря я не послушал тебя тогда», имея в виду те экономические советы, который Николай давал генсеку, а потом президенту. Не послушал Николая Петровича и Гайдар, которому он долгим вечером у легендарного золотодобытчика и артельщика Вадима Туманова рассказывал, что нужно сделать для вывода страны из кризиса. Через месяц назначенный премьером Гайдар сделал все абсолютно наоборот.

Еще в советское время в Институте США и Канады я зашел в кабинет Николая со словами: «Он что, идиот?», что отражало мою реакцию на действия одного из видных советских руководителей. Николай, который знал этого персонажа лично, грустно ответил: «Да, он действительно идиот, в прямом, а не в переносном смысле, и с этим, к сожалению, ничего не поделаешь».

Нельзя сказать, что сегодняшняя реформаторская деятельность государства всегда вызывала восторг Николая Петровича. Все, что происходило вокруг реформы академии, встречало его непонимание и обиду. Он хорошо понимал, что реформировать академию, которая действительно нуждалась в переменах, с помощью громоздкой и дорогостоящей, а главное, далекой от науки структуры будет невозможно. Он говорил о том, что академия создавалась поколениями лучших людей России, и очень не хотел быть свидетелем ее уничтожения. В то же время Николай вспоминал, что его бывший тесть уже однажды пытался, хотя и безуспешно, разогнать академию. Отсюда он делал вывод о живучести научного сообщества и верил в его окончательную победу над бюрократией.

Сегодня, когда мучает боль от его ухода и постоянно ощущение необратимости потери, трудно писать о нем в прошедшем времени. Его друзья и коллеги еще будут долго вспоминать о нем и продолжать мысленный диалог, думая о том, как бы он поступил в той или иной ситуации. Я счастлив, что нам удалось многое обсудить и выяснить наше отношение к людям, к событиям и к будущему. Хорошо понимая всю специфику нашей жизни, он не был пессимистом и всегда воспринимал даже самые нелепые реформы, говоря, что «долго так продолжаться не может и в конце концов все образуется». Основывался его сдержанный оптимизм на вере в мудрость народа, недостатком которого он считал долготерпение.

М. Г. Носов

Член-корр. РАН

Заместитель директора Института Европы РАН

Мой друг Николай Шмелёв

Мы познакомились в 1963 г. Николай Шмелёв работал в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, а я — в редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения»; он — в левой, а я — в правой части коридора на третьем этаже пятиэтажного здания, которое ранее было одним из корпусов гостиницы «Золотой колос» на Ярославской улице, недалеко от ВДНХ/ВВЦ. Остальные этажи занимал Институт мировой экономики и международных отношений, тоже входивший в состав АН СССР. Как-то мы случайно сошлись в одной из комнат нашей редакции, и моя коллега Кира Борисова познакомила нас. Шмелёву было 27 лет, он недавно защитил кандидатскую диссертацию по экономике, но был уже «эсэнэс», т. е. старший научный сотрудник, что и по возрасту, и по стажу научной работы тогда было редкостью. Впрочем, своей известностью в стенах здания на Ярославке он вначале был обязан тому, что в 1962 г. разошелся после пятилетнего брака с женой Юлией, удочеренной внучкой первого лица в Стране Советов. Никита Сергеевич Хрущёв был тогда в зените своей власти, и в институтских коридорах о Шмелёве отзывались удивленно-уважительно, мол, не всякий осмелился бы на такой поступок, хотя, полагаю, никто толком ничего не знал.

Друзьями мы стали задолго до того, как началась наша совместная работа в Институте Европы РАН, и произошло это как-то само собой. Мое первое впечатление запомнилось: умные, понимающие глаза, приветливая полу-улыбка, естественность, неторопливая и доброжелательная манера разговаривать. Николай Шмелёв вызывал доверие. Вскоре выяснилось, что оно было взаимным. А началось наше сближение, может быть, с того, что мы были заядлыми курильщиками и часто пересекались у одного из окон, в которые упирались два конца нашего общего коридора. Дело в том, что перекур в те времена был излюбленной и самой распространенной формой творческой научной дискуссии, причем достаточно откровенной, если собеседники доверяли друг другу. Это был как раз наш случай.

Сближению поспособствовала и одна занятная история. Однажды в редакцию «МЭ и МО» пришла сотрудница какого-то московского научного учреждения и предложила свою статью. Тема интересная, фактический материал отличный, а написано неумело, и редакционная коллегия статью «зарубила». Однако зам. главного редактора Лев Степанов сказал, что тема и фактура стоят того, чтобы статью «дотянуть» и опубликовать. Сказано — сделано. В доработке участвовали сотрудник редакции Том Петров, я и сам Степанов, а еще привлекли Шмелёва, который был знаком с темой и дал несколько полезных советов. Статью опубликовали, автор — по фамилии Лепихова — была в восторге, это была ее первая статья, да еще в таком известном журнале. Заявившись к Степанову, она положила на его стол немалый по тем временам гонорар и предложила передать его тем, кто довел статью до ума. Несмотря на уговоры Степанова, женщина стояла, как Гибралтарская скала. В итоге мы вчетвером — Петров, Степанов, Шмелёв и я — отправились в Дом журналистов. Он располагался на Никитском бульваре, вблизи от Арбатской площади, а в нем — уютный ресторан с нешумной публикой, негромкой музыкой, отличной и вполне приемлемой по ценам едой. Там мы учредили фонд имени Лепиховой, сбрасывали в него часть наших дополнительных доходов, в основном гонораров, и периодически совершали вылазки в «Домжур». До тех пор, пока не разбежались в конце 1960-х гг. по другим учреждениям и адресам.

А если всерьез, то были, конечно, более веские причины нашего сближения. Шмелёв и я принадлежали к одному поколению. Родившиеся до войны, но не участвовавшие в ней по возрасту; не воевавшие, однако прочувствовавшие и запомнившие ночные бомбежки Москвы в 1941 г., лютые морозы двух первых военных зим и постоянное чувство голода. Поколение, зомбированное с детства одами в честь «Вождя всех времен и народов», а во взрослой жизни потрясенное докладом Хрущёва о преступной роли Сталина в массовом терроре 1930-х и его ответственности за военную катастрофу в первые месяцы войны с нацистской Германией.

Я с умыслом упомянул о Сталине, потому что, насколько я помню, с разговора о нем и началось наше сближение. Шмелёв был категоричен в своем неприятии Сталина как человека и как политика. Тогда было немало людей, искавших оправдания не столько, может быть, Сталину, сколько своей вере в него. «Да, — соглашались они, — конечно, диктатор, и столько неповинных людей расстреляно или погибло в лагерях, но ведь под его руководством мы впервые построили социализм и победили нацистскую

Германию». Не берусь утверждать, что Шмелёв уже тогда понимал, что у советской модели социализма нет будущего, вероятнее всего, он пришел к этому выводу позже. Но ссылок на «объективные обстоятельства», будто бы оправдывавшие сталинский террор и бескрайнюю зону ГУЛАГа, он не принимал категорически, в чем я был с ним солидарен.

Не помню, был ли тогда у нас разговор о том, что мы делали, что видели и узнали в первый день похорон Сталина. Нам было что рассказать друг другу, но за давностью лет — не припомню. И только теперь, взявшись за свои воспоминания, я внимательно прочел Шмелёвские «*Curriculum vitae*» и ахнул: Николай дважды упоминает, что видел сотни трупов, покрывших в тот день Трубную площадь. А в романе «Пашков дом», в каком-то смысле автобиографичном, его герой Александр Горт рассказывает о том, что он был в тот день на площади и что пережил тогда. Текст настолько эмоционален и фотографичен, как будто это сам автор, Николай Шмелёв, был там и запомнил на всю жизнь ужасающую картину.

«Ах, этот угол Трубной улицы и Трубной площади! Как же долго он ему снился потом, сколько лет... Стены дома, подвальная яма в тротуаре, почти у самых его ног, чьи-то две спины, втоптаные туда вниз, сквозь погнутые прутья решетки, и он, расплющенный на стене, задыхающийся, молящий только об одном: только бы толпа качнулась назад, не вперед, потому что, если вперед — быть ему третьим в этой яме, через нее ему не перейти, не перескочить... Потом он узнал, что это был как раз самый страшный момент во всех похоронах, когда обезумевшая, плачущая, ревушая толпа почему-то со всех сторон кинулась на Трубную площадь: с Петровского бульвара, с Неглинки, с Цветного, с Рождественского — и все вниз, на площадь, по спинам, по головам, навстречу друг другу, давя и сметая все на своем пути...»¹

Для Николая — ему еще не исполнилось 17 лет — это было страшным потрясением, навсегда оставшимся в памяти и во многом определившим его отношение к жизни. Этим же во многом объясняется его отношение к Н. С. Хрущёву. В своих статьях и интервью Шмелёв неоднократно отмечал его ошибки, метания и нелепые выходки, хотя всегда при этом проявлял сдержанность и деликатность. Но в итоговой оценке исторической роли этого человека у него сомнений не было: «Мнения людей у нас в России о Н. С. Хрущёве до сих пор самые различные... А я,

---

¹ Шмелёв Н. П. Пашков дом. Рассказы. М.; СПб., 2006. С. 32.

по обстоятельствам своей жизни имевший возможность довольно долго наблюдать его вблизи, лицом к лицу, утверждаю: все забудется! Все чудеса и выверты его забудутся: и кукуруза, и ботинок по столу в ООН, и безобразный скандал в Манеже, и даже Карибский кризис — все! А останется лишь одно: то, что он на веки вечные проклял И. Сталина и распустил лагерь»². Я несколько иначе отзывался о Хрущёве, но тоже самым важным в его деятельности считал разоблачение сталинских преступлений и перемены в нашей жизни, получившие название «оттепели». Некоторым моим нынешним молодым и не совсем молодым коллегам эти перемены кажутся незначительными, даже мизерными. С позиций исторического прогресса они правы. Но как должен был воспринимать эти перемены советский человек, которого многие годы по вечерам охватывал леденящий страх, что вот сейчас, в эту ночь, к нему вломятся «незванные гости» — и его жизнь обрывается в бездну?

Это была не единственная сближавшая нас тема. Сходились мы и в критическом отношении к централизации и бюрократическим методам управления советской экономикой. В начале 1960-х гг., впервые за три с лишним десятилетия, в стране развернулась широкая, одобренная «сверху» публичная дискуссия о том, нужна ли нам экономическая реформа, и если нужна, то какая. Мы были убеждены в ее необходимости, и Шмелёв уже тогда считал, что при ее подготовке следует многое взять из опыта новой экономической политики, проводившейся в Советском Союзе в 1920-е гг. Однако Хрущёв подменил либерализацию экономики частичной децентрализацией ее управления, а после его принудительной отставки в 1964 г. новый «первый» Леонид Брежнев положил проект масштабной экономической реформы под сукно, чтобы, как пересказывали его слова, «не раскачивать лодку». Отказ нового лидера партии и государства от экономической реформы Николай Шмелёв оценивал как упущенный шанс. Отрицательно он относился и к периодическим «наездам» партийных идеологов на нестандартно мыслящих ученых-обществоведов — философов, социологов, экономистов, а также к косной и зачастую просто убогой политике КПСС в области культуры: разгрому выставки художников-авангардистов, запретам театральных постановок и т. п. Вероятно, были и другие пункты схождения, всего не припомнить, а в общем, довольно скоро выяснилось, что мы единомышленники.

---

² Шмелёв Н. П. Curriculum vitae (Повесть о себе) // Шмелёв Н. П. Ночные голоса. Повести, рассказы. М., 1999. С. 369.

В 1970-е и 1980-е гг. мы встречались редко, потому что работали уже не только в разных организациях, но и в разных зданиях, далеко друг от друга. ИЭМСС переехал в собственное здание, а я перешел на работу в Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР). Да, встречались редко, но уже в ином качестве. У нас появился общий друг. Я возглавлял в ИНИОН отдел информации по проблемам капиталистических стран Европы и Северной Америки, и мне порекомендовали специалиста по военно-политической стратегии США Вадима Мильштейна. Мы быстро сговорились насчет того, чем он будет заниматься в отделе, а вскоре обнаружили немало точек схождения в наших жизненных правилах, во взглядах и интересах. Тогда-то и выяснилось, что он является давним и близким другом Шмелёва. Были они одногодками, явились в сей мир с двухмесячной разницей — в июне и сентябре 1936 г. И ушли от нас почти одновременно: Николай Петрович — в январе 2014 г., Вадим Михайлович — в апреле того же года. Время от времени он собирал круг своих друзей и приглашал меня. Обычно мы с Николаем устраивали небольшой перекур на двоих, чтобы обменяться мнениями в сфере наших профессиональных интересов.

Не буду напоминать о том, как эволюционировали в 1960-е и 1970-е гг. советская экономика, политическая система и коммунистическая партия с ее экзотическим высшим органом, в котором средний возраст его членов перевалил за 70 лет. Назову лишь два события, которые определили общее направление этой эволюции. 21 августа 1968 г. советские войска вторглись в Чехословакию, положив конец системным реформам в духе «социализма с человеческим лицом», которые начало руководство страны во главе с Александром Дубчеком. 25 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан под предлогом помощи новому руководству, объявившему о своем намерении построить в стране «афганский социализм». Шмелёв негативно воспринял оба события, считая, что вторжение в Чехословакию положило конец и оттепели, и последним надеждам на экономическую реформу в СССР, а интервенция в Афганистан подстегнула новый виток гонки вооружений, для советской экономики непосильный.

Естественно, он уделял особое внимание состоянию этой экономики и экономической политике государства. Он считал ее непрофессиональной, полностью подчиненной логике холодной войны и корпоративным интересам советского ВПК. Начиная с 1974 г. в мировом хозяйстве резко возросли цены на нефть, которая стала одной из главных статей советского экспорта, главным образом в капиталистические страны Европы. В казну

потекли дополнительные десятки миллиардов долларов, которые, полагал Шмелёв, могли быть использованы для модернизации и структурной перестройки советской экономики, а также развития социальной сферы и поднятия общего уровня жизни в нашей стране. Излагал ли он в каком-то виде свои взгляды и рекомендации? В открытой печати это было невозможно. Но в 70-е гг. уже вошла в моду подготовка академическими институтами аналитических записок, которые рассылались под грифом «Для служебного пользования» в ЦК КПСС, Совет министров СССР, а также самые важные министерства и ведомства (МИД, КГБ, МО). В них высказывались осторожные, дозированные критические оценки тех или иных аспектов нашей жизни и предлагались рекомендации, как правило, основанные на изучении опыта зарубежных стран, как социалистических, так и капиталистических.

Николай Шмелёв неоднократно участвовал в подготовке служебных записок, посвященных советской и мировой экономике, но их эффект был близок к нулю. Период сверхвысоких цен на нефть закончился в середине 80-х гг. За 12 лет, с 1974 по 1985 г., в казну поступило примерно 200 миллиардов долларов дополнительного дохода за проданную, в основном европейским странам, советскую нефть. По мнению Шмелёва, которое, после провозглашения гласности, он не раз высказывал публично, это был последний реальный шанс модернизировать советскую экономику со всеми ее позитивными последствиями для социального и политического развития страны. Советское руководство этим шансом не воспользовалось, истратив валюту на гонку вооружений, а также на ежегодные закупки зерна и других видов продовольствия, которые не в состоянии было производить наше сельское хозяйство.

В первой половине 80-х гг. Н. Шмелёв перешел из ИЭМСС в Институт США и Канады АН СССР, занимаясь в обоих институтах изучением тенденций развития мирового хозяйства, с особым акцентом на анализ проблем и перспектив экономических связей Восток-Запад. Он опубликовал две монографии по этой тематике и подготовил третью — «Всемирное хозяйство: тенденции, сдвиги, противоречия». Важные для него в плане профессиональной карьеры как экономиста-международника, они, однако, уже не были средоточием его творческих амбиций, с начала 70-х гг. переместившихся в сферу писательства. Не рискну утверждать, что эта смена вектора творческих устремлений была вызвана все более удушливым климатом застоя в жизни страны, в том числе в общественных науках, но это, несомненно, ускорило такую эволюцию.

В это десятилетие Шмелёв написал серию рассказов, а в 1982 г. — роман «Пашков дом», в главном герое которого угадывался автор, отчасти его профессия, некоторые события из его жизни и, самое важное, его внутренний мир, его взгляды и размышления. Шмелёву пришлось ждать без малого пять лет, прежде чем роман наконец пришел к читателю в журнале «Знамя», №3 за 1987 г. Он прождал бы и больше, если бы климат застоя не сменился в стране освежающей атмосферой перестройки и гласности. В самом деле, уж очень безыдейным выглядело повествование о русском интеллигенте, который всю жизнь провел в библиотечном зале, по возможности держась подальше от мирской суеты, идейных баталий и политической возни. Более того, по сути, автор бросил вызов официальной идеологии, противопоставив ей гуманистический призыв к милосердию как главной нравственной основе человеческого бытия и устройства общества.

Настроения среди ученых-обществоведов, особенно в академических кругах, преобладали мрачные. Менее чем за два с половиной года, с ноября 1982 по март 1985 г., сменилось три генеральных секретаря ЦК КПСС и был избран четвертый — Михаил Сергеевич Горбачёв. Его приход вызвал неоднозначные чувства — смесь неуверенной надежды и стойкого скепсиса. Но события пошли одно неожиданней другого — перестройка, гласность... Одним из впечатляющих событий этого начала была статья «Авансы и долги», опубликованная в июньском номере журнала «Новый мир» за 1987 г. Статья была переведена на множество языков и опубликована во множестве стран. Так что вряд ли будет преувеличением сказать, что имя ее автора — Николай Шмелёв — стало известно во всем мире. Я воспринял ее как квинтэссенцию размышлений автора на протяжении 30 лет, с конца 1950-х гг. Многое из того, что в ней было сказано, я знал из наших бесед, но в своей цельности статья воспринималась как прорыв в новое пространство отечественной экономической мысли, да и не только экономической.

В «Авансах и долгах» Николай Шмелёв явил себя в трех лицах — ученого, соединяющего в себе исследователя-экономиста и мыслителя; литератора, наделенного даром яркого публициста; наконец, человека с развитым, я бы даже сказал, редким по своей органичности чувством здравого смысла.

Вкратце достоинства статьи можно изложить в пяти пунктах:

- Откровенная, очень жесткая характеристика состояния советской экономики и государственной системы управления ею.

- Содержательный экскурс в историю экономической политики КПСС и Советского государства, в том числе анализ обстоятельств, при которых в конце 1920-х гг. был взят курс на создание тотально огосударственной и централизованной экономики со всеми ее изъянами и пороками.
- Честная оценка негативных нравственных последствий этой экономической системы, ее несовместимости с естественными мотивами и стимулами любой экономической деятельности человека.
- Резкая оценка экономической бюрократии вообще, особенно ее высшего слоя. «Коренной порок нынешней структуры хозяйственного управления, — заявлял Шмелёв, — полная безответственность высших этажей пирамиды». «Кто будет отучать наших хозяйственных руководителей, особенно высших, от феодальной психологии, кастового чванства, уверенности в своей непотопляемости, своем “Богом данным” праве командовать, в том, что они выше законов и выше критики?»³ Это была самая рискованная часть статьи; автор вызывал огонь на себя.
- Последнее по месту, но не по значению — Шмелёв назвал некоторые ключевые пункты экономической реформы, нацеленной на переход от директивной экономики к рыночной.

Статью прочли миллионы людей, и она, естественно, вызвала бурные дебаты. У нее оказалось огромное количество сторонников. Однако было и множество людей, воспринявших ее как личный вызов, потому что она поставила под сомнение то дело, которому они посвятили свою жизнь: идеологический аппарат партии и государства, — вузовские преподаватели марксистско-ленинской политэкономии и других обществоведческих дисциплин, изрядная часть сотрудников в органах массовой информации. Немало сомневающихся и даже противников статьи было и среди людей, никак не связанных с этими структурами. Одни усматривали в статье посягательство на «основы», других смущал радикализм рекомендаций автора.

Устные дискуссии в стране, публичные и частные, длились долго, а со страниц прессы исчезли очень скоро. С механизмом изъятия этой темы из СМИ я познакомился, когда в октябрьском номере «Нового мира» появились два поступивших в редакцию письма, посвященных «Авансам и долгам». Одно — очень короткое и восхищенное — подписала С. Бобкова, по ее словам, «рядовой советский человек»; второе — А. Соловьёв,

---

³ Шмелёв Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 158.

доктор экономических наук, профессор кафедры политэкономии Костромского технологического института. Он объявил Шмелёва сторонником замены социализма рыночным мелкотоварным и мелкокапиталистическим производством, а статью обозвал «демагогией на грани приличия»⁴. Я написал злой двухстраничный ответ профессору и отправился с ним в редакцию журнала. Сотрудник отдела писем, мужчина лет сорока, прочел его и сказал, что текст хороший, но из ЦК КПСС уже давно поступило распоряжение выбрать два письма с противоположной направленностью, опубликовать их (что они и сделали) и закрыть эту тему. Когда я через некоторое время рассказал этот эпизод Шмелёву, он ответил, что могло быть гораздо хуже. Вскоре же после появления «Авансов и долгов» в отделе пропаганды ЦК КПСС была подготовлена разгромная статья, и публиковать ее было решено в главном печатном органе партии — газете «Правда». Остановил эту затею М. С. Горбачёв, которому, по его просьбе, Шмелёв уже не раз направлял аналитические записки, посвященные проблемам и задачам экономической реформы. Идеологическим церберам из ЦК КПСС пришлось отказаться от лобовой атаки на Шмелёва и его идеи, ограничившись отлучением автора от прессы.

Впрочем, отлучение оказалось недолгим. «Авансы и долги» круто повернули жизнь самого автора: он стал публичным человеком. В какой-то статье, появившейся после его кончины, Николай Петрович Шмелёв был назван «шестидесятником». Но конкретные люди, объединяемые этим понятием, были разными. Шмелёв мог повторить то, что однажды сказал о себе писатель Василий Аксёнов: «Если говорить о тех явлениях, которые начались в обществе, то я смело могу себя назвать скорее пятидесятником, чем шестидесятником... Я прозрел гораздо раньше, чем все другие»⁵. Прозрение Шмелёва началось в трагический день на Трубной площади, и в те годы мимо него не прошли ни статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», ни «Оттепель» Ильи Эренбурга, ни жемчужинки русской прозы — яшинские «Рычаги» и гранинское «Собственное мнение». Не суть важно, называть Шмелёва «пятидесятником» или «шестидесятником», но он был членом этого незримого содружества по двум важнейшим критериям — нравственным императивам и критическому отношению ко многим реалиям советской и международной жизни. Вместе с тем, он

⁴ Новый мир. 1987. № 10. С. 265–267.

⁵ Шестидесятники-II. Встреча поколений. Часть 1. Интернет-ресурс. URL: <http://www.liberal.ru/articles/1260>

не «светился», не подписывал протестные письма, не был правозащитником, к движению диссидентов относился осторожно, а к некоторым из числа самых радикальных — весьма критично. Шмелёв не считал себя и не был активистом и участию в общественной деятельности предпочитал просветительство. Был лектором от Бога, и, как вспоминали его бывшие ученики, за конспектами его лекционных курсов на экономфаке МГУ перед экзаменами выстраивались очереди.

После публикации статьи все переменялось. Профессор Шмелёв — желал он того или не желал — был назначен общественным мнением одним из самых авторитетных лидеров только что родившегося демократического движения. Он стал «публичным человеком» высшего разряда. Вспомним основные вехи его жизни и деятельности в последующее четырехлетие вплоть до августа 1991 г. Сначала отчаянная борьба весной 1989 г. за то, чтобы провалить на общей конференции Академии наук предложенный Президиумом АН список кандидатов на Съезд народных депутатов СССР, в который не был включен ни один из авторитетных ученых, выдвинутых многими академическими институтами, в том числе и Шмелёв. Борьбу эту возглавила инициативная группа «За демократические выборы в АН», в которую вошли представители более 40 институтов АН из разных регионов и республик страны. На состоявшейся в марте конференции большинство входивших в список лиц были провалены, а в ходе подготовки ко второй конференции вместо них в список были внесены 12 ученых-демократов, в том числе Андрей Дмитриевич Сахаров и Николай Петрович Шмелёв. Все они были избраны на Съезд народных депутатов⁶.

А дальше последовали несколько лет активного участия Шмелёва в работе Съезда и созданной на нем Межрегиональной депутатской группы (МДГ), объединившей демократическое крыло депутатов. Блестящие выступления на пленарных заседаниях Съезда, которые транслировались по телевидению на всю страну, и напряженная деятельность в перерывах между заседаниями. Звездный период жизни и деятельности Николая Шмелёва! Его кульминацией стал триумф российской демократии 21–22 августа 1991 г. Триумф, который обернулся трагедией ее поражения.

Это стало трагедией и для Николая Шмелёва. Вряд ли преувеличу, сказав — величайшей трагедией в его жизни. Четыре года, с конца 1987, когда вышли его «Авансы и долги», и до конца 1991 г. он был одним из лидеров

---

⁶ См. об этом подробнее: *Шейнис В. Л.* Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 213–223.

российского демократического движения. Это было и его детище. После провала ГКЧП и крушения всей коммуно-советской политической системы, казалось, пришло время триумфа российской демократии, однако реальностью оказалось ее поражение и самодискредитация. В конце того же года — я узнал об этом позже — Шмелёв вышел из президентского совета, а в начале февраля 1992 г. он поступил на работу в Институт Европы РАН, где уже третий год трудился и я.

Здесь мы и встретились после долгого перерыва. В те годы, когда он полностью ушел в высокие сферы российской политической жизни, мы не пересекались, если не считать, может быть, двух-трех встреч у Вадима Мильштейна. Мне запомнился наш первый разговор, состоявшийся вскоре после его прихода. Он проходил большей частью в формате: мой вопрос — его ответ. Почему для формирования правительства понадобилось целых три месяца? Почему из всех возможных кандидатов на пост фактического главы правительства, осуществляющего экономическую реформу, был назначен Егор Гайдар? Почему сам Шмелёв остался не у дел? Почему он оказался в оппозиции к программе реформ Гайдара и какой могла быть альтернативная концепция реформы?

Жаль, что я ничего не записал тогда. Так что теперь уже и не разберу, что он мне рассказал тогда, что — позже, а что я почерпнул из его текстов, в которых он не раз возвращался к тем драматическим временам. Но главные аргументы Николая Петровича запомнились. Первым разочарованием был стремительный распад Межрегиональной группы и резкое изменение климата отношений между ее лидерами. Заговорили возросшие амбиции, возникли группировки, столкнулись интересы, начались интриги. Это было не для Шмелёва — человека, органически не приемлющего весь этот букет служебных и человеческих отношений, столь знакомых ему по советским временам (он ведь и в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС — 1968–1970 гг. — больше двух лет выдержать не смог и нашел способ уйти оттуда). Но самым сильным ударом для Шмелёва было содержание программы экономической реформы, предложенной Егором Гайдаром и его командой. Он сказал, и мне запомнились ноты горечи и недоумения: «Я никогда не прощу им того, что из всех вариантов реформы они выбрали самый жестокий, самый грабительский вариант для десятков миллионов людей». Здесь и проходил водораздел между ним и командой реформаторов. И еще одна реплика запомнилась, на сей раз в адрес программы Григория Явлинского, самой близкой Шмелёву по содержанию: «Почему 500 дней? Ведь России для перехода к рыночной экономике понадобятся годы и годы».

В общем, места Шмелёву в команде экономических советников и в политическом окружении президента Ельцина не было, да он и не рвался туда. Сам о себе он как-то сказал: «Надо уметь говорить нет и да и надо уметь ломать хребты. Я не умею». Он вернулся в мир науки и, что не менее важно, в мир литературного творчества, куда он вошел еще в 1970-е гг., когда были опубликованы его первые рассказы. С этой точки зрения, выбор места — Институт Европы — был, наверное, самым подходящим среди всех вариантов. Институт небольшой по сравнению с ИМЭМО или Институтом США и Канады. Значит, и коллектив небольшой, с хорошим климатом научных и человеческих отношений, созданным прежде всего благодаря усилиям основателя и директора института, академика Виталия Владимировича Журкина. Зачислен был Николай Петрович Шмелёв в должности главного научного сотрудника. Главный, и при том — рядовой: никем не руководишь, и над тобой никого нет, кроме директора, с которым ты в очень давних дружеских отношениях. В общем, «вольный стрелок», что, как мне казалось, Николая Шмелёва в тот момент вполне устраивало.

Анализ двадцатилетней творческой деятельности Николая Петровича Шмелёва в Институте Европы потребовал бы, как минимум, обширной статьи. Я ограничусь лишь некоторыми личными впечатлениями, которые носят субъективный характер и, может быть, разделяются не всеми, кто его знал в эти годы и работал вместе с ним. На мой взгляд, работа Шмелёва в институте четко делится на два периода: с момента прихода по 1999 г. и следующие 14 лет вплоть до кончины, когда он возглавил наш институт.

В 1990-е гг., как мне видится, главным направлением деятельности Шмелёва была реализация собственных творческих планов — научных, которые стали важной составной частью работы Института Европы, и литературных. Он быстро включился в коллективную научную жизнь института. Диапазон его интересов как российского ученого и — подчеркну — глубоко русского человека был чрезвычайно широк: экономика России и постсоветских государств, современный этап развития и перспективы России, мировая экономика с акцентом на Европу и Запад в целом, мир и международные отношения в XXI в., включая проблемы цивилизации и культуры. Поэтому он, как правило, активно участвовал в значимых научных форумах, российских и международных, проходивших в стенах института. У него была собственная, «шмелёвская», манера выступления. Я назвал бы ее — «размышления вслух», неторопливые и ненавязчивые, с подтекстом, в котором звучало: можете соглашаться или не соглашаться, но задумайтесь

над тем, что я сказал. Этот доверительный тон, взывающий к логике здравого смысла, придавал дополнительную убедительность его словам.

Все эти годы Николай Петрович продолжал разрабатывать тематику перехода России к рыночной экономике. В 1996 г. вышла в свет его книга «Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ», в которой он собрал самые значительные статьи и доклады, начиная с октября 1987 г., когда появились его «Авансы и долги», и кончая статьей «Экономика и общество», опубликованной в январе 2006 г. Тематически в первую часть вошли работы, в которых изложены взгляды автора на то, какой должна быть экономическая реформа, нацеленная на переход СССР-России к рыночному хозяйству; во вторую — статьи, посвященные анализу и критике экономической реформы, начатой Е. Гайдаром и продолженной, с существенными коррективами, правительством В.С. Черномырдина. В конструктивном плане Шмелёв продолжал отстаивать свои взгляды на содержание и методы строительства эффективной рыночной экономики, особенно в ее социальном, политическом и нравственном аспектах.

В те годы я не во всем был согласен с ним, считая, что он слишком крут в своей критике, так как радикализм и жесткость программы Гайдара были обусловлены катастрофическим состоянием советской экономики и реальной угрозой социального хаоса. Шмелёв же, напротив, именно в силу этих обстоятельств считал необходимым начать реформу с экстренных мер государства, призванных наполнить внутренний потребительский рынок товарами, и на этой основе проводить постепенную либерализацию цен. Наибольшую тревогу у него вызывало воздействие, которое может оказать реформа на психологическое и нравственное состояние населения, и одной из важнейших задач реформаторов он считал минимизацию ее негативного эффекта. Этот голос здравого смысла и крик души автора звучит со всех страниц книги. Теперь, через 13 лет после начала той реформы и с учетом того, что произошло за это время в стране и к чему она пришла, я принимаю почти все оценки, которые Николай Петрович давал реформе 1992 г. и последующей экономической политике правительств в 90-е гг. И прежде всего я солидарен с ним в понимании первостепенного значения взаимозависимости экономической политики государства и нравственного состояния общества. А досталось в наследство новой власти общество, сформированное в советские времена, и в нем доминировали аморальность и циничный прагматизм — «наверху», нравственная деформация и распад социальных связей — «внизу». Реформа в том виде, как она проводилась, и развязанные ею стихийные процессы становления «первоначального»,

полукриминального капитализма способствовали дальнейшему росту этих «родимых пятен» советского социализма.

Не помню, заходили ли у нас разговоры о литературном творчестве, в том числе его собственном. Наверное, заходили, да стерлись в памяти, так как не были для нас главной темой. А осенью 1999 г. он подарил мне книгу «Ночные голоса», в которую, наряду с читанной мною повестью «Пашков дом» и рассказами 1970-х и 1980-х гг., вошли только что законченные воспоминания «Curriculum vitae (Повесть о себе)» в трех частях. Они были необычными: несколько десятков коротких главок, каждая посвящена конкретному эпизоду из жизни автора, с сентенциями или без оных, и расположены они не в хронологическом порядке. Шмелёв развертывает широкую панораму жизни страны, шествуя по ее социальным этажам и квартирам, не забывая наведаться и в другие страны. А за этими эпизодами, а лучше сказать — над ними, возникает фигура самого автора, человека немолодого и умудренного, с его неистощимой любознательностью, с его редкой способностью — невзирая на регалии и социальные статусы, на парадные костюмы, изысканные платья, поношенные куртки и мятые джинсы, модные туфли и стоптанные башмаки — всмотреться в «голую сущность» человека, понять ее и оценить. О Николае Петровиче Шмелёве как главном герое его книги можно рассказать намного больше, тем более что через несколько лет он изрядно расширил свои воспоминания, оставив прежнее название, но заменив подзаголовок⁷. Но я на этом остановлюсь.

Шмелёв подарил мне книгу осенью, а за несколько месяцев до этого у нас состоялся неожиданный для меня разговор. В один из февральских дней он зашел ко мне и сказал, что Виталий Владимирович предложил ему занять место заместителя директора, которое освободилось после моей отставки. «Ты сам ушел или как?» — спросил Николай. «Сам», — ответил я, объяснив, что еще в конце 1998 г., незадолго до своего 70-летия, сказал Журкину, что хочу уйти со всех административных постов — заместителя директора, заведующего отделом европейской интеграции и президента Ассоциации европейских исследований — и посвятить все свое время научной работе. «Нет, — возразил Виталий Владимирович, — это вызовет кривотолки в институте, так что начнем с чего-то одного». Я предложил начать с поста «замдира», на том мы и порешили. Я задал Шмелёву

---

⁷ Шмелёв Н. П. Curriculum vitae. Нечто мемуарообразное // Шмелёв Н. П. В пути я занемог. М.; СПб., 2006. С. 335–621.

встречный вопрос: «А зачем тебе эта должность, которая будет отнимать у тебя время от науки и литературы?» — «У меня ощущение, — ответил он, — что я исчерпался как писатель».

Шмелёв сказал мне не все, да и не вправе был сказать. Выяснилось это в конце 1999 г., когда Виталий Владимирович неожиданно объявил о своем намерении уйти в отставку и проведении досрочных выборов директора института. По предложению нескольких ведущих сотрудников, кандидатом на должность директора был выдвинут член-корреспондент РАН Николай Петрович Шмелёв. Насколько я помню, проголосовали за него не единодушно, но убедительным большинством.

У Шмелёва были веские основания принять это предложение. Читая его статьи 1990-х гг., посвященные проблемам российской экономики, видишь, как выростала пропасть между его оценками, его рекомендациями и экономической, да и всей внутренней, политикой руководства страны. Это рождало чувства разочарования и горечи, вызванные не востребованностью его знаний и опыта. Не видел я лукавства и в том, что сказал Шмелёв о своем писательстве. Роман «В пути я занемог», законченный в 1994 г., был последним и, на мой взгляд, наименее удачным из его литературных произведений. Правда, в 1999 г. Шмелёв опубликовал свои воспоминания, но это совсем иной жанр литературного творчества, уникальность и ценность которого с возрастом автора лишь возрастает. Ему недавно исполнилось 60 лет, и он был полон творческих сил, которые мог бы реализовать как директор академического института.

Я не беру на себя смелость анализировать деятельность Николая Петровича Шмелёва на этом посту. Полагаю, что он вполне заслуживает подготовки и издания монографии в серии «ЖЗЛ». Скажу только, что оцениваю его деятельность высоко. Его главный вклад в развитие и укрепление научного авторитета института состоит, на мой взгляд, в том, что он:

(а) сумел сохранить климат свободомыслия, конструктивных дискуссий, неприятия интриг и склок, сложившийся в институте благодаря усилиям Виталия Владимировича, поддержанным всем коллективом;

(б) сохранил, по возможности, кадровый состав института, прежде всего ведущих специалистов, и немало поспособствовал пополнению коллектива молодыми учеными, окончившими институтскую аспирантуру или приглашенными со стороны;

(в) сыграл ведущую роль в создании журнала «Современная Европа», став его шеф-редактором с первого номера, вышедшего в свет в марте 2000 г.;

(г) был инициатором и председателем редколлегии уникальной серии фундаментальных монографий, посвященных странам и общим проблемам Европы, под общим названием «Старый Свет — новые времена».

Последние три года жизни и директорства Николая Шмелёва были неизмеримо трудными. Он проводил в последний путь жену, с которой прожил более 40 лет; резко ухудшилось зрение из-за отслоения сетчатки, и возникла угроза полной слепоты, начались сердечные боли и перебои. Он тянул, как мог. Я иногда заходил к нему, не имея никаких дел, а просто выкурить вместе по сигарете и обменяться парой слов, и порой было видно, как тяжело ему приходится. Вечером 6 января 2014 г. сердце не выдержало.

Я убежден в том, что оно в огромной степени не выдержало из-за нараставшей боли, вызванной тем, что происходило в стране. Воспринимал он это как трагедию — России и свою, личную. В 2000-е гг., в поисках ее истоков, Шмелёв не раз обращается к истории России XIX и XX вв. «Основной итог периода российской истории с 1917 по 1953 г., — пишет он в одной из статей, — заключался ... в том, что лучшая и в умственном, и в нравственном, и даже в физическом отношении часть нации была по тем или иным причинам за эти годы уничтожена»⁸. Он обращается и к истории русской интеллигенции, отмечая ее склонность, «начиная, как это ни прискорбно, еще с декабристов, к насилию», разрушительной пропаганде⁹. Так было в 1917 г. и вновь в 1991 г., когда демократическая интеллигенция своими руками сотворила реформаторов из своей среды, докторов наук и профессоров, которые «оказались по всем повадкам — те же большевики, только с другим знаком»¹⁰.

Шмелёв отвергал эту идейную традицию русской интеллигенции с позиций умеренного, можно сказать, просвещенного консерватизма, опирающегося на заповеди христианства, на такие нравственные ценности, как семья, традиции, верность отечеству и государству, выступающее гарантом законности и порядка. Та же система ценностей просматривается и в его воспоминаниях — не в виде сентенций, а в том, как ведет себя автор в различных эпизодах, как комментирует и оценивает действующих лиц.

Шмелёв существенно дополнил воспоминания в 2001–2005 гг.

---

⁸ Шмелёв Н. П. Духовное здоровье русского человека // Современная Европа. 2004. № 1. С. 6.

⁹ Шмелёв Н. П. Интеллигенция и реформы // Шмелёв Н. П. Авансы и долги, или Возвращение к здравому смыслу. М.; СПб., 2007. С. 397.

¹⁰ Там же. С. 398–399.

Я не знаю, правильно ли заканчивать в миноре мои воспоминания о замечательном человеке и моем друге Николае Шмелёве, но у меня не выходят из головы два текста, в которых он подытоживает свою жизнь. Первый — из его интервью в 2009 г. Вопрос журналиста и его ответ: «Николай Петрович, если бы знали, чем дело кончится, стали бы печатать вашу статью “Авансы и долги”?» — «Нет, лучше бы я про любовь писал»¹¹.

Здесь как будто все ясно, но остается вопрос: когда Шмелёв пришел к выводу, что нынешней власти его экономические взгляды и рекомендации не нужны? Конечно, не накануне интервью. Скорее всего, если не в конце 1990-х, то в начальные годы президентства В. В. Путина и уж никак не позже 2003 г. Несколько утешает лишь, что властители не вечны, а подчас и скоротечны. Тем, кто сменит их, придется выбираться из экономической ямы, вырытой предшественниками, и тогда, глядишь, пригодятся советы Николая Петровича Шмелёва.

Второй текст — концовка его мемуаров. Три звездочки, закрывающие последнюю главу, и заключительные строки: «Нет, не понимаю! Ничего не понимаю. И не понимал никогда. В этом, похоже, и заключается она, моя жизнь, — от начала и до конца. И если разбираться, то ничего, кроме недоумения, в ней, по сути, и не было. Немного? Конечно, немного. Но что поделаешь, так оно, к сожалению, и есть. Боже, “как грустна вечерняя земля...”»¹². Первое впечатление — шоковое, а потом вдруг прозреваешь, что отважиться на такое признание может только человек, который не боится того, как он будет воспринят. Это мало кому дано. И это сказано человеком высокого полета мысли, многое повидавшим, осознавшим скоротечность нашего бытия, относительность наших знаний и непостижимость смысла самого существования Homo sapiens в бесконечной в пространстве и времени Вселенной.

И еще: автор мог позволить себе такую самокритичную концовку. Мы можем понять это и — не согласиться. Если суждено России преодолеть нынешний сверхкритический период своего бытия и встать на путь национально-государственного возрождения, то среди имен из далекого прошлого, воскрешенных в ее памяти, будет и Николай Петрович Шмелёв — выдающийся ученый, мыслитель, пронизательный и вдумчивый писатель, достойный гражданин, патриот и глубоко русский человек.

¹¹ Московский Комсомолец. 24.08.2009.

¹² Шмелёв Н. П. В пути я занемог. Воспоминания. М.; СПб., 2006. С. 621.

**Николаю Шмелёву
К семидесятилетию**

Июнь как подгадал. Он радуется погодой
В твой юбилей. И благодатный закат
Дарует от щедрот своих природа.
Да невдомек ей странность поздних дат,
Когда не разберешь, то ль плакать, то ль смеяться,
Перебирать лета иль в стол — под сургучом.
А впрочем, есть друзья. Куда от них деваться?
Придут и скажут, кем слывешь и что — почем.
А ты внимай друзьям и веселись с друзьями.
Потом, наедине, уйдешь в свою весну.
Чем дальше, тем прочней в плену нас держит память
И тем привычней мы живем в ее плену.
Давай-ка, друг, с тобой в июньский долгий вечер
Пройдемся не спеша забытою Москвой.
Арбат, и Пашков дом, и мост в Замоскворечье.
И Альма-матер, вновь на Моховой,
Где кто-то нам читал про время и пространство,
Да не сказал никто, как проходить круги.
Прошли! А Бог решит, оправданы ль Авансы
И все ль сполна оплачены Долги.
С тобой сегодня все. И те, кто уж далече.
Мы живы, и судьбу нам не о чем просить.
А семьдесят, мой друг, сочтем за повод к встрече,
Особь, коль выпить есть и есть чем закусить.

18 июня 2006 г.

Ю. А. Борко

КАКИМ Я ПОМНЮ УШЕДШЕГО ДРУГА

С Николаем Шмелёвым мы впервые встретились более полувека назад — в ту незабываемую эпоху, когда духовно формировалось наше общее с ним поколение «шестидесятников», точкой отсчета для которого стал XX съезд КПСС в феврале 1956 г. Неудовлетворенность настоящим, острая критика прошлого сочеталась у нас с романтической идеализацией отдельных его черт в наивной надежде очистить их от поздних искажений, чтобы построить лучшее будущее.

У Коли Шмелёва эти типичные для молодежи того времени иллюзии дополнялись личными особенностями характера, которыми он отличался на протяжении всего его жизненного пути: поистине глобальным кругозором и в то же время глубокой привязанностью к корням русской национальной культуры.

Именно эти свойства характера определяли место Николая Шмелёва везде и всегда — в науке, литературе, политике, его отношения с друзьями и оппонентами. Спокойный, доброжелательный прагматик, склонный обычно искать и находить взаимоприемлемые решения спорных вопросов, Коля становился твердым и непримиримым, когда речь шла о близких его сердцу ценностях.

Так было во время перестройки с поистине исторической статьей «Авансы и долги» в «Новом мире», где он впервые назвал своими именами назревшие проблемы застойной советской экономики, скованной тисками административно-командной системы для неизбежного перехода к реалиям рынка.

Точно так же было и в ходе «шоковой терапии» 1990-х гг., чреватой крушением хозяйственных связей, разгулом спекулятивной стихии, обнищанием десятков миллионов людей. Николай решительно осудил внедрение любой ценой ультралиберальных рецептов, даже оправдавших себя в иных условиях, но несовместимых с российскими реалиями.

Рыночник среди государственников и государственный среди рыночников, либерал среди консерваторов и консерватор среди либералов — таков

был нестандартный выбор Николая Шмелёва в периоды глубоких перемен, через которые прошла Россия за последние десятилетия XX и начало XXI в.

Жизнь подтвердила глубокую своевременность увлечения Николая Шмелёва идеей «поворота на восток» — активного освоения гигантских, но заброшенных пространств России от Урала до Приморья, к Азиатско-Тихоокеанскому региону, ставшему самым динамичным очагом глобализированной мировой экономики.

Николай глубоко и болезненно переживал негативные последствия коренной ломки интеллектуальной опоры страны — Российской академии наук. У меня нет сомнений в том, что именно эта тревога стала одной из главных причин его преждевременного ухода.

Близость взглядов с Колей, никогда не исключавшая острых споров, еще более подчеркивалась для меня нашим общим увлечением творчеством великого нидерландского художника Питера Брейгеля-старшего, репродукции картин которого украшали его кабинет. Его недаром называли «мужицким» — он знал крестьян своего времени, весело подшучивал над ними, но глубоко любил их. Таков был и Коля — русский интеллигент с народными, крестьянскими корнями.

Ю. И. Рубинский

Профессор

Руководитель Центра французских исследований

Института Европы РАН

ОБЫКНОВЕННЫЙ РУССКИЙ ГЕНИЙ

Самое точное определение той роли, которую Николай Петрович Шмелёв сыграл в жизни страны и ее граждан, в том числе и в моей жизни, состоит в том, что он стал для всех нас лучом света в темном царстве, где погасли практически все остальные источники освещения. Воцарившаяся тьма казалась всеисильной, потому что производила впечатление сплошной. Близорукие политики не реагировали на предупреждения и предостережения Николая Петровича, основанные на результатах его эпохальных исследований, а ослепленные сверканием собственного величия «кин-дер-сюрпризы» не внимали его практическим советам. Его голос звучал как бы в общероссийской пустыне. Но тем, кто «в живую» мог слышать высказывания Шмелёва, кто дал себе труд вдуматься в сформулированные им тезисы, кому посчастливилось общаться с ним на личном уровне, сказочно повезло в жизни. Не каждому дано встретить на своем жизненном пути обыкновенного русского гения, истинное место которого в истории страны смогут уяснить себе лишь грядущие поколения. Не удивительно, что с его уходом наш мир стал темнее и мрачнее.

Как известно, талантливый человек талантлив во всем. У ценителей искусства есть понятие — «человек эпохи Возрождения». Оно служит для характеристики людей разносторонних, не укладывающихся в привычные для всех рамки, добивающихся выдающихся достижений в далеко отстоящих друг от друга областях. Именно таким человеком и был Николай Петрович. Гигант экономической науки, глубоко проникающий в суть вещей философ, историк с широчайшим кругозором, блистательный публицист, одаренный писатель, замечательный оратор — таковы только некоторые грани его незаурядной личности. Он как бы шагнул к нам из сокровенных глубин всемирной истории: для сравнения с ним подходит только такой титан человеческого духа, как Леонардо да Винчи. И при этом не было у него ни следа высокомерия, заносчивости или барского снисхождения к окружающим, даже когда те не сразу поспевали за полетом его мысли.

Я безгранично благодарен судьбе за то, что наши с Николаем Петровичем пути пересеклись. Произошло это точно в соответствии с русской поговоркой «не было бы счастья, да несчастье помогло». В начале лихих 90-х резко изменилась линия судьбы всех бывших граждан бывшего Советского Союза. Исключений практически не было, разнился лишь градус излома. Мне еще, можно сказать, повезло. Когда в 1992 г. я подал в отставку, оставив позади отданные дипломатической службе 36 лет (42 года, если считать время учебы в МГИМО МИД СССР), передо мной встала необходимость заново определиться с тем, что я могу и хочу делать в течение оставшейся части моей жизни. В этот момент меня выручило приглашение войти в число сотрудников созданного за четыре года до этого Института Европы РАН, с деятельностью которого я познакомился, еще работая в МИД.

Перспективу исследовательской деятельности в области отношений с Германией, где я провел 17 лет на различных дипломатических должностях, и — с учетом моего пятилетнего пребывания в Париже — с интегрированной Европой в целом я воспринял как награду за долготерпение. За время работы в министерстве я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а также опубликовал три книги по истории международных отношений: о советско-германском дипломатическом противостоянии в 1933–1939 гг. (с использованием документов архива МИД СССР), о корнях франко-германского антагонизма и о событиях последнего года существования ГДР. В 1990–1992 гг., когда я занимал пост советника-посланника посольства СССР/РФ в Берлине, журнал «Международная жизнь» поместил на своих страницах серию моих аналитических статей о развитии ситуации в Центральной Европе. Одновременно я урывками продолжал подготовку докторской диссертации, тема которой («Место ФРГ в системе межгосударственных отношений в Европе») была утверждена в МГИМО еще до моей командировки в Берлин.

Упоминаю здесь обо всем этом только для того, чтобы было понятно, исходя из каких соображений руководство Института Европы РАН (где Николай Петрович был заместителем директора) пригласило меня в 1993 г. включиться в проводимую институтом работу по исследованию основ и условий строительства системы коллективной безопасности в Европе. Это вполне соответствовало моим желаниям и склонностям: ведь речь шла о путях создания той самой Большой Европы, которая только что была обещана нам Западом в качестве «компенсации» за дезинтеграцию социалистического содружества, за утрату Россией системы ее союзов, за развал СССР.

Но одно дело возможность смены направления деятельности, другое — ее реализация. Предстоял перевод всего жизненного уклада на абсолютно новые рельсы. Разумеется, в системе МИД также приходилось готовить аналитические бумаги с выводами и предложениями, но они носили четко выраженный оперативный, «приземленный» характер. Отныне же требовался более широкий взгляд на ситуацию с учетом и исторического фона, и политических параллелей, и перспектив развития. Я очень признателен директору-основателю института академику В. В. Журкину за поддержку и советы в это сложное для меня время. Никогда не забуду внимания со стороны его заместителя В. Н. Шенаева, который способствовал публикации результатов моих исследований в серии «Доклады Института Европы» (с 1997 г. в ней практически ежегодно выходили подготовленные мной работы), а также подставленное доктором исторических наук Н. А. Ковальским дружеское плечо в деле приобщения к проектам общепрофессионального масштаба.

И все-таки я стал ощущать Институт Европы как свой родной дом только после того, как в 1999 г. Николай Петрович стал его директором. Никогда раньше я не встречался с таким абсолютным тождеством человека и его дела. Новый руководитель и возглавляемая им научная организация составляли одно неразрывное целое. Николай Петрович почти физически ощущал институт как часть самого себя. Он обладал редчайшей способностью создавать вокруг себя атмосферу сплоченности, доверия и взаимопонимания. Искал для каждого из сотрудников соответствующее его потенциалу место в рамках решения общих задач Института, находил это место и добивался, чтобы сотрудник занял его. Не останавливался перед тем, чтобы легонечко подтолкнуть вперед молодежь, слишком часто испытывавшую робость перед лицом формальных трудностей, связанных с получением научных степеней.

Он трогательно заботился о том, чтобы в институте готовилась достойная смена для составляющих его гордость ярких ученых мужей и дам, чья творческая биография вступала в завершающуюся стадию. Через год-два и сам Николай Петрович собирался целиком посвятить себя исследовательской работе, покинув с этой целью директорский пост и предложив в качестве своего преемника Алексея Анатольевича Громько, которого он высоко ценил за глубину научного мышления, организаторский талант, энергию и настойчивость. По его инициативе научный коллектив института выдвинул кандидатуру А. А. Громько в члены-корреспонденты РАН.

Характерно для Николая Петровича было категорическое отсутствие бюрократического стиля руководства. Он никогда не ставил свою оценку

работы сотрудников в зависимости от продолжительности их ежедневного присутствия в стенах института. Критерием в его глазах были конкретные результаты научного поиска — идеи, статьи, книги, брошюры, доклады на конференциях. Как директор он был обязан быть в институте — ведь помимо научной работы ему приходилось решать массу технических, финансовых и прочих проблем, без чего существование научной организации в наше сложное время просто невозможно. Но его неодолимо тянуло к стопке чистых листов на письменном столе (к компьютеру он так и не привык). В стенах своего директорского кабинета он жаловался: «Здесь невозможно сосредоточиться, работать не получается».

Мне часто вспоминаются наши первые душевные беседы, которые проходили на начальных мероприятиях российско-германского Петербургского диалога, служивших установлению контактов не только между представителями обеих стран, но и внутри каждой из делегаций. Меня приятно поразили открытость Николая Петровича, его откровенность и прямота его суждений. Наши взгляды на международную ситуацию и на состояние практически всех проблем, волновавших российское общество, были близки или совпадали. У Николая Петровича было шутливое обыкновение удостоверяться в моральных качествах человека, о котором он слышал впервые, задавая собеседнику вопрос: «Он за белых или за красных?». Речь, естественно, шла не об идеологии или о политических взглядах соответствующего лица, а исключительно о его порядочности и надежности. Я был счастлив тем, что мы вместе были «за красных», что мой директор является также моим единомышленником. С самого начала мы стали безгранично доверять друг другу.

Шмелёв умел сам радоваться жизни и заражать окружающих бодростью, оптимизмом, готовностью принимать реальности такими, какими они есть. К моим самым светлым воспоминаниям относятся дни (к сожалению, очень редкие), когда мы вместе участвовали в международных мероприятиях, проводившихся в Германии. Будь то Берлин или Мюнхен, Николай Петрович увлеченно интересовался всем: особенностями истории, архитектуры, деталями поведения автохтонного населения, традициями еды и питья в тех местах, которые он посещал. Он был энциклопедически образован, но никогда не отказывался пополнять запас своих знаний. Ему доставляло почти детское наслаждение распробовать вкус местного глинтвейна посреди толпы посетителей рождественского базара где-нибудь на узкой улочке рядом с величественной Мариенкирхе в центре Мюнхена. Или сравнивать достоинства сортов пенного напитка берлинского

и баварского производства в пивном зале на Фридрихштрассе по соседству с Русским домом в Берлине.

Летом 2011 г. случилось так, что директор берлинского Русского дома пригласил нас провести в его гостевых помещениях почти неделю, отделявшую два организованных им мероприятия (при возвращении в промежутке в Москву вторичный прилет Шмелёва в Берлин стоял бы под вопросом). Мы были с женами, и эта неделя по-семейному непринужденного интеллектуального общения и исполненного искрометным юмором и самоиронией обмена мнениями стала, пожалуй, самой памятной в моей жизни. В россыпи связанных с Николаем Петровичем драгоценных камней памяти видное место занимают дни, проведенные в Баварии делегациями института по приглашению профессора Генриха Оберройтера, возглавлявшего до недавнего времени Академию политического образования в Тутцинге. Если между немцами и русскими могут существовать дружественные отношения, то именно они характеризовали атмосферу этих контактов.

Оптимизм и жизнелюбие были характерны для Николая Петровича в любой ситуации. И в любой ситуации он оставался бесребреником. Его место в самолете находилось всегда в эконом-классе, рядом с другими участниками нашей делегации, причем часто оно было самым неудобным. Он был способен на весьма резкую критику тезисов, которые он считал неправильными, и в то же время уважительно относился к людям, которых признавал честными и неподкупными, даже если они ошибались.

Он одобрил включение в 2002 г. в серию Докладов Института подборки записей из моих берлинских дневников за 1989–1990 гг., но предложил изменить название публикации. Первоначальный вариант звучал так: «Дилетанты правят бал». Николай Петрович был мнения, что такое название может быть воспринято как обидное для М. С. Горбачёва, роль которого в ликвидации ГДР стояла в центре материалов публикации. Директор не отрицал, что политика последнего генсека КПСС привела к катастрофическим результатам, но настаивал на высоких личных качествах Горбачёва — его доброте, бескорыстности, человеколюбию, отказе от применения насилия (что было бесспорно). В итоге публикация пошла под заголовком ««Народ нам не простит...»» — это была цитата из высказываний самого Горбачёва в беседе с нашим послом перед отлетом из Берлина в октябре 1989 г. (в передаче посла высказывание генсека звучало дословно следующим образом: «Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР»).

Вообще Николай Петрович раздражался чрезвычайно редко, даже когда аудитория оказывалась неспособной воспринять «с налета» его мысль,

высказывавшуюся, как правило, в афористичной форме. Если он выходил из себя, то только мотивированно. Например, он не мог заставить себя спокойно говорить о реформаторах начала 90-х, которые, как он говорил, прочитали одну-единственную книгу по экономике, да и ту не до конца. Он отказывался смириться с итогами грабительской приватизации как в 90-е гг., так и позже. Он часто сравнивал ситуацию в России, где приватизация принесла в казну 9 миллиардов долларов, и в Боливии, где этот показатель составил 90 миллиардов, то есть в 10 раз больше. Его гнев неизменно обрушивался на головы российских нуворишей, привыкших считать любое капиталовложение «стоящим», только если оно приносит 500–700% дохода, в то время как среднемировая норма прибыли составляет 9%. Возмущение Николая Петровича вызывала практика омертвления капитала во всяких стабилизационных фондах, которая вела к тому, что Россия фактически финансировала экономику США и Евросоюза в условиях, когда хронически не хватало денег для решения ее собственных внутренних задач. Западные «санкции» по ходу организованного самим Западом украинского кризиса весьма убедительно подтвердили уже после кончины Николая Петровича все высказывавшиеся им опасения.

Меня всегда восхищали маленькие шедевры, в которые он превращал свое вступительное слово на многочисленных научных конференциях, проводившихся в институте и за рубежом. Эти по своему характеру чисто формальные спичи становились у Николая Петровича изящно построенной, блестящей по стилю и исчерпывающей по содержанию квинтэссенцией тематики, которую собирались обсуждать участники мероприятия. Каждый раз он демонстрировал, что свободно ориентируется в любых проблемах, связанных с Европой — и не только с Европой. Несмотря на многие раздражавшие его моменты в политике Европейского Союза, он неизменно расценивал итоги европейской интеграции как колоссальное историческое достижение. Главным ее результатом он считал определенную стабильность, гарантированную для стран Евросоюза: два поколения граждан Западной Европы, государства которой на протяжении веков воевали друг с другом, не знают войны. Вместе с тем Николай Петрович не идеализировал западную политику, которой он не мог простить войну против Югославии, где Евросоюз и США искусственно раздули этнические конфликты, а затем развернули военные действия. Он считал, что трагедия Югославии является убедительным доказательством лицемерия политического класса Европы и США и навсегда останется кровавым пятном на совести Запада.

До самого конца его волновала судьба Большой Европы, то есть перспективы построения системы равноправных партнерских отношений между Евросоюзом и Россией. Здесь Николай Петрович не испытывал особого оптимизма. Разумеется, говорил он, Россия — европейская страна, и русские навсегда останутся европейцами — по истории, культуре, манере жить. Однако Евросоюз не выполняет, как правило, своих обещаний, норовит урвать побольше и заплатить подешевле. Николай Петрович считал, что первым основополагающим шагом к Большой Европе должно стать заключение соглашения о свободной торговле между ЕС и Россией, но это состоится, по его оценке, не раньше чем через поколение, а то и два. Поэтому сейчас неизбежным становится разворот России на Восток. Такой разворот нужен еще и для предотвращения дезинтеграции Сибири и Дальнего Востока. Николай Петрович считал жизненно важным для России обеспечить, чтобы восточная часть страны перестала пустеть.

Украинский кризис достиг своего апогея уже после кончины Николая Петровича. Но он предвидел, что как раз с этой стороны нам грозят самые серьезные испытания. Именно по инициативе директора в институте был создан Центр украиноведения под руководством обладающего огромным политическим опытом В.И. Мироненко. Николай Петрович не закрывал глаза на то, что Украина пытается усидеть сразу на двух стульях, извлекая выгоду из соперничества между Евросоюзом и Россией. Он исходил из того, что преобладающей тенденцией в политике Украины станет все же ориентация на Евросоюз, но не считал это катастрофой. По его убеждению, Украину в ЕС не примут никогда: такой жернов на шее европейцам не нужен, более того — является для них неподъемным. Он считал возможным и целесообразным для нас платить определенную цену за сближение Украины с Россией. Наиболее неприемлемым вариантом было в его глазах, если бы Россия платила, а Украина сближалась в это время с Евросоюзом.

Последнее время Николая Петровича сильно угнетала неопределенность с задуманной радикальной реформой Академии. Он опасался, что эта реформа разрушит то, что с таким трудом удалось спасти в сокрушительный постсоветский период. К тому же лучше, чем кто-либо другой, он знал об ущербе, который наносит продвижению на международной арене российской точки зрения недостаточное финансирование деятельности наших научных учреждений. Например, ему постоянно приходилось иметь дело с тем, что у института нет возможности оплачивать командировки своих сотрудников (хотя бы частично — за пролет и проживание в гостинице) в связи с их участием в научных конференциях, проходящих за рубежом.

Если не удастся заручиться поддержкой какого-либо российского фонда (что в целом дело непростое, а иногда и просто невозможное), то все мы, включая директора, попадаем в положение бедных родственников по отношению к иностранным организаторам совместных мероприятий. Николай Петрович очень опасался, что реформа только усугубит такое положение. Эти волнения наверняка сократили срок его жизни.

История не стоит на месте. Через сто лет после катастрофы Первой мировой войны и в семьдесят пятую годовщину начала Второй европейский континент вновь переживает полосу кризисов, от которых явственно несет запахом пороха и гарью пожаров. Отсутствие Николая Петровича Шмелёва среди тех аналитиков, которые призваны предложить выход из тупиков вроде создавшегося вокруг Украины, затрудняет поиски решения. Но он не зря прожил долгую, плодотворную и такую богатую событиями жизнь. Он оставил после себя учеников и соратников. Мы будем и дальше обращаться к его наследию, реализовывать его идеи, опираться на его авторитет. Обыкновенный русский гений навсегда останется с нами.

И. Ф. Максимычев

Доктор политических наук

Чрезвычайный и полномочный посланник

Главный научный сотрудник

Института Европы РАН

Н. П. ШМЕЛЁВ И РЕЛИГИЯ

Покинувший этот мир в канун праздника Рождества Николай Петрович Шмелёв был обладателем многих талантов: экономист поистине мирового уровня; идеальный организатор научных исследований, терпимый к личному мнению каждого; прирожденный литератор и «просто» (но просто ли?) интеллеktуал самой высокой пробы. Как и большинство наших сограждан, я познакомился с его воззрениями, прежде всего экономическими, по вызвавшей сенсацию журнальной статье «Авансы и долги» (Новый мир. 1987. № 6). Для меня, профессионального историка и журналиста, знакомство с этой работой Николая Петровича стало важной вехой формирования моих собственных взглядов на наше прошлое, настоящее и будущее.

Коренным пороком нашей нынешней структуры хозяйственного управления, писал Николай Петрович, являются полная безответственность высших этажей пирамиды, отсутствие каких бы то ни было приводных ремней «обратной связи», скрытые от посторонних глаз и, как правило, никак не связываемые с результатами работы предприятий и организаций формы поощрения. Глубоко укоренились сугубо административный взгляд на экономические проблемы, почти религиозная вера в организацию, нежелание и неумение видеть, что силой, давлением, призывом и понуканиями в экономике никогда ничего путного не сделаешь.

Понятие «почти религиозная вера» употреблено здесь в негативном смысле, как синоним слепой веры, которая до добра не доводит. В этом же смысле мы часто говорим о «религиозном экстремизме», имея в виду, конечно, не религии как таковые, а использование религиозной фразеологии для оправдания преступлений, совершаемых со ссылкой на «единственно правильное» мировоззрение. Исходя из этого факта, Николай Петрович безоговорочно поддержал создание Центра по изучению проблем религии и общества. Создание более чем своевременное, учитывая выдвигание религиозного фактора на одно из первых мест в ряду средств,

провоцирующих обострение международной напряженности инициатора новой холодной, а в перспективе и «горячей» войны.

Первой акцией Центра, необычной для института системы РАН, стало участие в миротворческом проекте «Иконы в космосе», задуманном как призыв к миру в Югославии, и Николай Петрович согласился выступить одним из его попечителей. Речь шла о двух изображениях святой Анастасии — реальной исторической личности, молодой римской патрицианки (281–304), которая поддерживала христиан, отказывавшихся брать в руки оружие, и приняла мученическую смерть на стыке нынешних Сербии, Хорватии и Словении. Иконы были освящены Патриархом Московским и всея Руси и Папой Римским и с согласия первого президента РФ и Центра управления полетами доставлены на международную космическую станцию «Мир». За семь месяцев полета они совершили вместе со станцией и ее интернациональным экипажем более 3000 оборотов вокруг планеты, после чего были возвращены на землю и при содействии ЮНЕСКО провезены по Европе. Презентация икон в Москве была проведена в нашем институте.

Второй, так же по-своему необычной, инициативой Центра оказался семинар о сосуществовании науки и религии в современном мире. Он собрал многочисленную аудиторию. В наш актовый зал пришли три действительных члена РАН и целая когорта профессоров, докторов и кандидатов наук, людей верующих и неверующих, и вместе с ними — профессиональные служители культа. Николай Петрович внимательно слушал всех выступающих, но сам слова не брал. Он лишь иронически улыбнулся, когда православный священник Даниил Сысуйев, полемизируя с академиком Гинзбургом, на полном серьезе заявил, что «наука была, есть и всегда будет служанкой богословия». Никто тогда не мог себе представить, что этого человека, выходца из среды кряшен — волжских татар, крещенных государственной церковью после покорения Иваном Грозным Казани, ждет смерть от рук террориста-мусульманина.

Выступление Н. П. Шмелёва на нашем следующем форуме прозвучало как своего рода исповедь: «На сей раз здесь нет лауреата Нобелевской премии академика Виталия Гинзбурга, который, к сожалению, сейчас находится в больнице. Он позиционирует себя как атеист, но при этом признает, что завидует тем, кто обладает даром чистой, незамутненной и искренней веры. Сам я, может быть, не такой уж и атеист, но хорошо понимаю ощущение надежды на то, что благодать коснется и меня, что и во мне появится искренняя и чистая вера. Поиск веры и поиск Бога генетически присущи каждому человеку, но российский опыт показывает, что нельзя сбрасывать

со счетов и влияние, которое оказывают на человека и его веру внешние факторы. После 1917 года “народ-богоносец” с такой яростью крушил церкви и расправлялся со священнослужителями, что подобного “атеизма снизу” не ожидали даже руководители пришедшего к власти богоборческого режима. Девяносто лет спустя никаких гонений на церковь нет. Однако проблема свободы религии осталась в повестке дня нашего общества, и ей угрожает уже другой противник — религиозная нетерпимость».

Обращение к участникам очередной встречи ученых-религиоведов со служителями религиозных культов директор института начал и завершил выдержками из 1-го послания святого апостола Павла к Фессалоникийцам. Сначала напомнив знаменитое предостережение апостола: *«Ибо, когда будут говорить: “Мир и безопасность”, тогда наступит их пагуба»*, он добавил: *«Эта цитата выбрана мной не случайно. Думается, она в самой сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил (и живет) вот уже как минимум пять поколений подряд, с начала XX века и по сегодняшний день. Вряд ли какой еще народ в истории пережил всего за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовых, тотальных голодовках. Естественно, при подобном, скажем так, наследии из двух главных возможных сценариев развития России — пессимистического и оптимистического — первым приходит в голову именно пессимистический»*. А завершая выступление, привел другую цитату из того же документа: *«Вы, братья, не во тьме, чтобы день застал вас как тать. Ибо все вы — сыны света и сыны дня... Посему увещевайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете... Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом на зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем»*.

Ни минуты не колеблясь, в один из острых моментов развернувшейся в обществе дискуссии о характере церковно-государственных отношений Николай Петрович направил политическому руководству государства, в президиум РАН и лидерам всех наиболее крупных общин верующих аналитическую записку «Религии в России — фактор укрепления или распада государства?». В ней констатировалось, что в стране происходит постепенное сползание к конфронтации двух вступающих в конфликт идентичностей: многонациональной и многорелигиозной российской, с одной стороны, и русско-православной, ориентированной на опыт средневековой Москвы, — с другой. А это чревато угрозой распада России по этноконфессиональному признаку. Чтобы избежать подобного развития событий, указывалось в записке, «потребуется направить его по пути, намеченному

Конституцией РФ, законодательством и международными обязательствами нашей страны. Русская православная церковь, со своей стороны, может внести неоценимый вклад в формирование новой общероссийской культурной идентичности, ни в чем не поступаясь постулатами православия, если она будет последовательно проводить в жизнь положения собственной социальной концепции».

Николаю Петровичу нравилось, что на нашей площадке без проблем на равных встречаются представители общин, объявленных «традиционными для Святой Руси», и так называемых «новых религиозных движений», таких как мормоны, «Свидетели Иеговы», кришнаиты и сайентологи, не говоря уже об убежденных атеистах. Радовался появлению в зале мусульманского имама в чалме, раввина в кипе и буддийского ламы в ярких разноцветных одеяниях. Не скрывал удовлетворения, видя, как православный иерей и генсек конференции католических епископов России усаживались рядом друг с другом и оживленно беседовали — явно не о «канонических территориях» своих церквей, а о чем-то более приятном и в конечном итоге полезном. А в перерыве между заседаниями за чашечкой кофе обменялся впечатлениями с руководителем российских кришнаитов.

Лично я благодарен Николаю Петровичу — и моим коллегам — еще и за то, что к моему 70-летию по инициативе нашего общего друга и руководителя мне был сделан ими поистине царский подарок — многотомное издание «Истории Русской церкви» митрополита Макария (годы жизни — 1816–1882). Одновременно ученый-писатель преподнес мне только что вышедший из печати двухтомник своих исторических произведений «Сильвестр» и «Пашков дом». С дарственной надписью, которую я, конечно же, не заслужил: «Дорогой Анатолий Андреевич! В столь знаменательный день тебе как главному специалисту во всех Божественных делах со всей сердечностью от человека, тоже всему этому не чуждого». На самом деле я должен благодарить Провидение за то, что на мою долю выпало счастье почти два десятка лет трудиться бок о бок с человеком, воистину близким «ко всем Божественным делам».

А. А. Красиков

Профессор

Руководитель Центра по изучению проблем религии и общества

Института Европы РАН

ИСКУССТВО ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ

Человек науки и литературы Николай Петрович Шмелёв проявил себя и еще в одном виде искусства, которым в совершенстве владеют единицы, — искусстве жить на Земле.

Вершин в любом деле достигают лишь те, кто отдается ему самозабвенно, всей душой. Талантливый человек талантлив во всем. Широта души Николая Петровича ярко проявилась во всех сферах его многогранной деятельности. Он любил научную исследовательскую работу, литературное творчество, людей, любил жизнь. В нем сочетались душевная теплота и высокий профессионализм. Его не просто уважали и им восхищались, его любили.

Особенно это чувствовалось в коллективе института, где во многом благодаря Николаю Петровичу были собраны самые разные люди: по возрасту, характерам, ученым степеням, жизненным позициям. В отношении Шмелёва мнение было единодушным. И это вполне объяснимо, учитывая магнетическую силу его души, широкой, открытой для людей, умение слушать, слышать и понимать. Неслучайно после беседы из кабинета директора люди выходили умиротворенные, получившие реальную помощь.

Он обо всем имел личное, всегда оригинальное мнение, свою позицию отстаивал интеллигентно, мягко, но непреклонно. При этом не просто уважал чужое мнение и признавал право его иметь. Уважение к работе коллег сказывалось и на отношении к результатам их труда. Навсегда запомнились слова Николая Петровича о том, что к любой книге он относится «с благоговением». Его кабинет всегда был не просто заполнен, но буквально завален книгами и журналами. И он всегда находил время поддержать их в руках, хотя бы полистать и сказать добрые слова автору, если тот того заслуживал. Притом он никогда не кривил душой. Некоторые опусы получали довольно резкую оценку вплоть до вопроса: «Как можно приносить такую чушь?».

Человек энциклопедических знаний, Н. П. Шмелёв умело оценивал прошлое, анализировал настоящее, не боялся заглядывать в будущее. Жизнь

доказала, что его прогнозы сбываются. Он умел уловить глубинные тенденции происходящих процессов, предвидеть их результаты. Колоссальные фактические знания, умение их осмыслить и прийти к неожиданным, порой парадоксальным, но всегда оригинальным выводам представляли собой ценный и редко встречающийся сплав. Не будет преувеличением сказать, что личность этого человека объединила в себе аналитический склад ума и романтизм души, дар предвидения и тонкое понимание людей, широту взглядов и тонкий ироничный ум.

Научное и литературное наследие Н. П. Шмелёва — рукотворный памятник, который он начал возводить себе при жизни. Честь называться другом такого человека обязывала стремиться к вершинам. От общения с ним люди становились лучше, и они хранят в своих сердцах частицу его большой и доброй души.

Однако при мягкости манер всегда чувствовалась твердость характера, стальной стержень жизненных принципов, который пронизывал его жизненный путь. Жизнь его была длинной и нелегкой, но он пронес через нее светлое чувство оптимизма, порядочности, уважения к людям и их труду.

Авторитет Николая Петровича в научных кругах страны и на международной арене был непререкаем прежде всего благодаря широте взглядов и научной смелости. Его можно назвать человеком европейского и даже вселенского масштаба. Особенно ярко это чувствовалось во время совместных поездок за границу. Каждое его выступление или доклад были ожидаемы и имели неизменный успех, всегда оправдывали ожидания. Отличались неординарностью суждений и выводов, умением выделить тот аспект темы, который был важен и интересен именно этой аудитории, обосновать его и сделать не только понятным для единомышленников, но заставить порой и идейных противников признать свою правоту.

Человек, немало колесивший по миру, Н. П. Шмелёв не потерял способности удивляться, ценить красоту, радоваться забавным случаям. Так, однажды в Италии, в городе Бари, где тогда готовилось открытие русской православной церкви и ожидался приезд Д. А. Медведева, во время вечерней прогулки по бульварам Николай Петрович искренне веселился и с удовольствием фотографировался в обнимку с памятником сербскому генералу Никола Петровичу.

Перед глазами возникают картинки, когда он бросает монетки в фонтан де Треви, любуется развалинами древних Афин, сидит в президиуме очередной научной конференции, заразительно смеется за ужином с друзьями.

Скоро год, как нет с нами Николая Петровича Шмелёва. Он ушел безвременно и несправедливо, а мы остались, не всегда сумевши полностью оценить величину его мощного таланта, открывая до сих пор что-то новое, перелистывая его книги, пересматривая фотографии. Однако человек жив, пока его помнят, а помнить Н. П. Шмелёва мы все будем долго.

Вечная ему память!

М. В. Каргалова

Профессор

Руководитель Центра социального развития Европы

БЕСЕДЫ БЕЗ РЕДАКТУРЫ

С Николаем Петровичем мы познакомились в 1993 г., он в то время достаточно часто выступал в разных вузах Москвы, так сказать, с послесловием к гремевшим «Авансам и долгам». Я тогда училась в докторантуре МГУ и пришла на одну из таких встреч. Так более чем 20 лет назад, в конце солнечного марта 1993 г. началось мое знакомство с Николаем Петровичем Шмелёвым.

Наша первая неторопливая беседа уже не в Главном здании МГУ, а на Моховой, в Институте Европы, состоялась 31 марта 1993 г. Точную дату, к сожалению, помню не я, ее помнит экземпляр книги Николая Петровича «Спектакль в честь господина первого министра» с дарственной надписью, сделанной его рукой. Горжусь, что в моей домашней библиотеке 11 книг художественной прозы Н. Шмелёва в разных изданиях. Последнюю, мини-формата, он издал в 2012 г.

В ту встречу на Моховой Николай Петрович рассказал, что пришел в Институт Европы из Института США и Канады совсем недавно. Услышала тогда: «Я доволен. На Моховой я начинал студентом МГУ, сюда и вернулся».

За эти двадцать лет беседовал Николай Петрович со мной о разном, и за исключением долгих летних отпусков велись наши разговоры, пожалуй, не реже чем раз в месяц. Была некая потребность в этих беседах, в их, говоря словами Николая Петровича, «нередактируемой тональности». Такой стиль все же весьма своеобразен. Пожалуй, два-три раза за все это время пришлось услышать нечто, показавшееся поначалу обидным, однако сейчас это вспоминается как правдивая констатация происходившего. Да и самой те же два-три раза пришлось зайти в кабинет Николая Петровича и извиниться за сказанное сгоряча. Но согласитесь, что за двадцать лет общения со старшим коллегой, Учителем, а последние более чем десяток лет и директором, это бесконечно малые величины.

И когда сейчас, грустя об ушедшем навсегда человеке, пытаешься воссоздать из многогранника воспоминаний целостную картину, прежде всего

задаешь себе вопрос: «А о чем же говорили больше всего?» И отвечаешь: о жизни и об искусстве.

Присутствовали в этих беседах «о приватной сфере» (такое сочетание Николай Петрович употреблял частенько) и те афоризмы, которые тоже подсвечивают яркими огоньками разные грани таланта Н. П. Шмелёва, причем не только творческого, но и человеческого.

Он никогда не был «ура-оптимистом», скорее даже наоборот, но все же некая искра добра по отношению к человечеству в целом частенько проскальзывала в любимых его выражениях, которые сегодня вполне можно назвать афоризмами от Шмелёва.

Студентам своим я часто пересказываю анекдот, который несколько раз по разным поводам слышала от Николая Петровича и который в молодежной аудитории до сих пор пользуется неизменной популярностью. Вот он. Лекция в сельском клубе о международном положении. Закончив, лектор обращается к залу: «Есть ли вопросы?» Руку поднимает дедушка из последнего ряда: «Товарищ лектор, есть такие конфеты, подушечки называются. Так вот как туда повидло попадает?»

И в продолжение темы. Запомнились слова Николая Петровича: «Уж если мы начнем ругать власть, то это — надолго». Или почти универсальные формулы: «Люди есть люди, и нельзя их за это осуждать», «Здоровье? Соответственно возрасту», «Женщин во власти не люблю. Была одна достойная, так ведь и та — немка. Екатерина Вторая».

Совсем невеселое: «Господи, укрепи меня в моем неверии». Конечно, к самому Николаю Петровичу эти слова не относились. Человек, дважды прочитавший Библию (хотя и трижды «Капитал» Маркса), не мог считать, что мир устроен примитивно материалистически. «Когда уж совсем плохо, все мы вспоминаем о Боге», — это тоже слова Николая Петровича.

Безусловно, Николай Петрович был глубоко художественно одаренной натурой, умевшей не только создавать прекрасное, но и прекрасным восхищаться. Помню «эпопею» с репродукциями любимого им Питера Брейгеля-старшего. В его первом кабинете в Институте Европы, в 106 комнате на первом этаже, висели лишь небольшие, скромной полиграфии, репродукции. В директорском их стало больше и числом, и размерами, и качеством исполнения копий. Я поинтересовалась, откуда они появились. Николай Петрович с гордостью сказал: «Привез из Вены, а уж рамки заказал здесь».

Но, конечно, самой большой страстью Н. П. Шмелёва, по крайней мере в те годы, когда мне посчастливилось с ним общаться, была литература. В двух ее ипостасях: и как писательское ремесло, и как чтение.

Вспоминаю, что несколько раз, при первой беседе после длительных летних отпусков, меня встречала фраза: «А знаешь, что я читал этим летом?» И не было случая, чтобы это «читал» не оказалось «перечитывал». В свое последнее лето 2013 г. он перечитал «Анну Каренину». Сказал: «Лучшее в романе — это сцена скачек».

После ухода из жизни его второй жены Гюлизар Васильевны практически все последние годы Николай Петрович, гордостью которого была домашняя библиотека художественной литературы в 3000 томов, часто стал повторять: «А ведь на свалку пойдет библиотека!» Когда же я говорила: «Отдайте в какой-нибудь университет или в Тургеневку», он быстро переводил разговор на другую тему. Было ясно, что этот вопрос и заботит его, и огорчает одновременно, и решения еще не найдено.

Пожалуй, больше всего любил он русских классиков. Любил драматурга Островского и крайне оригинально сравнивал его с драматургом Чеховым.

— Читаешь Островского? Это хорошо.

— Почему, Николай Петрович?

— Говорит о здоровой психике. Неврастеники читают Чехова.

Любил и знал Николай Петрович, конечно, и поэзию. Именно он все в том же 1993 г. открыл мне Наума Коржавина, Эмку Манделя, как он всегда говорил, рассказывая не только о творчестве великого поэта, но и о его жизни в эмиграции.

Еще два самых острых поэтических воспоминания. На одной из «посиделок» Д. Е. Фурман и Н. П. Шмелёв дуэтом наизусть читают: «На улице плачет дождик. Там тихо, темно и сыро. Присядем у нашей печки и мирно поговорим». Думаю, этот словесный и зрительный образ теперь уже навсегда останется со мной.

Или:

— Николай Петрович, а два наших общих знакомых вчера наизусть монолог Чацкого читали...

— Подумаешь, я тоже могу. Но стесняюсь.

Часто, особенно из дальних странствий возвратясь, беседовали мы и о путешествиях. Больше всего запомнились слова Николая Петровича о Ленинграде. Город этот, по его мнению, стал символом того, на какие успехи способна Россия, если оказывается открыта к диалогу с Европой. «И мы, и европейцы, — утверждал Н. П. Шмелёв, — вложили в этот город все лучшее, что могли. Потому и столь блистательным оказался результат».

Коренной москвич, он, конечно, любил Москву, и нет-нет, да и всплывали в его рассказах картинки города его детства. Так, еще мальчиком запомнил

он, как водили по улице Горького дочек Вертинского. С большими бантами, как рассказывал Николай Петрович. Вообще известные дамы в рассказах Н. П. Шмелёва всегда характеризовались некой одной-двумя запоминающимися чертами: следящая за собой Е. Фурцева, искрометная Л. Максакова...

В своей жизни Николай Петрович сделал очень много прогнозов, очень многие из них сбылись. Большинство из них касалось экономики и политики, однако смею предположить, что не меньше писателя Николая Шмелёва занимал вопрос о том, «сколько отмеряно» его художественной прозе. В разные годы отвечал себе на этот вопрос Николай Петрович по-разному. Еще десятилетие назад говорил: «Поживет эта манекенщица (о рассказе «Ночные голоса». — Е. В.) и “Пашков дом”». В последние годы о последнем практически не упоминал. Причина этому, полагаю, одна. Несмотря на то что сам Николай Петрович старался минимизировать свое общение с виртуально-сетевым миром, его неумолимое наступление он безусловно фиксировал. Однако рискну предположить, что долгая жизнь суждена и повести «Пашков дом» — этому гимну и признанию в любви Библиотеке. Потому что как гимном рукописной книге стал роман Умберто Эко «Имя Розы», так гимном феномену книги печатной и ее роли в жизни российского интеллигента двадцатого века достойна стать повесть Н. П. Шмелёва «Пашков дом».

По его признанию, сам Николай Петрович Ленинку (главную героиню «Пашкова дома») не любил. Однако на этом примере как раз и можно убедиться, во что превращает талант Мастера и художественный замысел личностные оценки и наблюдения повседневности.

А в последний раз мы беседовали 25 декабря 2013 г. Дата запомнилась, поскольку в этот день было заседание диссовета по экономике. После заседания в тишине его кабинета мы говорили о реформе РАН, о Ходорковском...

— Куда ты на Новый год?

— В Ленинград. — Николай Петрович добавил: — Да, я уже давно стараюсь хотя бы раз в год бывать там.

Настроение в этот вечер было у него хорошим, даже задорным, я бы сказала. Мы расставались недели на две. Судьба распорядилась иначе.

Николай Петрович обладал безупречным вкусом во всем. Он одинаково хорошо разбирался в хорошем виски, дорогих мехах и каратности бриллиантов. Но главное: он разбирался в людях и понимал Мир. От нас ушел человек-Вселенная.

Е. В. Водопьянова

Профессор

Руководитель Центра культурологии Института Европы РАН

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ШМЕЛЁВУ

В конце года обычно подводят итоги, но между 2013 и 2014 гг. для Николая Петровича пришло время подводить итоги целой жизни. Тогда этого, естественно, никто не знал, включая его самого. А сейчас, наверное, никто не может этого сделать, разве что сама жизнь расставит все по местам. Однако мы можем показать, что означали научные работы Николая Петровича для каждого из нас, а также рассказать о том влиянии, которое эта могучая личность оказывала на нас, его коллег. Он был не просто человеком, а многомерным явлением: ученым, литератором, организатором научного процесса, лидером научного коллектива и общественным деятелем.

Научное и публицистическое наследие Николая Петровича сохранит свое значение на много лет вперед. Он был одним из идеологов и инициаторов так называемой перестройки, а также критиком тех недостатков, которые демонстрировала и демонстрирует экономическая система нашей страны на разных этапах ее существования. Прежде всего важно то, что он показал негативное влияние внеэкономических факторов (например, коррупции), которые деформируют нашу экономику и не позволяют ей развиваться в качественном отношении. Было очень интересно и полезно для понимания проблем слушать его вступительные слова, которыми он открывал все конференции и круглые столы, организуемые в институте Европы РАН. Очень часто в своем вступительном слове он предвосхищал выводы, которые следовали затем после продолжительной научной дискуссии. Он оставил богатое научное наследие. Одна из его блестящих и беспорных идей — это проверять все социально-экономические нововведения на соответствие такому критерию, как простой здравый смысл.

В литературном творчестве Николай Петрович был продолжателем классических традиций. Он не гнался за дешевой популярностью и не писал работ, рассчитанных на развлечение, которые удобно полистать, сидя в самолете или в поезде, чтобы скоротать время. Ему подчинились все литературные формы: и роман, и повесть, и рассказ. Он явился основателем

нового жанра — мемуары в картинках, среди главных героев которых его самого не было, а были люди, с которыми его свела жизнь. А среди них было много интересных персонажей, включая людей, которые в силу своего положения принимают за нас решения, влияющие на жизнь миллионов, т. е. политиков. Все его литературное творчество говорит о том, что он был большим Гуманистом и настоящим Классиком. Неслучайно изучение его работ включено в программы многих университетских курсов для студентов, которые готовятся получить специальность филолога, лингвиста или журналиста.

Николай Петрович был светлой личностью, большим человеком. Он умел обращаться с самыми разными людьми, для каждого из тех, с кем его сводила жизнь, он находил нужные слова и соответствующий тон общения. Он был тем, кого психологи называют гением общения. Он не отдавал приказов своим подчиненным, хотя как директор института имел такие права, но ставил перед ними задачи, соответствующие возможностям человека, и вдохновлял на достижение поставленных целей.

Как ни грустно это сознавать, но Николай Петрович закончил свой земной путь. Все мы приходим в этот мир в разное время и в разное время его покидаем. Так устроен этот мир. Мы, его коллеги, навсегда сохраним светлую память о Николае Петровиче.

Н. М. Антюшина

*Руководитель Центра Северной Европы
Института Европы РАН*

ЭТОТ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ШМЕЛЁВ

Наши впечатления о жизни в молодости, словно резьба на камне, оставляют в памяти глубокий след. С годами, однако, многие ее превратности забываются, память становится чем-то вроде записи на песке, она все чаще легко стирается, многие события и люди забываются.

Николаю Петровичу Шмелёву, этому необыкновенно талантливому писателю и выдающемуся ученому, забвение не грозит. Значительную часть своей жизни он посвятил науке, делал это на высоком уровне, многие его выводы исторически точны и верны. Такое впечатление об академике Шмелёве осталось у меня после прочтения многих его работ и общения с ним в Москве и на Лихачёвских чтениях в Санкт-Петербурге.

Всякое мнение, конечно, субъективно, но случается, к объективности оно приближается, и даже очень сильно. Это происходит, когда оно основано не только на правде, но и на страстном стремлении к истине. Пассионарность в науке, чувство ответственности за произнесенное слово характерны для научного поиска Николая Петровича. У него в сознании один Дом — Родина, и это — Россия.

Шмелёв в своих исследованиях отвергает насилие как средство построения цивилизованного, жизнеспособного общества. Он с горечью говорит о распаде СССР, считает его великой и единой страной. С болью отмечает крушение в 1990-х гг. армии, экономики, конфискацию сбережений населения уже в первые месяцы безжалостных реформ. Обнищание населения, разгул преступности, развал «среды обитания» российской интеллигенции — все это Шмелёв решительно осуждает.

В голосе Николая, когда мы с ним беседовали, нередко слышались обида и разочарование действиями псевдореформаторов, с осуждением которых он публично выступал по крайней мере с середины 1990-х гг.

Например, сделал это в докладе на Конгрессе российской интеллигенции в Москве в декабре 1997 г.¹

В чем-то неожиданными для меня были высказывания Шмелёва по международным вопросам. Я не ожидал, что услышу их, как мне тогда казалось, от либерала-рыночника. Так, Николай Петрович, когда я как-то говорил с ним о возможностях Организации Объединенных Наций в глобальном управлении, обратил мое внимание на жестокость и своекорыстие нынешнего мирового сообщества. Гарантией для России от всяких неожиданностей, считал Шмелёв, должно быть сохранение на высоком уровне ее оборонного потенциала. Это свое мнение академик выразил и на Лихачёвских научных чтениях².

Я позволю себе для большей точности процитировать высказывание Шмелёва на этом форуме: «Если Россия не допустит в перспективе значительного ослабления ракетно-ядерных сил сдерживания и сохранит компактные мобильные вооруженные силы, способные противостоять любой региональной или локальной угрозе, в системе ее внешнеполитических приоритетов неизбежно выдвинутся на первый план экономические интересы, оттеснив проблему политического влияния в различных регионах (разумеется, за исключением традиционных российских интересов на постсоветском пространстве)»³. Я считаю, что это мудрый вывод, он основан на комплексном анализе современной международной обстановки, которая к 2013 г. обострилась. Шмелёв вовсе не был просто либеральным романтиком. Когда дело касалось безопасности России, он стоял на почве сурового реализма, призывал к объединению всех сил и возможностей цивилизованных стран в борьбе против новых глобальных и региональных угроз.

Шмелёв видел Россию и Запад связанными общей судьбой и сделал вывод, который нам следовало бы помнить: всем силам современности «предстоит или вместе погибнуть, или устроить, наконец, на Земле жизнь, достойную Человека»⁴.

---

¹ См.: Шмелёв Н. П. Интеллигенция и реформы (Доклад на Конгрессе российской интеллигенции, Москва, 10–11 декабря 1997) // Лекции и доклады членов Российской академии наук в Санкт-Петербургском государственном университете профсоюзов (1993–2013 гг.). В 3 т. Т. III. СПб., 2013. С. 869.

² См.: Шмелёв Н. П. Quo vadis, Россия? (Доклад на X Международных Лихачёвских научных чтениях «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры», 13–14 мая 2010 г.) // Там же. С. 879.

³ Там же. С. 883.

⁴ Шмелёв Н. П. Quo vadis, Россия? С. 883.

Такой решительный настрой Шмелёв считал, как он любил говорить, обыкновенным здравым смыслом. Он, по сути дела, призывал политиков создать в мире условия умеренности и сдерживания страстей. Николай Петрович предсказывает, что если люди не осознают возникшей глобальной угрозы, может наступить «грядущий мировой хаос». Этому способствует безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая сотни миллионов землян в нищете и бедности. Она порождает многомиллионные потоки стихийной миграции. Последняя, считает Шмелёв, меняет этническое и цивилизационное лицо современного мира, в том числе в странах, составляющих ядро евроатлантической цивилизации.

Такие предупреждения выдающегося ученого должны быть услышаны, должны повлиять на умонастроения во всей Европе, в том числе в России.

Сдержанный в манерах, предпочитающий светлые костюмы и галстуки, всегда готовый поддержать молодых ученых, а когда надо — покритиковать маститых коллег и даже крупных чиновников, — таким Николай Петрович Шмелёв навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

18 ноября 2014

Ан. А. Громыко

Член-корреспондент РАН

ПАМЯТИ УНИКАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, ИЗЛУЧАВШЕГО МУДРОСТЬ И ДОБРО

Моральных авторитетов нации всегда мало. Но, к счастью, они все-таки есть. Именно таким авторитетом и был Николай Петрович Шмелёв, который одним из первых ярко и доходчиво обнажил язвы бюрократического социализма и открыто заявил, что русские люди своей трагической историей заслуживают лучшей участи.

Когда жена выдающегося ученого-экономиста, замечательного русского писателя и моего большого друга Николая Петровича Шмелёва — Наташа — сообщила мне о его внезапной кончине, я воспринял эту весть как большое личное горе.

Это был уникальный человек. Уникальный своим талантом, своей эрудицией, своим трудолюбием. Его литературное творчество поражало глубиной, яркой образностью, простотой языка, приближающейся к чеховской прозе. Да и сам Николай Петрович всегда мне казался похожим на Чехова. Нет, не внешностью, а сочетанием присущих истинным русским интеллигентам качеств, таких как скромность, доброта, бескорыстие, самоирония, абсолютное неприятие фальши и лжи, готовность прийти на помощь, заслонить от беды и зла...

В общем, он не демонстрировал, а излучал благородство, и это чувствовали все, кому посчастливилось его знать. Вот и я считаю себя очень счастливым человеком и без всякого преувеличения могу утверждать (и он знал об этом), что свою жизнь делю на две части — до знакомства со Шмелёвым и после.

Помню, молодыми людьми мы зачитывались, еще в рукописях, его «Пашковым домом» — задолго до того, как эта повесть была издана, его замечательными рассказами.

Как литератор, Николай Петрович переживал, что четверть века вынужденного молчания отодвинули его от читателя. Пришли иные времена, и он «остался вплоть до сегодняшнего дня для нашей профессиональной литературной среды в некотором роде все-таки “чужаком”»¹. Впрочем,

---

¹ *Шмелёв Н. П. Curriculum vitae // Шмелёв Н. В пути я занемог. М., СПб., 2006. С. 454.*

относился к этому спокойно, поскольку считал для себя единственно важной наградой — «за повышенный читательский интерес». «Должен сказать, — писал Н. Шмелёв, — что я давно исповедую в своем отношении к литературе один-единственный принцип: скучно или не скучно... Не скучно — значит, имеет полное право на жизнь!»²

Нет, не скучно миллионам читателей во всей нашей огромной стране, да и за рубежом, наслаждаться прозой жизни, захватывающей то в «Пашковом доме», то в «Деянии апостолов» и других исторических повестях, посвященных переломным моментам как российской истории и культуры, так и выдающимся деятелям культуры других стран. А как не вспомнить «Ночные голоса» — жемчужину в череде по-чеховски простых, но бесконечно мудрых рассказов, где и драма, и трагедия, и водевиль. Мне особенно близка автобиографическая проза Николая Петровича, поскольку многие ее персонажи знакомы, они выписаны пером мастера полностью узнаваемо и характерно. Настоящие, на мой взгляд, шедевры — его повести о великом голландском художнике Питере Брейгеле и грузинском мастере наивной живописи Нико Пиросмани. Кабинет Николая Петровича в Институте Европы был украшен копиями с картин Брейгеля. Его любимой картиной была картина «Притча о слепых» (слепой ведет незрячих) со слепым поводырем, стоящим на краю пропасти. Это была понятная метафора и для него, и для его друзей, убежденных критиков Системы.

Как ученый-экономист и незаурядный публицист, Николай Петрович особенно много сделал в годы перестройки. В 1987 г. журнал «Новый мир» опубликовал его ставшую сразу же знаменитой статью «Авансы и долги». Это была одна из самых первых и ярких публикаций, ознаменовавших начало гласности в СССР. В этой статье Николай Петрович сумел аргументированно доказать, что рыночная экономика не только не страшна, но и объективно необходима для цивилизованного развития нашей страны. При этом он выступал за регулируемую рыночную экономику, то есть за баланс свободы и справедливости. Свободы, которую обеспечивает рынок. И справедливости, которую должно гарантировать государство.

Он предчувствовал тяжелые последствия для народа от готовящейся шокотерапии и вышел из президентского совета в конце 1991 г., когда Ельцин и его команда приняли решение о радикальных рыночных реформах. И позже он написал немало статей о том, как по-другому, более продуманно, щадяще для населения можно было бы провести рыночные реформы.

---

² Там же. С. 456.

По книгам Николая Петровича Шмелёва изучали отечественную и мировую экономику тысячи студентов и аспирантов. При этом он всегда помогал молодым ученым, всем, в ком видел искру таланта.

Будучи членом Международного совета журнала «Мир перемен», Шмелёв активно способствовал его становлению и развитию. Его статьи и интервью по внутренним и международным делам всегда привлекали особое внимание читателей, которые буквально жаждали его оценок тех или иных событий и тенденций.

Николаю Петровичу довелось трудиться не в одном научном коллективе, но, пожалуй, наиболее трепетно он относился к Институту экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии ИМЭПИ РАН и ОМЭПИ Института экономики РАН), в котором проработал немало лет, и высоко оценивал профессиональные качества своих коллег, особенно тех, кого впоследствии, как и его, назвали «прорабами перестройки». Делясь воспоминаниями в канун 50-летия института, он особо подчеркивал: «Наряду со своими теоретиками, ИЭМСС имел по каждой стране крепкие группы высококвалифицированных специалистов-страноведов. Даже сегодня (или, вернее, особенно сегодня) я лично не знаю в России ни одного административного или исследовательского учреждения, где имелись бы специалисты-страноведы такого класса, которых имел в свое время ИЭМСС.

Негромко, без лишнего шума, но ИЭМСС всегда был занят разработкой самых актуальных, самых животрепещущих проблем современности. Мы не были ни “белыми”, ни “красными” — мы старались всегда быть просто объективными, стоять на почве реальности, а не каких-то завиральных умозрительных идей, тем более если они имели осязаемый привкус пропагандистской трескотни, столь широко распространенной тогда...»

Тактично, поскольку это было не его «хозяйство», а главное, точно и заинтересованно Николай Петрович высказался о задачах уже объединенного Института экономики РАН, когда в середине нулевых годов ИМЭПИ вошел в Институт экономики. «...Перед Институтом экономики РАН стоит сегодня (не знаю, формулировалась ли она кем-нибудь официально) задача разработать долгосрочную альтернативу нынешнему инерционному курсу развития экономики, включая избавление от засилья монополий, укрепление экономической роли государства, спасение жизнеспособной части экономического потенциала, доставшегося нам в наследство от прежних времён, простор для малого и среднего бизнеса, гармоничное сочетание экономических стимулов и социальной солидарности общества и т. д. Думается,

знания международной проблематики, накопленные в филиале Института, будут только полезны для выработки общих контуров развития нашей страны»³.

В этом он весь — настоящий патриот, глубоко переживавший катаклизмы последних десятилетий, обрушившиеся на Россию, ее государство и общество. «Может быть, — писал он в нашем журнале почти за год до смерти, — все-таки можно учуять, отгадать что-то важное, что надвигается уже сегодня? И если это важно опасно для мира, для страны, для людей, то попытаться уже сейчас подсказать или даже предпринять какие-то меры, которые могли бы если не отвести, то хотя бы минимизировать надвигающиеся опасности?»⁴

«Все это, — продолжал академик, — очевидно, отнюдь не умозрительные вопросы. Тот сокрушительный удар, который был нанесен по стране в предшествующие два десятилетия бездумными (если не сказать безумными) псевдореформами, продолжает ощущаться вплоть до сегодняшнего дня. Ликвидировать последствия этого удара лишь косметическими поправками не получится — слишком он был силен. И я продолжаю утверждать, что для построения нормального, человеческого, социально ориентированного общества нам не нужно никаких особых теорий, никаких супернациональных (а еще хуже — мессианских) тупиковых идей. *Нужно другое: обыкновенный здравый смысл, плюс четыре правила арифметики, плюс немного сочувствия к людям*»⁵. Вот такую простую и такую великую формулу человеколюбия вывел и исповедовал Николай Петрович Шмелёв, всегда отстаивавший истинные интересы страны и ее народа.

Он был одним из немногих шестидесятников, не изменивших своим идеалам, и поэтому пользовался безграничным доверием людей. Словом, страна потеряла не только большого ученого и большого писателя, но главное — настоящего Человека. Его нам всем будет очень не хватать...

Р. С. Гринберг

---

³ Шмелёв Н. П. ИЭМСС: полный круг // «Это было недавно, это было давно...» М., 2010. С. 53–54.

⁴ Шмелёв Н. П. Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Мир перемен. 2012. № 4. С. 9.

⁵ Там же. С. 11.

В КЕЙПТАУНЕ

Август 1994-го. Николай Петрович выступает в Кейптаунском университете. Доклад — «Экономическая политика правительства России». Его слушают преподаватели не только этого, но и других университетов — они приехали в Кейптаун на конференцию, где выступал Шмелёв. Слушали и несколько министров правительства ЮАР. И несколько депутатов Государственной думы России.

Почему они все собрались тогда? В Кейптаунском университете провозглашалось создание Центра российских исследований. Торжественная церемония 16 августа открылась речью Нельсона Манделы, посвященной созданию Центра. Мандела только что стал президентом Южно-Африканской Республики, и его речь тут уже сама по себе была событием. Sensацией стали и его высказывания о России, о перспективах отношений с нашей страной. Упомянул даже ряд событий о давних связях между нашими странами. С глубоким уважением сказал о российских ученых: что они со знанием дела анализируют исторический путь его страны.

На следующий день после торжественной церемонии началась научная конференция. И одним из первых выступил Николай Петрович.

Его доклад привлек всеобщее внимание. В проводившихся тогда в нашей стране политических и экономических преобразованиях, в перестройке и гласности южноафриканцы старались найти уроки для себя. Появилось даже слово «преториястройка».

Так что доклад Николая Петровича вызвал множество вопросов, оживленную дискуссию.

А он живо заинтересовался событиями в ЮАР. Они ведь по времени совпали с российскими: конец восьмидесятых и начало девяностых.

Николай Петрович повидал Кейптаун. Побродил по его центру с особенностями старо-голландской архитектуры и кварталами викторианской эпохи. Осмотрел достопримечательности: Столовую гору — символ города, ботанический сад Кирстенбош — где сохраняются уникальная флора и фауна,

любовался знаменитым мысом Доброй Надежды — самой крайней юго-западной точкой Африки, близ которой сливаются два океана: Атлантический и Индийский.

Познакомился с учеными и политиками ЮАР. А с приехавшими из России оживленно обсуждал происходившее не только в ЮАР, а и у нас. Обсуждать было с кем: приехали и выступали интересные люди. Кого-то из них Николай Петрович знал уже давно, с кем-то встретился впервые. Особенное его внимание привлек Игорь Семенович Кон, крупнейший социолог, историк Александр Александрович Фурсенко, депутат Государственной думы Виктор Леонидович Шейнис.

В их разговорах речь шла не только о науке и общественно-политических проблемах. Фурсенко первым заговорил о своем восхищении Шмелёвым как писателем. И сразу оказалось, что все знали не только его научные труды, но и его литературное творчество. И тут — не только повести, но и небольшие рассказы. Все помнили даже маленький рассказ «Ночные голоса».

Какие-то из этих разговоров услышали и наши соотечественники — те эмигранты из России, кто давно, или совсем недавно, переселились в Кейптаун. Они тоже участвовали в церемонии создания Российского центра и приходили послушать доклады на конференции. О повестях и рассказах Николая Петровича они услышали впервые — и расспрашивали, где и как их разыскать.

...Сколько можно написать о Коле — я его знал и любил много лет! Но его знали и любили очень-очень многие. Уже пишут о нем — и еще напишут. Вот я и вспомнил эпизод, о котором, пожалуй, могу написать только я. Я был директором Центра российских исследований, пригласил тогда Колю в Кейптаун и знакомил его с теми, кто, как мне казалось, мог быть для него интересен. И был свидетелем его популярности на той конференции у далекого мыса Доброй Надежды.

А. Д. Давидсон

Академик РАН

Руководитель Центра африканских исследований

Института всеобщей истории РАН

Профессор НИУ-Высшая школа экономики

ШМЕЛЁВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ, А ЕЩЕ РАНЬШЕ — КОЛЯ

Не так давно, в октябре 2013 г., на экономическом факультете МГУ была проведена Международная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения академика Александра Ивановича Анчишкина. Инициаторами выступили Польш Савченко и мы — сокурсники Саши: Майя Ковынева, Лев Овсяников и я.

Первое, что я сделала — позвонила Коле Шмелёву, с которым мы были хорошо знакомы со студенческих времен. Попросила его стать членом нашей инициативной группы. Он с готовностью принял это предложение. Договорились, что он обеспечит необходимые контакты с руководством отделения экономики РАН, подготовит статью в сборник воспоминаний, выступит на конференции с докладом о научном творчестве А. И. Анчишкина. Все это он сделал превосходно, с удивительно тонким пониманием значения такой личности, как Анчишкин, в нашей экономической науке.

Вот только два отрывка из его воспоминаний об Анчишкине: ученом и человеке.

«Наиболее характерной чертой Александра Ивановича была, по моему убеждению, фундаментальность. Сосредоточенность, стремление во всем дойти до самой глубины, до корней, до самой последней исходной причины — одним словом, фундаментальность истинного исследователя, истинного ученого, признающего, конечно, все превосходящие условия и обстоятельства, но в то же время полностью отдающего себе отчет в том, что они зачастую лишь маскируют, затеяют действительную природу нашей системы или того или иного текущего события».

«Нет, не описать мне... этого выдающегося, незауряднейшего человека, одного из самых близких мне за мою жизнь людей. Боец? Да, боец, но какой-то особый боец: постоянное ощущение мягкости, человечности, сочувствия к людям только от одного его присутствия. Никогда и никого не мог он преднамеренно, сознательно обидеть, и даже прямая, недвусмысленная критика им чужих поступков или убеждений всегда была

сглажена какой-то особой терпимостью, признанием прав своих оппонентов на полную самостоятельность и независимость от него самого... Он невероятно много знал из литературы, музыки, искусства, и не просто знал, а нутром понимал и всегда безошибочно отличал, чему и дальше жить, а что со временем потускнеет и исчезнет само собой».

Перечитывая эти строки, я почувствовала удивительное совпадение в некоторых чертах характеров Александра и Николая. Особенно деликатность в отношениях, исследовательский талант, знание поэзии и музыки.

В период подготовки конференции мы не раз говорили с Колей, обсуждая разные аспекты предстоящего события. Но иногда воспоминания переносили нас во вторую половину 1950-х гг. — в пору нашего студенчества.

Наш курс был на два года старше того курса, на котором учились будущие академики Николай Шмелёв и Станислав Шаталин. Благодаря колхозу «Борец» Можайского района мы за два сезона совместных полевых работ сдружились. Старшие делились с младшими методами познания экономических законов социализма.

Незабываемы были вечера у костра с песнями, анекдотами. Очень любили импровизации, розыгрыши. Вспоминается концерт, который мы подготовили для колхозников. До сих пор помню «арию» экзаменатора — преподавателя по экономике сельского хозяйства: *«Ты ответь мне на вопрос, что такое сенокос? И какая из пород от Сметанки (это кобыла — ред.) род ведет? Где у нас разводят лен? В чем Лысенко не силен? Сколько в МТС бригад? Что такое агрегат? Если не ответишь ты, сгинут все твои мечты. Ответь скорей, воды не лей, ответь скорей».* Успех превзошел наши ожидания.

В студенческие времена Коля в отличие от Стаса Шаталина не выглядел лидером. Он, скорее, был «размышленцем», много читал, ненавязчиво делился своими мыслями, оценками, любил поэзию...

В одной из наших бесед Коля спросил меня: «Эля, а ты не жалеешь, что связала свою профессиональную жизнь с сельским хозяйством?» Я ответила: «Нет, не жалею. Скорее, благодарю судьбу, что три года после окончания МГУ работала на опорном пункте колхоза “Рассвет” в Могилевской области, узнала его председателя — легендарного человека Кирилла Прокопьевича Орловского».

Во время той памятной для меня встречи с Колей я тоже задала ему вопрос об отношении к его профессиональному пути. Он задумался... Но мне показалось, что озабочен он чем-то иным.

В это время раздался телефонный звонок, Николай извинился, что вынужден прервать наш разговор. Я решила, что лучше всего покинуть его кабинет. Мы обменялись «понимающими» улыбками. К сожалению, я так и не узнала о его отношении к его собственной профессиональной деятельности. Впрочем, общественное признание ее результатов важнее, чем самооценка.

Между Институтом Европы РАН и Российско-немецкой высшей школой управления (РНВШУ) Академии НХ с начала нового столетия установились деловые творческие отношения, которые развиваются до сих пор. Декан РНВШУ профессор Фальцман Владимир Константинович приглашал ученых Института Европы читать курсы лекций, выступать на научных конференциях и семинарах. В 2003 г. на торжествах по поводу десятилетия РНВШУ прекрасно выступал Николай Петрович. Председателем экзаменационной комиссии уже несколько лет является замдиректора института член-корр. РАН Валентин Петрович Федоров. Нас приглашают участвовать в коллективных монографиях института, в журнале «Современная Европа», в работе диссертационного совета.

Летом 2013 г. Николай Петрович предложил мне сформировать временный творческий коллектив для подготовки коллективной монографии «Аграрная Европа». Этому предшествовало печальное событие: скоростижно скончался академик Россельхозакадемии Назаренко Виктор Иванович, который вел всю аграрную проблематику в Институте Европы. Он, несомненно, мог бы один написать такую монографию. Но судьба распорядилась иначе. Состав нашего коллектива и концепция монографии были одобрены, и мы приступили к работе.

Траектория движения в подготовке этой монографии была выстроена нами с учетом исследований Института Европы, работ Н. П. Шмелёва, В. П. Федорова, В. И. Назаренко и других ученых. Особое значение придавалось методологическим подходам, которые были представлены в монографии «Большая Европа».

Особенно значимы были идеи Николая Петровича, которые он изложил во Введении к монографии «Большая Европа». Приведу несколько таких идей о проблемах интеграции, об инновационном развитии, которые стали стержневыми и для монографии «Аграрная Европа».

«Будучи по своему духу европейской державой, Россия остается в то же время самостоятельной и, в определенном смысле, самодостаточной цивилизацией — у нее все (буквально все) есть, чтобы при разумной, правильной стратегии не только сохранить, но и укрепить свое особое место в мире».

«Экономические закономерности настоятельно требуют от интегрирующегося организма все большего внутреннего сплочения. Вместе с тем такое сплочение может порождать, а нередко и порождает, дополнительные трудности в отношениях с жизненно важными соседями-партнерами».

«В перспективе всесторонняя интеграция Большой Европы, надо думать, поднимет ее удельный вес в мировой политике, на порядок увеличит шансы избежать потерь в периоды обострения межгосударственного и межрегионального (конкурентного) противоборства на сложном и длительном пути к более справедливому мировому порядку».

«После распада СССР Евросоюз, действуя в кооперации с НАТО, не избежал искушения, не считаясь с интересами России, прибегнуть к стратегии экономического, политического и военного проталкивания своего влияния в восточном направлении. Вне зависимости от целей, которыми обосновывалась новая версия “похода на восток”, такая политика не могла не породить недоразумений, а то и напряженности в отношениях между Россией и Евросоюзом».

«...Речь следует вести о выработке единой линии, в которой сходились бы решающие интересы, ценности, приоритеты и цели сторон, в том числе, и прежде всего, созревшие для институционализации. Движение в эту сторону — пусть даже осторожное и неспешное — может стать дорогой к реальной Большой Европе. Авторский коллектив надеется, что проведенное им исследование ознаменует собой еще один скромный шаг на этом пути».

Глубина этих мыслей, их неординарность и конструктивность играли и будут играть большую роль в нашей дальнейшей деятельности.

Э. Н. Крылатых
Профессор

ЖИЗНЬ ЯРКАЯ, ЖИЗНЬ ГЛУБОКАЯ

Подумать только — ведь я был знаком с Николаем Петровичем 55 лет! Из них мы по-настоящему дружили лет двадцать. Во всяком случае, в 70–80-х гг. не было, кажется, ни одного дня рождения Николая, на котором я бы не был в качестве тамады. После того как он женился на Гюле, свои дни рождения он отмечал дома, был всегда примерно один и тот же состав гостей, среди которых выделялся, пожалуй, самый близкий друг Николая, тоже покойный Станислав Шаталин.

Первое впечатление от Николая было: элегантный, чистенький, румяный, улыбающийся мальчик. Всегда с иголки одетый, с обязательным белым платочком в верхнем кармане пиджака, он резко отличался от всех нас, еще выглядевших «по-совковому». Что-то в нем сразу чувствовалось «не совсем наше», что-то особенное. Я только недавно поступил в ИМЭМО, был уже кандидатом наук, а Николай был аспирантом в Институте экономики стран социалистической системы, который располагался с ИМЭМО в одном здании. Так мы и познакомились, он сразу удивил меня интересом к проблемам развивающихся стран, чем мы занимались в отделе, который создал Виктор Тягуненко. И Николай быстро стал своим в нашей компании «третьемироведов», подружился с Тягуненко, Степановым, Аваковым, Рымаловым, Солоницким, Оксаной Ульрих и Леной Брагиной. Его научные интересы все время находились на грани «между социалистическим лагерем и третьим миром». Забегая вперед, скажу, что впоследствии мне довелось быть (редкий случай!) оппонентом у Николая на обеих защитах диссертаций — и кандидатской, и докторской.

Когда мы познакомились, он был еще женат на Юле, удочеренной внучке Хрущёва, и, следовательно, был в какой-то степени вхож в самую верхнюю верхушку советского истеблишмента, но это не чувствовалось абсолютно. Ни малейшего снобизма, ни даже намека на то, что он приобщен к «верхам» и стоит на голову выше простых смертных. В этом сразу были видны хорошее воспитание и настоящая интеллигентность. Собственно, иначе мы

бы и не сблизилась, ведь разница в возрасте была приличной: я был старше на десять лет, и мой жизненный путь был совершенно иным. Я в юности пять лет был рабочим, он принадлежал к «сливкам общества». Но моментально почувствовалась какая-то взаимная тяга, как говорят американцы, «химия». Мне, по крайней мере, с самого начала было с ним удивительно хорошо, легко, приятно и в то же время интересно. Как-то сразу попали «на одну волну», нашли общий язык, и выявилось удивительное сходство взглядов и вкусов, впоследствии только укреплявшееся. Я был поражен, откуда у этого «кремлевского юноши» такое понимание жизни, внутренних и мировых проблем.

Удивительно, но факт: за все десятилетия нашего знакомства у нас ни разу не было ни малейших размолвок, никакого обострения отношений. Не припомню случая, когда один из нас говорил другому резкие слова. В моей жизни это совершенно необычное, уникальное явление. Мы со Шмелёвым как-то сразу «притерлись» друг к другу, понимали один другого с полуслова и с каждым годом убеждались, что одинаково смотрим на все основные вещи.

При этом люди мы были по своей структуре совершенно разные. В отличие от меня, Коля был невероятно общительным, компанейским человеком: казалось, что он со всех сторон окружен друзьями, все время проводит в компаниях, ресторанах, застольях. Мало знавшие его люди и представить себе не могли бы, что этот самый человек находит время для того, чтобы писать и научные трактаты, и книги. Я и сам никогда не мог понять, как Николай умудряется сочетать в себе различные свойства и способности, как он умеет переключаться от своей исключительно бурной, насыщенной светской жизни к серьезнейшим, требующим глубокого раздумья в уединении исследованиям экономики.

Одно время мы были близки в самых разных сферах. Были женщины, которые на одном этапе своей жизни любили его, на другом — меня. Это никогда не влияло на наши взаимоотношения. А уж выпито было немало за эти долгие годы! Иногда добраться до дома после ужина на квартире у Коли было целой проблемой. Пить он был, как все знают, большой мастер, и я об этом упоминаю, так как иначе облик этого незаурядного человека был бы неполон. При этом я никогда, ни единого раза не видел его пьяным. Под хмельком, навеселе — сколько угодно, но все ему нипочем. Поразительный организм. Вообще в Николае была заложена такая жизненная сила, в него был вставлен такой мощный аккумулятор (сколько ни разряжался, сам собой заряжался опять, пока не иссяк окончательно), что можно было просто изумляться и восхищаться.

Карьера Николая была столь же противоречивой, неоднозначной, многокрасочной, как и сама его натура. Был период, когда он был «невъездным», точно не знаю почему. Однажды, если не ошибаюсь, его жену и дочь пустили отдыхать в Венгрию, а его «зарубили». Он смирился с мыслью, что его будут тормозить, и однажды сказал мне: «Если будет удобно, поговори при случае с Иноземцевым (директором ИМЭМО) о том, что хорошо было бы образовать в институте отдел по изучению истории мировой экономики. Я мог бы его возглавить, работы хватит на всю жизнь». Я засомневался, нужно ли это Иноземцеву; Николай ответил: «Ну убеди его, ведь это надо для респектабельности института!» Излишне говорить, что ничего из этого не вышло.

Но вдруг — неожиданный зигзаг. Николай попал в ЦК КПСС, если память мне не изменяет, в лекторскую группу. Стал пользоваться соответствующими привилегиями, познакомился с «ответственными работниками», особенно с Александром Николаевичем Яковлевым. Кстати, вспоминаю, как он мне рассказывал такую историю: на следующий день после защиты докторской диссертации Николай встретил Яковлева, который пожал ему руку и сказал: «Вот, Николай Петрович, со вчерашнего дня резко увеличилось число людей, которых вы можете послать на ...».

И книги стал писать одну за другой. Писал и раньше, но не публиковали. И вдруг — как прорвало! Все мы, его друзья, просто ахали, получая от него в подарок очередную книгу: какой диапазон, какая способность заглянуть в прошлое, уловить что-то главное, дойти до сути, пройти в самую глубину. То наша сегодняшняя жизнь, а то — Иван Грозный, а вот еще — последняя любовь Гёте! Как сил хватает, откуда время берется, что за невероятная работоспособность, усидчивость у этого бонвивана... И ведь при этом научные труды пишет. Наконец, уже потом — статья «Авансы и долги», сразу прославившая его на всю страну.

Эта статья, безусловно, стала вехой в жизни Шмелёва. Не только в силу блестящего экономического анализа — все знавшие его люди и так понимали, что он один из самых глубоких и проницательных экономистов, человек редкой эрудиции и глобального масштаба мышления. Здесь Николай показал себя как политический мыслитель, причем совершенно определенной ориентации. Он стал одним из главных идеологов перестройки, смело и безоговорочно встал в ряды борцов за решительное обновление всей нашей политической и общественной жизни. И когда в январе 1991 г. произошли кровавые события в Вильнюсе, Николай сдал авиабилет, по которому он должен был вылететь в Париж. Остался в Москве, чтобы лично

участвовать в борьбе против тех, кто еще пытался любыми средствами удержать уже отжившую свой век, обанкротившуюся систему.

Здесь можно спросить: как Шмелёв относился к советской власти? Ни одного хорошего слова я никогда от него не слышал о тоталитарной системе, самым страшным воплощением которой был сталинизм. Сколько у нас было разговоров на эту тему, с какой ненавистью он отзывался о системе, которая лично ему ничего плохого не сделала; я сначала удивлялся, что такие настроения могут быть у бывшего зятя Хрущёва. Потом понял, что в этом как раз и проявлялась его внутренняя порядочность наряду с умением объективно осмыслить суть исторических событий. В отличие от многих отпрысков советских вельмож, не способных примириться с фактом крушения советской власти, Николай смог подняться выше личных интересов. Напомню, что он работал в «святая святых» системы, в ЦК, имел массу льгот, впереди светила прекрасная карьера. Кто мог знать, что будет после смены власти, не рухнет ли и он, и ему подобные «идеологические столпы» системы? И уж во всяком случае меньше всего он мог предполагать, что при новой власти станет академиком и директором института. Но он пошел тем путем, который считал необходимым для страны, пошел с Шаталиным за Горбачёвым и Яковлевым.

Помню, мы сидели втроем: Николай, я и наш общий друг, покойный Лев Степанов. Был разгар перестройки. Лев сказал: «Мы даже еще не можем представить себе, что изменения пойдут лавинообразно». Шмелёв тут же откликнулся: «Правильно, Лева, нашел верное слово! Будет лавина, и нас, может быть, погребет, но не должна эта античеловеческая система быть вечной, надо же наконец дать людям свободно дышать!» Это буквально его слова, я их запомнил в точности и годы спустя ему же их напомнил.

Николай Шмелёв по своей природе, по структуре своей личности был демократом и либералом. Сколько раз я слышал, как он последними словами клеймил всякий авторитаризм, диктатуру, деспотизм, преследование свободы мысли. Вот что он ненавидел органически — это всякое насилие, исходит ли оно от человека или государства. Ему были совершенно чужды такие распространенные в нашей стране черты, как грубость, хамство, непримиримость и нетерпимость, отношение к человеку с иным мнением как к врагу. И вместе с тем Николай был настоящим русским человеком в лучшем смысле слова и русским патриотом.

А вообще он с огромным любопытством наблюдал за жизнью как у нас, так и за рубежом, впитывал в себя что-то новое. Помню, как мы с ним

ходили по Буэнос-Айресу и как он вглядывался в памятные места этого чудесного города, уже изучив историю Аргентины. Чего он, кстати, терпеть не мог, так это дилетантского, поверхностного отношения к истории и особенностям различных обществ. Если Николай не чувствовал себя компетентным высказать о чем-то действительно веское мнение, он воздерживался от оценок. Безапелляционность, самомнение, склонность рубить с плеча, не стесняясь обидеть человека, — все это было ему абсолютно чуждо. Когда-то я ему сказал о чем-то афоризме на тему самооценки: «Оценивая себя, я скромн, но сравнивая — горд». Он тут же за это схватился и даже записал, чтобы не забыть.

И все же: что это была за личность?

Я бы выделил несколько ипостасей Николая Шмелёва, человека на редкость многогранного и не поддающегося общеизвестным шаблонным оценкам.

Первая: вальяжный русский интеллигент старого, дореволюционного образца, в кресле и с трубкой в зубах, начитанный, философствующий, озирающий мудрым взглядом вереницу минувших столетий.

Вторая: плейбой второй половины XX века, ровесник и сотрапезник «шестидесятников», любитель жизни во всех ее проявлениях, ценитель красивого застолья, любимец женщин.

Третья: типичный кабинетный ученый, способный, изолировавшись от мирской суеты, часами сидеть над книгами, трактатами, статистикой, обдумывать и писать научные исследования.

Четвертая: писатель, литератор, сочинитель беллетристических повестей и романов, с наслаждением копающийся в пыли веков, проникающий в мысли и чувства давно ушедших персонажей, дающий простор фантазии, отбрасывающий сухую научную прозу.

Как можно было все это совместить? Я не знаю другого человека, в котором бы могли сочетаться столь различные грани личности. Может быть, именно поэтому, из желания все охватить, и в экономике свое слово сказать, и в литературе попробовать сравняться если не с классиками, то по крайней мере с Нагибиным, Битовым, Аксёновым, и в академической иерархии двигаться до потолка (а ради этого — со сколькими фигурами надо завязывать отношения, сколько потом чертыхаться и отплеываться, сколько погружаться в суету сует) — может быть, поэтому и не все получилось, о чем мечталось? Внешне, формально — куда уж больше, а внутренне? О чем, может быть, жалел Николай, чего бы он не стал повторять, будь возможна другая жизнь, — не знаем...

В давние времена я подарил Николаю котенка. Оказалось, что это норвежский лесной кот. Он прожил 19 лет. И каждый раз, когда я приходил в гости, навстречу мне бросалась, только я успевал открыть дверь, Катя, дочь Николая, держа в руках огромного кота. После этого выходил из кабинета хозяин, и я неизменно спрашивал: «Ну, что нового написал?» Такой был неизменный ритуал. Я знал, что главным в жизни Николая было — писать книги. Он написал бы больше, возможно, создал бы шедевр, если бы... если бы не был тем Николаем Шмелёвым — разносторонним и жадным до всех проявлений жизни, — которого мы знали. И мы должны быть рады, что жили рядом с таким человеком.

Г. И. Мирский

Доктор исторических наук

Заслуженный деятель науки РФ

**НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ШМЕЛЁВ:
ОН ПЕРВЫМ ВЫСТУПИЛ ЗА РЕФОРМЫ
И ПЕРВЫМ — ПРОТИВ ТОГО, КАК ОНИ ПРОВОДИЛИСЬ**

Про Николая Петровича писать будут многие. Он был человеком крупного калибра и в литературе, и в экономике, и в судьбе многих людей оставил след на всю их последующую жизнь. В том числе и в моей судьбе. Он был моим начальником, старшим товарищем и соавтором в 1983–1991 гг., когда я работал в Институте США и Канады АН СССР; а после 1991 г. мы общались регулярно и по работе, и как друзья. В 1989 г. в России, а потом и в США вышла наша книга «На переломе»¹; в 1991 г. под нашей редакцией вышла другая книга²; до этого и после этого мы писали вместе докладные записки, статьи, главы в книгах³.

В 1983 г. я закончил рукопись книги про экономические циклы, ее раскритиковали как подрывающую марксистские догмы (хотя мне казалось, что, наоборот, я восстанавливаю творческий марксизм). Николай Петрович отнесся к книге с симпатией, взялся помочь, и в итоге я перешел в сектор мирохозяйственных связей Института США и Канады, который тогда Шмелёв и возглавлял. Во время первого серьезного разговора я посчитал нужным рассказать Шмелёву, имевшему репутацию либерала, о своих политических взглядах:

— Я социал-демократ, Николай Петрович, верю в международное братство всех людей труда. Нынешнюю советскую систему критикую, как и все, но социалистические идеи разделяю. Может, и не вполне большевик, но как минимум «меньшевик-интернационалист».

Шмелёв улыбнулся.

---

¹ Шмелёв Н. П., Попов В. В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989; Shmelev N. V., Popov V. V. The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy. NY, 1990.

² Советская экономика: от плана к рынку / Под ред. В. В. Попова и Н. П. Шмелёва. М., 1991.

³ Шмелёв Н. П., Попов В. В. 1) Анатомия дефицита // Знамя. 1988. № 5; 2) План и экономика. М., 1988; 3) На развилке дорог (Так была ли альтернатива 1929 году?) // Студенческий меридиан. 1989. № 1.

— М-да, сколько вам лет?

— Скоро 30.

— Знаете, что Черчилль говорил? Кто в молодости не был левым, у того нет сердца. Но кто к старости не стал правым, у того нет ума. У вас еще есть время, но не так много...

Наверное, в последующие годы я поправел, а может, и Шмелёв полевел, так или иначе мы сработались. Мне повезло, что судьба нас свела, я понял это сразу. Николай Петрович отличался от остальных так, что лишь слепой мог не заметить, что по широте кругозора, по общей культуре и по умению анализировать и видеть глубже он превосходил других на порядок. Это было очевидно в науке, в экономике: многие специалисты, знавшие досконально «свои» темы, которыми занимались десятилетиями, не могли, что называется, взять быка за рога — сформулировать суть дела так четко, как Николай Петрович. И не могли сделать более верные прогнозы. Это было очевидно и в его художественной прозе — он писал о Гёте и Пирсомани, о Питере Брейгеле и Иване Грозном, о московской интеллигенции и советской жизни. Его повести, романы и рассказы были «настоящими», написанными «не понарошку», все они запоминались и «не отпускали» — заставляли мысленно возвращаться к ним опять и опять, искать ответы на вопросы вечные и непреходящие, которые волновали человека сотни лет назад и будут волновать всегда.

Николай Петрович одним из самых первых выступил за реформы в статье «Авансы и долги», опубликованной в «Новом мире» в 1987 г.⁴, и одним из первых выступил против того, как они проводятся. При всем своем уважении к Горбачёву («европеец со ставропольским акцентом») он резко критиковал его макроэкономическую политику, создавшую огромные вынужденные сбережения — отложенный потребительский спрос и повсеместные дефициты. В начале 90-х гг. ему предлагали войти в правительство (пост министра приватизации или другой), но он отказался. Он любил говорить: «Я не губернатор, я еврей при губернаторе», но отказался он, конечно, из-за принципиального несогласия с «безжалостными» шокотерапевтическими методами. Он переживал и за судьбу СССР, и за судьбу России, и за судьбу социалистической идеи.

В своей экономической публицистике конца 80-х Шмелёв определил главную экономическую проблему тогдашнего развития: рыночные реформы, ставка на экономические стимулы требуют стабильного рубля,

---

⁴ Шмелёв Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.

а бюджетный дефицит и его монетизация эту самую стабильность подрывают, дискредитируя реформы и реформаторов. Тогда же он предложил варианты разумной политики — отказ от антиалкогольной кампании для восстановления потерянных от акцизов на водку доходов бюджета, продажа реальных активов (малая приватизация) и финансовых активов (облигационные займы) населению для откочки отложенного потребительского спроса, импорт ширпотреба за счет валютных резервов и иностранных займов для немедленного наполнения потребительского рынка. Такие рекомендации могли помочь профинансировать издержки перехода к рынку, осуществить своего рода «хирургию под наркозом», но, к сожалению, они если и были использованы, то в слишком малой степени и слишком поздно. Накопленные вынужденные сбережения населения в конце концов были ликвидированы самым жестоким и разрушительным способом — павловская денежная реформа 1991 г. и апрельское «регулируемое» повышение цен, а потом и полное освобождение цен 2 января 1992 г., положившее начало периоду сверхвысокой инфляции.

В период высокой инфляции 1992–1995 гг., когда деньги раздавали на все, кроме того, на что действительно было нужно, Шмелёв возмущался безжалостностью реформаторов в отношении пенсионеров, врачей, учителей, университетов, фундаментальной науки. «Если они печатают деньги вагонными составами, то разве нельзя прицепить к этому поезду еще маленькую тележку, чтобы спасти от развала Академию наук? Сохранить в науке и в России сотрудников Математического института Стеклова стоит максимум несколько миллионов долларов — копеечные деньги в государственном масштабе; даже если на эту величину увеличить дефицит бюджета и погасить его печатанием денег, инфляция вырастет только с 1000% в год до 1002%. Какая разница. Кто это заметит?»

Наверное, лучше, чем кто-либо, Шмелёв понимал, как в реальности работает советская экономика и вся административная система. «Если сказать, что система абсурдна, то это нас далеко не продвинет, — объяснял он. — Задача состоит в том, чтобы вскрыть механизм функционирования системы, законы ее развития».

«В чем состоит самая глубокая тайна советской системы? Я не сразу это понял, — говорил Шмелёв, — мне понадобились годы, чтобы понять. Я думал, на Лубянке есть подвал, там клетка, в клетке — три мудреца. Когда “припекает”, возникают серьезные проблемы, члены Политбюро идут в подвал к клетке за советом. Мудрецы им и говорят: “Вводите войска

в Чехословакию», или: «Стройте «Атоммаш», или: «Поднимайте цены на мясомолочные продукты». Так вот, самая главная тайна советской системы состоит в том, что не только мудрецов, но и клетки и даже подвала на Лубянке нет».

В каждой шутке есть доля шутки: этот образ системы был и у Войновича в «Москва 2042» — суперкомпьютер, якобы вычислявший оптимальную траекторию развития, а на самом деле сломанный и давно не работающий, в подвале, охранявшемся как святилище. Но есть и в шутке доля правды. Советская система, вопреки представлениям плановиков, развивалась совсем не по плану, а по неведомым никому законам, причем развивалась относительно устойчиво и одно время (до середины 60-х) даже сокращала разрыв с западными странами по подушевому доходу, да и по социальным показателям (продолжительность жизни, например) была впереди многих. Каковы эти законы и механизмы развития плановой системы, мы до сих пор не знаем (это один из крупнейших пробелов в экономической науке), но благодаря Шмелёву имеем много «наводок».

Собственно говоря, в этой области художественные произведения Шмелёва, особенно его сборник рассказов «Curriculum vitae», дают не меньше пищи для размышления, чем его научные работы. Перечитайте рассказы про А. И. Соболева, спасшего от разъяренного быка секретаря ЦК по международным связям Б. Н. Пономарева, про Иди Амина и его друга — агента советской разведки поневоле, про Н. П. Фирюбина, секретаря московского горкома партии после войны, которого Сталин заподозрил в желании «отключить канализацию и провода в Кремле перерезать», — это ценные документы эпохи, реальные истории, записанные настоящим писателем, человеком, умевшим видеть и схватывать главное. Для серьезных будущих исследователей советского социализма эти рассказы дадут не меньше, чем архивы и статистические сводки.

От Шмелёва я впервые услышал, что создание совнархозов в 1957 г., которое, как считали многие, не имело никакого экономического смысла, на самом деле было продиктовано соображениями политической борьбы. Хрущёв старался тогда преодолеть сопротивление министерской бюрократии и решил создать «две партии» — по сельскому хозяйству и промышленности (а в перспективе хотел создать шесть — по птицеводству, свиноводству и т. д.). Так что получалось, что совнархозы отчасти сродни китайской «культурной революции», цель которой тоже состояла в том, чтобы преодолеть бюрократизацию аппарата.

От Шмелёва я впервые узнал, какие широкие полномочия и невиданная в плановой системе экономическая самостоятельность были предоставлены наркомам вооружений, танков, самолетов, боеприпасов во время Второй мировой войны — вплоть до права устанавливать зарплаты, которые они считали нужными. Получалось, что в критические моменты административная система могла наплевать на все табу и использовать чисто рыночные методы.

Многое из того, что говорил Николай Петрович, он не успел записать. Те, кто знали его, наверное, как и я, только сейчас понимают, что многие его неопубликованные мысли будет трудно восстановить и додумать до конца.

В рассказе «Последний этаж»⁵, который сам Николай Петрович считал «самым важным из написанного», главный герой говорит так: «...никому еще и никогда не удавалось додуматься в этих вечных вопросах до большего, чем простая констатация унылого, согласен, неприятного и тем не менее абсолютно бесспорного факта: каждый из нас — лишь песчинка в пустыне бытия, и приходил ли ты в мир или вовсе не был в нем, не имеет ровным счетом никакого значения ни для кого, кроме разве что тебя самого да еще немногих твоих близких, кого судьба так или иначе связала с тобой в один узел».

Я спорил, говорил, что есть какой-то смысл, предназначение, что человечество в конце концов добьется того, что люди будут жить вечно и мы узнаем, что там, за пределами Вселенной. Я цитировал Конфуция: «Живи так, будто завтра умрешь; учись так, будто проживешь вечно».

— Да, я могу принять неизбежность смерти, — отвечал Николай Петрович. — Но смириться с тем, что мы никогда не узнаем, в чем смысл, за чем нам была дана эта жизнь, — с этим смириться я никогда не смогу.

Что же тут скажешь, действительно, трудно смириться. Еще труднее умирать, так и не узнав, в чем этот смысл. Но если мы не знаем, это не значит, что смысла нет. Для меня этот смысл определяется достижениями и нравственными ориентирами таких людей, как Шмелёв. Николай Петрович не конъюнктурил ни в советское, ни в постсоветское время. Его художественную прозу не печатали четверть века, но он все равно продолжал писать в стол, не подстраиваясь ни под цензуру, ни под «политкорректность». Он успел сделать много и прожил жизнь достойно по самому высокому гамбургскому счету.

В последние годы жизни Шмелёв полушутя жаловался на груз прожитых лет.

---

⁵ Шмелёв Н. П. Последний этаж. Сборник современной прозы. М., 1989.

— Мне уже трудно вникать в смысл дискуссий, когда я сижу на Ученом совете или на конференции, мне трудно сконцентрировать внимание, мне надо сделать усилие, чтобы понять, о чем они там говорят и какие новые идеи провозглашают. Но в конце концов я делаю усилие и вникаю в суть — господи, о чем они говорят, я все это 30 лет назад знал!

Таким он останется в моей памяти. Навсегда.

В. В. Попов

Доктор экономических наук

Профессор РАНХиГС

Почетный профессор Российской экономической школы

НЕВЕДОМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Под названием «Неведомые перспективы» в журнале «Дружба народов» (2014. № 5) вышла, как оказалось, наша последняя статья — интервью с академиком Николаем Петровичем Шмелёвым. Но появилась она на этот раз только под одной моей фамилией. Вообще в последнее время такой формат стал обычным для большинства наших органов СМИ, даже толстых журналов. По этому поводу Николай подшучивал: «Жмоты, они это делают, чтобы не делиться гонораром с тем, у кого берут интервью».

Журнал «Дружба народов», оправдывая свое название, раньше платил гонорар нам обоим, и мы его потом делили по-братски. Обычно Николай отказывался от своей доли и предлагал: «Давай лучше, Леонид, посидим в каком-нибудь хорошем ресторанчике. Поговорим, а заодно поужинаем». Так мы это и делали до того времени, пока Николай Петрович не ушел в неведомую вечность. Предложенный журналом вариант названия статьи после этого оправдывал себя больше, чем предложенный нами ранее заголовок «Перспективы и коррективы». В него мы вкладывали свой смысл. Она замышлялась как продолжение появившегося в этом журнале интервью под заголовком «Надежды и прогнозы». Сюрпризы жизни вносят свои коррективы в наши прогнозы как в политике, так и в экономике.

Таким сюрпризом стала услышанная мною 6 января (в день моего рождения) весть о неожиданной кончине Николая Петровича. Верить этому я отказывался. Поздно ночью я решил все же позвонить жене Николая Петровича — Наташе.

Она рассказала, что за ужином Николай ей сообщил, что они приглашены на мой юбилей. При обсуждении, что подарить юбиляру, он ее успокоил, мол, знаю, что подарить Леониду. А ночью Николая не стало. Смерть пришла раньше скорой.

На юбилейном вечере, проходившем в санатории «Узкое», где часто отдыхал также Николай Шмелёв, в числе гостей должен был находиться

и Николай. Место ему было намечено за одним столом рядом с нашим общим другом Евгением Максимовичем Примаковым.

До того, как представлять кому-то слово, я обратился к гостям с одной просьбой: «Никогда никому не спешите делать такие подарки, как Николай Петрович...»

Для тех, кто не знал о кончине Николая Петровича, это стало черной вестью. Пришлось первый бокал поднять за вечную память того, кто должен был находиться среди нас.

Николай не относил себя ни к «лирикам», ни к «физикам». Мы не были с ним ни одноклассниками, ни однокурсниками, ни даже коллегами. Он больше интересовался Западом, а я — Востоком. Себя я больше относил к «лирикам», а он — к «физикам». Только после прочтения его первого романа «Пашков дом» и статьи «Авансы и долги» я увидел в нем экономиста, склонного тоже к лирике.

Пять лет спустя после распада Советского Союза у меня состоялась первая беседа с ним, в формате интервью для издаваемой в то время Алексеем Аджубеем газеты «Третье сословие». Зашел тогда разговор о перспективах погашения Россией долгов советской власти и о способности постсоветской России рассчитаться со всеми полученными «авансами».

Тогда у нас состоялась, по-моему, первый «разговор по душам». Только пятнадцать лет спустя Николай Петрович самому себе признавался, что русский бизнес, который нами воспринимался как некое «третье сословие», оказался слишком «жлобским» по своей натуре, поэтому-то и недалеконвидным, и неконкурентоспособным.

Эту мысль он развивал и в нашей беседе, опубликованной в «Дружбе народов» (2011. № 7), которая выходила сначала под заголовком «Прогнозы и надежды». Потом эти идеи развивалась им в более обстоятельной статье «Россия в дихотомии Востока-Запада через 50 лет» (Альманах «Россия перед близким Востоком и недалеким Западом». М., 2012). В ней он напомнил: «Вряд ли какой другой народ в XX веке пережил за сто лет столько войн и кровавых революций и потрясений, не говоря о голодоморах сначала на Украине, а потом и в самой России: это и русско-японская война с “январской революцией 1905 года”, а за ней мировая война и две революции. Россия хлебнула горя не меньше, чем Украина и любая из других стран СНГ».

Признаюсь, наша последняя беседа-интервью и подсказала мне мысль о собирании партитуры «столетней» Великой войны, которую я попытался развить в своей книге «Самосокрушение».

Последствия пережитых Россией в XX веке войн и революций не изжиты до сих пор. Из двух возможных сценариев — пессимистического и оптимистического — первым, к сожалению, приходит в голову пессимистический. Николай Петрович был убежден, что русский народ еще не выдохся. Но и он может надорваться, если ему не удастся восполнить тот утраченный генетический ущерб от продолжающейся депопуляции как следствие всех войн и революций.

«Конец самостоятельной истории России в традиционном ее облике связан не столько с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны, — доказывал Шмелёв. — Россия больна изнутри, наследственно. Получилось так, что примененная к ней в 1990-х годах рыночная, по-своему тоже “революционная”, терапия лишь усугубила происходившие в ней болезненные процессы. Они стали развиваться давно, еще в советские времена».

В длинном списке болезней современной России первым он называл резко ускорившийся процесс депопуляции страны. После этого и углубляющийся демографический кризис. Отсюда следует и запустение огромных ее территорий, а также — тревожные сдвиги в ее этнической структуре. Отток населения из ее восточных районов на запад, а не наоборот. Отсюда же и сократившаяся под влиянием, прежде всего, искусственных политико-административных экспериментов иммиграция и возросшая эмиграция наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает обоснованные опасения, что в предстоящем столетии Россия не сможет удержать в своем составе не только Восточную Сибирь с Дальним Востоком, но и ряд прикавказских автономий. Там будут пролегать южные и восточные границы России в середине XXI века — по Каспию, по Лене, по Енисею, а может быть, и по Оби. Предсказывать ее будущие границы сегодня не возьмется никто.

Теперь стало очевидно — без целенаправленных общегосударственных усилий с упором именно на государственные инвестиции и поощрительную социальную политику стихия рынка России не способна решить и другие задачи. Преобладавшая ранее в российском руководстве ультралиберальная идеология либо пренебрегала этой крупнейшей проблемой современности, либо и того хуже — сознательно вела дело к избавлению страны от «излишнего бремени». Это же инициировало в 1991 г. и развал Советского Союза под тем же самым предлогом избавления России от «бремени лишних на хлебников».

Нет никакой уверенности в том, что при жизни новых двух-трех поколений Россия сумеет преодолеть последствия жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть за последние двадцать лет. Разве что за исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса. Прежний экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен. Это: традиционное тяжелое машиностроение, приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, уж не говоря обо всем комплексе потребительских отраслей и аграрном секторе. По всем этим направлениям сложившиеся условия в стране не внушают особого оптимизма, если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо и авось.

На мое напоминание о его прежних оценках, что мы кормимся за счет мировых цен на нефть и живем по принципу «нефть в обмен на колбасу», Николай Петрович возразил:

— Ну, положим, живем мы не только в обмен на колбасу, получаем кое-что и другое. К примеру, деликатесы, о которых раньше и слыхом не слыхивали. Все получаем, кроме ожидаемых инвестиций в нашу экономику.

В последних наших беседах мы то и дело возвращались к назревавшему кризису на Украине. Причину его Николай усматривал в том, что для Киева Запад становится теперь более близким, чем олицетворяемая Россией постсоветская Евразия.

В журнальном варианте эти мысли и другие «острые моменты» по понятным причинам были сокращены. Последние беседы проходили урывками, в три захода в обстановке обострившегося к концу года украинского кризиса и непонятных революций во внешнем мире, в нашем ближнем и не столь дальнем зарубежье.

«Арабская весна» к тому времени успела наложиться на более близкую нам украинскую «зиму тревоги нашей». Работая в академических институтах и будучи давними членами Союза писателей, мы с Николаем не могли оставаться равнодушными и к проводимым реформам РАН и преобразованиям в писательском сообществе. К тому времени власти догадались ввести годовой мораторий на реорганизацию Академии наук. Незадолго до перенесенной им болезни Николай сказал: «Пережить бы нам все эти моратории... Очень настораживает меня само это слово. От него какой-то мертвечиной отдает, внушает какую-то безнадегу...»

Знакомой нам обоим актрисе Алле Демидовой, которая когда-то вместе со Шмелёвым училась на экономическом факультете МГУ, после прочтения

нашей беседы в «Дружбе народов» наши прогнозы показались тоже слишком безнадежными. Да и перспективы малоутешительными. Услышав это, Николай, немного помолчав, произнес:

«Боюсь, Леонид, если мы и попытаемся вносить в нынешнюю безнадегу какие-то коррективы, общая картина в мире не изменится. Как тут не вспомнить роман Джона Стейнбека “Гроздь гнева” и другую его книгу “Зима тревоги нашей”. Он писал их в преддверии первого мирового экономического кризиса. За ним вскоре и последовала Вторая мировая. До России она дошла только через десяток лет. До Европы она докатилась быстрее, чем до Америки. У меня теперь такое ощущение, что новая война у нас опять у порога. Не знаю, будет она уже девятая или десятая. Как это уже было сто лет назад, Первая мировая повлекла за собой Февральскую, потом и Октябрьскую революции в России».

При перечислении Николаем всех последующих войн и революций у него получалось, что Россия пережила шесть разных революций и восемь войн: японскую, Первую и Вторую мировые, гражданскую, польскую, финскую, афганскую и, наконец, чеченскую. Сколько в них было перебито народу, до сих пор не подсчитано. В них была уничтожена лучшая часть русского народа и его золотой генофонд, не поддающийся восстановлению. Он важнее всех золотых резервов.

Согласившись с таким подсчетом, я напомнил, что еще были войны в Испании, Китае, Корее, на Ближнем Востоке, в Африке. В них Россия тоже принимала участие. Получится, что в XX веке она пережила свою «столетнюю» войну.

Николай Петрович согласился со мной, но с одной оговоркой:

«Вряд ли стоит называть Великой Русской революцией только Февральскую и Октябрьскую с последующими за ними гражданской войной, как это, по аналогии с Французской революцией, предлагают сделать некоторые умники.»

Согласен с тобой, что все советские люди были либо детьми, либо — пасынками Октября. Мне самому приходилось носить красный галстук и значок с изображением Ленина. Что касается моих родителей, то отец мой в партии большевиков никогда не состоял, в оппозициях не участвовал, родственников за границей мы тоже не имели. Как рассказывала мне мать, когда отец после моего рождения услышал по радио о смерти Максима Горького, произнес: “Горький умер, зато у нас Шмелёв родился!” Это позднее я догадался, что он пророчил мне судьбу писателя Ивана Шмелёва. За свою жизнь мне довелось исколесить почти весь мир. Но об эмиграции

никогда и не помышлял. Испытание на прочность, могу сказать, выдержал. Только после появления в печати наделавшей столько шума моей статьи “Авансы и долги” меня стали зачислять в диссиденты. Такая репутация за мной закрепилась после появления моего романа “Паиков дом”. В отличие от политики, оставаться теперь диссидентом в литературе нет никакой нужды. А вот в науке волей-неволей приходится быть порой инакомыслящим диссидентом.

Вообще, русской интеллигенции было бы полезно теперь почаще вспоминать Гоголя и Салтыкова-Щедрина. А вот нового Булгакова или Платонова среди писателей что-то не видно. Есть, правда, несколько почитаемых мною писателей. Но за последние десять лет ими тоже ничего путного не создано. Не то, что было в первые годы перестройки. В этом я мог убедиться в конце 1980-х гг., когда моя кандидатура была выдвинута от Академии наук в депутаты Верховного СССР. Тогда я набрал больше голосов, чем академик Сахаров. Хотя он в политике был человеком мировой известности. Я же был известен скорее как публицист, интересующийся экономикой. Другой вопрос, почему верхи потом не стали прислушиваться не только ко мне, но и к таким отечественным пророкам, как Солженицын и академик Сахаров. Вот уж, поистине, нет пророков в своем Отечестве. Они, конечно, были, но при их жизни к ним не прислушивались.

У нас постоянно не срабатывает обратная связь. Она вроде закона стоимости работает всегда в преобразованном виде. Поэтому-то и принято делать вид, что ничего в стране особенного не происходит. Так было после смерти Сталина и после снятия Хрущёва, а потом и после отстранения Горбачёва.

При наших встречах с ним на это Горбачёв не раз жаловался и сам. Задним числом каялся, что давал всем много авансов. Но не думал, как расплачиваться потом с долгами. Задним умом мы все крепки. Все, кроме разве наших либералов. Они пытаются строить некий гибрид бандитизма с капитализмом. Стараются от них не отставать и наши “эсеры” из “Справедливой России”, и большевики из КПРФ. Они все еще продолжают мечтать о социализме с человеческим лицом. Но забывают о том, что капитализм в России потому и уступил место недоразвитому социализму, что не успел выполнить три свои основные прогрессивные функции. Тут давай вспомним о нашем общем друге Георгии Ивановиче Куницыне. При Брежневле его называли “последним легальным марксистом” в России. В своих лекциях он часто любил ссылаться на работу Энгельса о трех

прогрессивных функциях капитализма, который он должен был выполнить прежде, чем начинать переход от капитализма к социализму.

Первая функция состоит в том, чтобы подготовить квалифицированного рабочего как на земле, так и на производстве. Вторая — воспитать гражданина, сознающего свои права и обязанности. Наконец, третья — удовлетворить в каждом гражданине “юношескую страсть к собственности”. У нас же произошла, как говаривал Ельцин, “рокировка”. Место бюрократического социализма сразу же занял бандитский капитализм. Да и капитализм у нас не выполняет ни одной из этих функций. Вот стар и млад — все бросились удовлетворять пробудившуюся у них юношескую страсть к чужой, особенно — к государственной, собственности.

Насколько я понял из всех теперешних споров вокруг национальной идеи, речь идет не столько о самой идее, сколько о том, останется ли президент Путин на третий срок. Всех почему-то интересует, кто может прийти ему на смену из представителей “креативного” класса. Но класс-то этот еще не успел ничего создать. До сих пор продолжают ехидничать по поводу распавшейся советской “дружбы народов”. Но почему-то у нас мало что делалось для укрепления сотрудничества трех славянских, по привычке называемых братскими, народов: России, Белоруссии и Украины. Вот теперь в “незалежной” поднимается революция Майданов под “червоно-черным” знаменем. Кажется, такого цвета флаг был и у Степана Бандеры. По-моему, Янукович заблудился, не зная, куда и под каким флагом ему идти.

Страны Европейского союза тоже заблудились. Каждая страна ищет свой путь, чтобы избежать вовлечения в такую гражданскую войну на Украине. Турция, по-моему, оказалась умнее в своей охоте сразу за двумя зайцами — стать членом ЕС и выбиться в лидеры мусульманского мира. В Европе идет конкуренция между “мульти-культми” и многопартийностью, а у нас же — между бандитами и олигархами. Все пошло в раздрай после того, как Ельцин провозгласил за каждой автономией право брать суверенитета столько, сколько может проглотить. Самораспад у нас имел свою экономическую и национальную подоплеку.

На Украине Донбасс и Новороссия тоже кормят всю “незалежную”. Судя по развитию событий на Украине, перспективы там безрадостные. Они могут иметь непредвиденные не только для Украины как геополитические, так еще более серьезные экономические последствия. На саммите в Минске Путин счел уместным напомнить, что отсутствие темпов интеграции грозит замедлением темпов роста экономики во всех странах

СНГ. Обычно при встрече с главами стран ближнего и дальнего зарубежья он начинает беседу с констатации того, насколько увеличился за последнее время товарооборот. Но на самом деле между бывшими братскими странами товарооборот постоянно падает, особенно с Украиной.

Это, впрочем, относится и к инвестициям и товарообороту между странами ЕС, куда так устремилась Украина. Бизнес везде предпочитает короткие инвестиции длинным. У нас бизнес дикого капитализма. Я всегда доказывал, что рыночная экономика должна быть регулируемой. Соблюдаться должен определенный баланс между свободным рынком и социальной справедливостью. Поэтому я и выступал против курса, проводимого Гайдаром, который считал, что рынок сам по себе решит все проблемы и все отрегулирует. В знак протеста против такого курса я решил выйти из Президентского совета при Ельцине.

Сами по себе инвестиции не могут решать проблем оттока и притока капитала. Взятый курс на инновации должен дополняться диверсификацией. Мне не раз приходилось в разных интервью говорить: нельзя сидеть только на нефтяной игле. Нужно что-то делать с сельским хозяйством. Треть посевных площадей уничтожена, а половина крупного рогатого скота вырезана.

Диверсификацию экономики нужно проводить за счет тех ее отраслей, которые можно еще спасти и возродить. Это — военное судостроение, самолетостроение. Мы можем создавать и свои конкурентоспособные модели. Наша наука тоже должна иметь свои стратегические цели. Но, к сожалению, что мы имеем сейчас? Фундаментальную и прикладную науку почти уже уничтожили. Профтехучилища убиты. Квалифицированного сварщика теперь днем с огнем не разыскать. Профессионалы говорят, что мы в высоких технологиях отстали на целое поколение.

Давно идут споры, с чего начинать: с подъема производства или с подъема человека-производителя? Китай предпочел оживлять малый и средний бизнес, тем самым обеспечил занятостью всю страну. Хоть ломом, хоть мотыгой, важно что-то делать. Успех Китая поэтому долгосрочен. Я восхищаюсь ими. Во многом перенос китайской модели на нашу специфику был бы уместен, хотя мы, конечно, не китайцы. Свой корень жизни мы подрубили. С моей точки зрения, движущей силой может стать малый бизнес, его нужно развивать. Люди наконец должны проснуться от спячки! От застоя в конце концов распался и Советский Союз. Занимаясь проблемами реинтеграции, мы пытаемся решить их без осмысления

подлинных причин развала страны. У меня складывается впечатление, что мы опять запутываемся в лабиринте авансов и долгов.

Не только русский, но и весь постсоветский бизнес был и остается недалеконевидным. Он развивается в режиме “Три Ж”: жадность, жлобство и жуликоватость. Мы могли бы и не допустить грабежа нашей экономики. Достаточно было закрыться в своей крепости, как это предлагалось в нашумевшем недавно романе-фантазии “Третья империя” Михаила Юрьева. Сам автор, один из известных бизнесменов, почему-то предпочел вкладывать свой капитал в разработку сланцев в США. Не знаю, насколько это перспективнее. У нашей страны был, конечно, и другой выход — ввести монополию, если не на внешнюю торговлю, то на эксплуатацию своих природных ресурсов. Ведь по нашей конституции они объявлены собственностью народа, но распоряжаются ими кучка олигархов у государственной кормушки, не советуясь ни с народом, ни с экономистами.

Ты вспомнил о своих встречах с академиком Дмитрием Львовым. Я хорошо его знал. Все его расчеты оказались правильными. Нетрудно было подсчитать — с учетом возросшей за последние годы цены на энергоресурсы каждый взрослый гражданин России при ваучеризации экономики мог бы стать миллионером. Но при приватизации в формате “Три Ж”, которую устроил Чубайс, это оказалось невозможно. Мир никогда до этого не знал такого масштаба ограбления. У меня есть серьезные основания считать, что это и привело страну к состоянию “Три Д” — депопуляции, демодернизации и деиндустриализации. Как бы нечто подобное не повторилось теперь при грабительском реформировании РАН. Может быть, это тот случай, когда нам подают лапшу и тараканов в одной тарелке. Хищные и всеядные насекомые скоро могут растащить по углам все недвижимое имущество РАН. Ученым же будут продолжать вешать лапшу на уши. Протестов против этого было много. Но обратная связь между властью и наукой, похоже, опять не работала.

Насколько я знаю, наш общий друг академик Примаков выступал против создания Большой Академии. Он всегда приглашает меня на заседание своего делового клуба “Меркурий”. Там обычно деловыми людьми высказывается много толковых мыслей и предложений. Но вот доходят ли они до верхов — сомневаюсь. Первое, что надо было бы сделать, — поставить преграду на пути разворовывания страны! Тогда не пришлось бы проводить и рейдерские набеги на имущество РАН. Все это делается якобы для блага науки. Провозглашать можно что угодно. Подобное мы

уже проходили и при Хрущёве. Он тоже обещал приход коммунизма к концу 1980-х гг. Мол, он уже не за горами.

На самом деле мы все еще продолжаем догонять, но уже перегнали Америку по числу миллионеров и миллиардеров, а заодно — и по числу безработных. Таковы реальности дикого капитализма в России. Она, похоже, имеет среди всех существующих цивилизованных государств самую несправедливую экономику. Реформы Гайдара и Чубайса лишили население более 90% сбережений с обещаниями вернуть их в течение 10–20 лет. За это время более половины ограбленных не дожили до возвращения им собственных сбережений. Вопрос — куда ушли эти деньги? На геологоразведку новых месторождений нефти денег не находится. Зато по несколько раз на день по телевизору нам внушают: “Мы лидируем по запасам нефти и газа в Европе. Мы занимаем первое место по их экспорту”. Нашли чем гордиться!

Новое поколение бизнесменов избаловано, как ни в какой другой стране, заоблачными прибылями в строительстве. Но заработки рабочих в России в 5–6 раз ниже, чем в Европе, и в 10 раз меньше, чем в США. А вот насчет инвестиций в национальную экономику власти продолжают надеяться на чужих дядюшек. Для заманивания их создали даже специальный Российский Фонд прямых инвестиций с участием государственного капитала. А с государственно-частным партнерством дела идут туго, особенно по части инвестиций. Я уж не говорю о выделяемых науке грошах, вызывающих жалость к ученым и к самой науке.

С каждым годом инвестиций и расходов на науку становится все меньше. Не хватает их ни для удержания молодых ученых, ни для поддержания созревших “мозгов”. Разве что только на поддержание штанов. Одни уезжают к друзьям, другие — к недругам. Едут куда угодно — лишь бы выжить. Во что может вылиться для России соревнование за свою “исключительность” во всем мире? Только к исключению из числа великих держав.

По темпам экономического роста и численности населения США и Китай уже оказались впереди планеты всей. Через два-три десятилетия Китай обгонит не только США, но и каждую из стран БРИКС. Как бы и среди них не оказаться в числе последних.

Нельзя к тому же забывать о продолжающейся трансформации мировой экономики. В ней более 90% мирового финансового оборота падает теперь не на реальную, а на виртуальную экономику. Если дальше будет продолжаться такое “реалити-шоу”, реальная экономика сожмется до неизвестно какой точки. А тут называют еще проблемы экологии. Одни

предсказывают глобальное потепление, другие — глобальное похолодание. Признаки того и другого налицо. При любом сценарии Россия не сдвинется с места. Но ее могут заставить подвинуться или продвигаться не в ту сторону. На друзей и партнеров рассчитывать здесь не приходится.

Мы не научились сводить ни дебаты с кредитом, ни авансы с долгами. После “революции” в октябре 1993 года по развитию экономики мы скатились до уровня жизни населения стран третьего мира. Те события никак уже нельзя называть “второй Октябрьской революцией”. Продлилась она дольше, пришлось бы теперь платить еще большую цену. Чеченские кампании не идут ни в какое сравнение с тем, что могло бы разыграться на русских просторах и майданах.

Честно говоря, меня больше беспокоит все же положение в науке. Она тесно взаимосвязана с экономикой. Ты помнишь, как в “лихие девяностые” предоставлялись льготы кому угодно, только не людям интеллектуального труда. Опасаюсь, что РАН после присоединения к ней Сельскохозяйственной и Медицинской академий может постигнуть судьба Советского Союза после присоединения к нему стран Балтии.

Ты мне напомнил о твоём избрании действительным членом РАЕН. Это произошло тогда же, когда и Горбачёва объявили почетным академиком РАЕН как лауреата Нобелевской премии мира, как ты выразился, за то, что он развалил Советский Союз. Но Горбачёва слишком ругать не стоит. При нем российской науке худо-бедно удавалось как-то выживать. При нем ученые сдавали в аренду помещения своих институтов. Ты, наверное, читал, что теперь Киев готов сдать Западу в аренду всю Украину в придачу с Крымом. Готова ли Украина на все это пойти, чтобы выжить? “Остров Крым” все же “нашенский” — он всегда считался русским. Хотя Хрущёва и обвиняют за передачу Крыма Украине, у него тогда хватило ума оставить за Россией Севастополь. Скорее всего, своим подарком Хрущёв хотел откупиться за свои прежние грехи того времени, когда был на Украине полновластным хозяином. Заодно он старался заручиться поддержкой украинцев при избрании его генеральным секретарем ЦК. Ведь год спустя после смерти Сталина Хрущёв еще не чувствовал себя полновластным хозяином в стране.

А в 1990-е Ельцин так торопился забрать себе всю власть, что при подписании документов готов был пойти на все. На вопрос Кравчука: “А как же Крым?” — махнул рукой и сказал: “Забирай!” Вот так, одним взмахом руки решил судьбу миллионов русских людей на земле, завоеванной их предками.

В воспоминаниях о своей жизни — “Curriculum vitae” — я рассказывал о встрече в 1995 г. Рождества по католическому календарю у итальянского корреспондента в Москве Джульетто Кьеза. Мы с супругой оказались тогда в одной компании с Горбачёвым и Явлинским. Кто-то из гостей поинтересовался у меня, как у бывшего члена семьи Хрущёва, встречали ли Рождество в его доме. Мне тогда пришлось напомнить, что Хрущёв отнесся к своей последней встрече Рождества, как к Прощеному воскресенью перед Великим постом. Он готов был простить и попросить прощения у всех, кого когда-то мог обидеть.

Наверное, под впечатлением этого рассказа Горбачёв спросил у Явлинского, смог бы он так же попросить прощения за то, что обещал перестроить нашу экономику за 500 дней. Явлинский в долгу не остался и отпарировал, что у Горбачёва, мол, тоже есть много за что у народа просить прощение. Вот тогда Горбачёв и признался, что его погубила самонадеянность. Я думаю, что Януковича может тоже погубить такая же самонадеянность. Но долго он так не усидит. За это Украине придется тоже потом расплачиваться слишком дорогой ценой. А крымчанам ничего не остается другого, как побыстрее выйти из состава Украины и прибиться к родному берегу — к России.

На Украине, по-моему, давно уже борются две “национальные идеи”: одна — на Западной Украине, а другая — на Востоке и Юге Украины. По-моему, у Януковича мало шансов быть переизбранным на второй срок. Ему даже вряд ли удастся усидеть хотя бы до конца своего первого срока.

Так исторически сложилось, что самостоятельная Украина как самостоятельное государство не успела сформироваться. “Незалежной” постоянно приходилось под кого-то “ложиться”, то под турок и шведов, то под поляков и немцев. А после революции — то под петлюровцев, то под махновцев. Расскажу тебе один анекдот, который я услышал от нашего общего знакомого, генерала Михаила Абрамовича Мильштейна. Приходит как-то старый еврей домой и говорит жене, что на бюро райкома его не восстановили в партии. “А за что тебя исключили?” — спрашивает жена. “За то, что я играл на скрипочке на свадьбе у батьки Махно, а потом служил у Петлюры”. Жена возмутилась: “Идиот! Не мог сказать, что у тебя от роду не было скрипки, а Петлюру ты в глаза никогда не видел!” Еврей только вздохнул: “Сама посуди, Сара, как я мог им это сказать, если одна половина из них сама гуляла на свадьбе у Махно, а другая половина служила когда-то у Петлюры...” По-моему, России не стоит из-за Украины ссориться с Западом. Другое дело Крым — он всегда был русским и большинство

крымчан — это русские. Уж кто-кто, а они — точно часть Русского мира. Главное — надо всем научиться по-хозяйски трудиться на своей земле, чем бесконечно спорить, кому эта земля принадлежала в прошлом и что может ожидать Украину в будущем.

Не в обиду будет тебе сказано как составителю альманаха “Триединство”, мне приходится теперь сожалеть, что пытался в нем прогнозировать, что может ждать Россию в пятидесятых годах XXI века. Делать какие-то прогнозы на будущее у меня теперь нет никакого желания даже в отношении самого себя.

Эти слова Николай произнес при прощании со мной. Он словно предчувствовал, что для него наступающий Новый год может стать последним в жизни, опрокинутой в вечность.

Поистине, никому не дано предугадать, чем наше слово отзовется. Любые прогнозы и прогнозирование имеют свои временные пределы. Они способны не только иногда сбываться, но и неожиданно обрываться.

В первую в этом году Рождественскую ночь жизнь Николая Петровича оборвалась. Он так и не дожил до любимого им «лета Господнего»...

Прощаясь со мной по телефону, он горько пошутил: «Не знаю, переживем ли мы с тобой год моратория реформирования РАН. У тебя, правда, есть для этого стимул — отметить свое 85-летие. В любом случае, хорошо тебе встретить Новый год, и обещаю оставить силы для твоего юбилея». Увы, жизнь распорядилась иначе...

Подаренная нам с дочерью последняя книга Николая Шмелёва называлась «Кто ты?». Эта книга о смысле жизни и о тех вопросах, которые каждый из нас задает самому себе: «Кто ты?» и «Кто мы?». Нам всем предстоит на них еще отвечать. Мало спрашивать друг друга: «Что делать?» и «Кто виноват?». Пора самим уже приниматься за дело. Не допускать, чтобы будущее вечно опрокидывалось в прошлое. Не дай Бог — в вечное...

Л. И. Медведко

Доктор исторических наук

ЖИЗНЬ, ОПРОКИНУТАЯ В ВЕЧНОСТЬ

В Рождественскую ночь не стало Николая Петровича Шмелёва. Эта потеря стала для нас с отцом невосполнимой утратой. Из всех интеллектуалов, с которыми нам доводилось общаться, он был не просто интеллигентным, но и душевным человеком. Николая Петровича я знала как близкого друга отца и нашей семьи много-много лет. Я любила присутствовать при их встречах, т.к. это было всегда интересно и увлекательно. Иногда они спорили, а иногда просто говорили по душам. Но часто эти задушевные беседы носили весьма острый и полемический характер. Николай Петрович был неординарный и незаурядный человек во всем.

Со студенческих лет помню его широкое лицо с вдумчивыми глазами — умный и проникновенный взгляд Будды поверх очков, все знающего и все понимающего, с чуть грустной улыбкой. Блестящий экономист, ученый энциклопедических знаний, эрудит, писатель, лектор. Сколько разных ипостасей было у этого удивительного человека. Он всегда прекрасно одевался. Умел это делать, будучи с ранних лет приобщенным к «верхам»: ухоженный, благоухающий, в белоснежной рубашке, обычно при галстуке, приятный силуэт в добротном пальто и в кепи, со вкусом заломленной немного набок, и с неизменной сигаретой в руке. Весь его доброжелательный и миролюбивый вид располагал к задушевной беседе. Он мог быть и непримиримым, когда дело касалось его жизненных принципов и политических взглядов. Своим вроде тихим и мягким голосом Николай Петрович действовал гипнотически не только на меня. К нему всегда прислушивались — будь то международные конференции или дружеские застолья в нашем доме на Ленинском. Это была его особенность — внушать людям доверие к себе. А в кругу друзей с него спадала пелена официальности, и он становился веселым и остроумным собеседником, сыплющим цитатами, изящными шутками и анекдотами. Нередко они пикировались с отцом, а иногда наперебой, словно соревнуясь, читали друг другу стихи любимых поэтов. Я больше нигде и никогда не видела таких застолий, какие

происходили в нашем доме. Кто только у нас не бывал, и физики, и лирики, и писатели, и дипломаты, и ученые: Евгений Примаков, Георгий Мирский, Александр Пятигорский, Георгий Куницын, Николай Шмелёв, Чингиз Айтматов, Радий Фиш, Татьяна Григорьева, Георгий Гачев, Лев Грибов, Александр Медовой, Евгений Пырлин и другие. Атланты духа и интеллекта. Каждый — необыкновенная личность, каждый — исключительный профессионал в своем деле. Люди-вехи, люди-эпохи. Они уходят. И люди такого уровня встречаются теперь все реже и реже. Но каждый раз, когда бы я ни встречалась по жизни с Николаем Петровичем, я испытывала то юношеское восхищение этим необыкновенным человеком.

Тогда, в 80-е гг., было немного писателей, которых мы с юношеским максимализмом причисляли к «настоящим и стоящим». Николай Петрович стал для меня одним из первых среди них. Его статья «Авансы и долги» произвела в свое время эффект разорвавшейся бомбы. Статью обсуждали все, и стар и млад: на круглых столах в научных институтах, на кухнях, в общественном транспорте и в очередях в парикмахерских. С нее и началась перестройка с «новым мышлением». А потом мы читали «Пашков дом» и в его героях узнавали себя. Но как непросто было видеть себя в таком зеркале...

Его рассказы были интересными, содержательными, емкими по сюжету, эмоционально насыщенными. Тематика их самая разнообразная: о дружбе, любви, предательстве, верности, о нравах в «верхах» и о нелегкой жизни простых людей. В его рассказах и повестях чувствовалось дыхание времени — неотвратимость смены строя, назревавшая жажда перемен, а потом боль разочарования и утраченных иллюзий. Читая его книги, создавалось впечатление, что смотришь захватывающий фильм с калейдоскопом персонажей и сюжетных линий. Как-то я сказала Николаю Петровичу, что в будущем наш сложный перестроечный период 80–90-х гг. будут изучать по его рассказам, как дореволюционное прошлое — по рассказам Чехова. Помню, как он искренне удивился: «Ты правда так думаешь? А то меня все время принимают почему-то только за ученого, а ведь я еще и пишу». В его словах чувствовалась грусть от того, что так долго он писал в стол и так долго ему не давали пробиться к ЕГО читателю. Когда он рассказывал, с какими людьми его сталкивала судьба и чему он был свидетелем, он часто повторял: «Теперь это все пицца для ума и размышлений». Частью этих размышлений он поделился в своих зарисовках «Curriculum vitae». Николай Петрович обладал редким даром — он умел сопереживать, сочувствовать и пропускать чужую боль через свое сердце. Когда меня постигло

горе и я потеряла мужа, писателя Сергея Лукницкого, приблизительно в то же время, когда и у Николая Петровича умерла жена Гюли, он был не только понимающим другом, но и сострадающим Человеком. Но нас связывала не только общая непростая судьба, но и общие литературные и культурологические интересы.

С отцом он чаще говорил о политике, а со мной любил говорить о литературе, истории, культуре. Как-то мы с ним заговорили о Боге и оба почти одновременно, не сговариваясь, вспомнили слова Бердяева: «Верить — есть Бог, не верить — нет Бога». Вздыхнув, Николай Петрович тихо прошептал: «Господи, верую! Помоги моему неверию!» Всю жизнь он искал Истину в самом высоком понимании этого слова.

Часто мы говорили с Николаем Петровичем о наболевшем и волнующем нас обоих — о культуре и образовании. А так как я вполне осознавала, что веду «беседы с Сократом», то по горячим следам, иногда тезисно, записывала поразившие меня высказывания:

«Фундаментальная культура — это корни, которые питают новые побеги, а ее планомерно разрушают. Наша культура сегодня все время уступает масс-культуре. Как начался процесс одичания населения в начале 90-х, так он и продолжается. Запущена целенаправленная программа дебилизации страны: агрессивно — по телевидению, скрыто — в образовании. ЕГЭ закрепляет этот процесс. Вместо того чтобы научить МЫСЛИТЬ молодых людей (а именно в этом и должна быть главнейшая функция школы), научить проводить аналитические сравнения и делать выводы, их натаскивают на то, как поставить правильно галочку. Делается все, чтобы оболванить молодежь. Нужно изучать закономерности, а не отдельные фактики. Нужно воспитывать думающего читателя, а не потребителя информации.

Увы, сейчас нет понимания важности культуры в рамках государственной политики. Культура — это то, что делает из людей народ. А власти не хотят или не могут понять простую вещь: без культуры нет государства! При утере общего культурного кода происходит сокращение интеллектуального потенциала всей страны.

В основе русской культуры лежит великая русская литература. И мы сохраняем свой русский менталитет именно благодаря русской литературе. Россия — словоцентрическая страна, всегда такой была. А нам последнее время все время навязывают цифру вместо слова. И хотя я, экономист, уважаю цифры, но живу и питаюсь СЛОВОМ». И он процитировал Гумилёва:

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово среди земных тревог
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что Слово — это Бог.

Раньше была цензура идеологическая, а теперь цензура денег — что хуже? Раньше говорили, что мы страна победившего социализма, а теперь — страна победившего шопинга. Ну и культура соответствующая — рыночная.

Особое внимание надо уделять истории — если нет великого прошлого, то нет и великого будущего. Если мы не разобрались с нашим прошлым, то мы обречены на темное будущее. Отречься от истории глупо, надо просто делать выводы и идти дальше».

Как у философа и верующего человека, а тем более пережившего утра-ту близкого, в нем наблюдалась замороженность смертью. Особенно в последнее время он часто говорил об этом:

«Жизненное бытие стоит перед неизбежностью смерти, и именно поэтому жизнь должна быть наполнена. В детях и в творчестве есть преодоление смерти. Надо жить так, чтобы оправдать свое существование перед лицом смерти. Все про жизнь и все про смерть — две основные темы искусства и литературы».

Как-то в разговоре с Николаем Петровичем я процитировала Ахматову: «А я всю ночь веду переговоры с неукротимой совестью моей...»

Николай Петрович встрепенулся: «Как хорошо сказано! Это про меня... У нее там еще есть дальше строка: “И только совесть с каждым днем сильней беснуется...” Нужно слушать себя и не поступать против совести. Иначе потом замучаешься. — И с горечью добавил: — В литературе сейчас не нужны герои, которые пробуждают и тревожат совесть».

Николай Петрович всю жизнь и был таким человеком, который пробуждал и тревожил нашу совесть.

В последний год жизни отца Александра Меня, в 1990 г., мне посчастливилось слушать цикл его лекций. Мне запомнилась сказанная им фраза: «Встречу со значимым человеком надо заслужить!» Я рада, что в своей жизни я заслужила встречу с таким человеком, как Николай Петрович Шмелёв. И только сейчас впечатления тех лет начинаешь переосмысливать, оценивать события, которые когда-то твой мозг запечатлел, как серию фотоснимков. Сейчас, рассматривая эти снимки, начинаешь испытывать боль от невозможности высказать свои мысли и поделиться с тем, кого уже нет

и чьи слова и замыслы становятся понятными нам только с течением времени.

Мой отец так переживал внезапную кончину своего друга, что в день похорон оказался с сердечным приступом в больнице. На церемонию прощания с Николаем Петровичем от нашей семьи мне пришлось идти одной. Панихида проходила в здании РАН при огромном скоплении народа — коллег, ученых, писателей, студентов, политиков. Море цветов, нескончаемые речи.

Николай Петрович Шмелёв ушел в вечность. Он был очень светлым человеком, камертоном нравственности для всех нас. Без таких людей трудно совершенствоваться. Как будто умирает часть тебя. Его нам будет очень не хватать. Говорят, Бог забирает лучших, знать бы — зачем?

О. Л. Медведко

Кандидат педагогических наук, культуролог

ШМЕЛЁВ О ШМЕЛЁВЕ

Не знаю ничего более интересного, чем разговор с разносторонне талантливым, интеллигентным и обаятельным собеседником о перипетиях его судьбы — в связке с перипетиями судьбы России, — о его прогнозах, предостережениях и надеждах. С первых номеров журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А» я всячески старалась привлекать на его страницы достойных прозаиков, поэтов, политиков, артистов, ученых, публицистов. Так появились мои беседы с Булатом Окуджавой, с Александром Н. Яковлевым, с Юрием Черниченко, с Николаем Шмелёвым, автором знаменитых «Авансов и долгов», многих рассказов, повестей и романов («Презумпция невиновности», «Визит», «Протокол», «Теория поля», «В полусне», «Деяния апостолов», «Спектакль в честь господина первого министра», «Ночные голоса», «Пашков дом», «Сильвестр», «Бедная грета»...) и мемуарной прозы «Curticulum vitae»... Некоторые из них в разные годы печатались в «Кольце А».

Перебирая в памяти короткие встречи с Николаем на протяжении двух десятков лет, прихожу к выводу, что наиболее полно для меня он раскрылся именно в той беседе, в середине 1990-х. Дальнейшие наши пересечения на писательских дорожках, в ЦДЛ или в доме общих друзей добавляли лишь отдельные штрихи к тогдашнему разговору, к Шмелёвскому портрету, да еще укрепляли возникшие с первой встречи ощущения его человеческой притягательности, мягкой ироничности, потребности в дружеской поддержке. Мне казалось, ему ее не хватало.

Лучше всего о себе он рассказал сам.

* * *

— *Николай Петрович, один из героев «Пашкова дома» — Горт — «терпеть не мог подземные переходы и, где только можно было, старательно их избегал». Ваши предки — горожане, коренные москвичи?*

— Нет, оба моих деда — мельники. Один жил в Жигулевских горах, на речке Крымза, другой — под Липецком, в верховьях Дона. Родители

приехали в Москву в молодом возрасте. Я родился здесь в 1936 году и прожил в Москве всю жизнь. Только три-четыре месяца мы провели в эвакуации. Два родных района у меня в этом городе: Неглинка и Фрунзенская набережная.

И друзья все в основном московские. Но не подумайте, что я сосредоточен только на столице и больше ничего ведать не ведаю. Вспоминаю маленькую сценку, когда (лет двадцать пять назад) мне утверждали в райкоме характеристику на выезд, кажется, в Югославию. На комиссии старых большевиков, которую надо было обязательно пройти, мне задали вопрос: «Послушайте, а что вы так рветесь за рубеж? Вы что, в Советском Союзе везде побывали уже?» И я очень гордо и очень спокойно ответил: «Везде!» Это было для них обескураживающе. Характеристику мне, к слову, тогда не утвердили, но дискуссию я этим прекратил. Мне действительно легче сказать, где я не был, чем где я был — в общем, от Бреста до Чукотки.

Хотелось посмотреть, как люди живут, поэтому я использовал тут две возможности: работу внештатным корреспондентом «Огонька» и «Известий», да плюс к этому складно у меня получалось лекции читать. То и другое давало хороший приработок и позволяло поехать, куда тянет, и посмотреть, что хочешь. Я много лет охотно жил такой жизнью, но всякий раз с радостью возвращался в Москву. Я и вправду московский житель и вполне могу быть экспертом, причем квалифицированным, по многим московским проблемам.

— *В прозе вы — психолог, в науке — практик, если можно так выразиться, с человеческим лицом. Не из этого ли сплава рождается логика развития сюжета и характеров в вашей прозе?*

— Люди практической хватки, в том числе близкие мне экономисты и политики, традиционно считали и считают, что все так называемые высокие порывы, которыми богата литература, — баловство, не имеющее отношения к делу. Только сейчас многие из них начинают прозревать, что, оказывается, чисто практические, сугубо экономические решения в гораздо меньшей мере зависят от действий, поддающихся расчету да обсчету, чем от таких вещей, как настроение, психология, интуиция, определенный культурный фон, амбиции личные и групповые, т. е. от того, что в статистику не укладывается.

Я убежден, что человечность всегда и во всем наиболее эффективна. Не случайно оказалось, что от человеческого фактора, при всей неуклюжести этого определения, зависит эффективность и всей экономики, и отдельной отрасли промышленности, и какого-либо завода. Жаль, что новое поколение

реформаторов, хоть кол им на голове теши, плохо усваивает ту истину, что человеческое доверие в России к министру, к правительству, к государству в экономике значит больше, чем любой дебет-кредит. Государство у нас всегда было склонно обманывать людей, причем в открытую, в лоб. Например, человек прожил целую жизнь, а у него вдруг отнимут в поте лица заработанные деньги и даже не извинятся. Или вот гайдаровское правительство, как, впрочем, и черномырдинское тоже, переживало и переживает, что деньги из России «побежали», что надо их как-то вернуть назад и т. п. А что же вы хотите? Вы так бессмысленно, так откровенно надуваете людей, что человек вам не в раз теперь поверит, и вы должны будете еще у него в ногах повалиться, прежде чем он свои деньги в Россию вернет.

— В *«Пашиковом доме»* говорится: *«Мысль эта в примитиве сводилась к следующему: милосердие — самая выгодная политика по чисто коммерческим соображениям...»* Может быть, гайдаровским реформам не хватало человечности?

— Не хватало. Он личность незаурядная, но уж очень академичная. Очень. Для него зачастую существуют не люди, а статистические единицы. Есть и другой порок общественного мнения: если поиск — то непременно нравственный, обязательно духовный. В практическую жизнь люди, придерживающиеся такого мнения, никогда не давали себе труда заглянуть. Но ведь если ты призываешь человека вериги носить, то учти при этом, что кормиться ему надо, что у человека существуют свои будничные заботы, что дети у него подрастают... И вот если мне попытаться сформулировать свою писательскую идеологию, то одна из задач — это постараться «поженить» два взгляда: утилитарный, скажем, чисто экономический, с тем, что мы обозначаем как духовный поиск, как святость, как мораль, как то, что несет Христос...

— *Сейчас многие говорят о некоей объединительной идее, национальной, например...*

— Я и по крови, и по духу человек абсолютно русский. Но ни в какую русскую идею я не верю. Чем такая идея конкретно выражается? Сарафаном? Самоваром? Пляской? Русскими романсами? Разве объединишь сегодня людей только этим, тем более мы уповаем на воссоединение с остальным миром, на преодоление нашей прежней изоляции. А базой человеческого сближения может стать любая культура, любая цивилизованная идея. Возьмите, скажем, индийскую, насчитывающую пять тысяч лет. Начните чистить эту луковицу, в середине обнаружите простой, но, ей-Богу, благотворный и плодотворный принцип: перестань гоняться за химерами,

построй дом, посади дерево, роди сына и воспитай его. Все. Больше ничего. И у нашей христианской идеи корни те же, ибо сказано: «Трудитесь в поте лица своего, любите друг друга, плодитесь и размножайтесь». Ну, добавьте к этому еще что-то свое. Из этого неизменного круга человеку даже во всей вселенной никогда не выйти и никуда не деться. А если говорить о нашем времени, то, Господи, столько наворотили мы за предыдущие десятилетия, даже века, так изуродовали землю, так бестолково обращались со страной, с людьми...

— *Откуда все-таки бралось в России эдакое общенациональное равнодушие к собственной судьбе — вот загадка.*

— Загадка. И я бился над нею, но так и не смог разгадать эту пресловутую русскую традицию, с ее святостью — с одной стороны и жутким изуверством — с другой. Объяснить тут ничего невозможно. Вот зафиксированный в истории факт: Петр Первый в начале цивилизованного периода своего царствования некоторое время носился с мечтой сселить всю страну от западной границы по Волгу, потому что наши просторы суть безнадежность всех наших замыслов и начинаний. Ну а вдобавок к нашим просторам тут и Византия, традиции которой мы переняли, и татарщина тут вся при нас, и частично наша собственная психология, с ее вечным «либо все — либо ничего». Либо ты святой — либо убивец с ножом.

— *Так что же гарантирует своеобразную устойчивость нашему национальному типу или, напротив, свидетельствует о крайних его перепадах?*

— Я бы уточнил, что неустойчивость — это тоже не всегда плохое качество. Она пластична, она текуча, она способна иногда поднимать какие-то волны.

А если говорить о моей внутренней ориентации, то я все-таки верю в религию молчаливого большинства. Так принято на сегодняшнем политическом жаргоне называть основной пласт народа. Этот пласт — и спасительный фундамент общества, и его здоровье.

Большинство — это отнюдь не дураки. Им плохо — они плачут, им неуютно — у них рассыпается привычное, но они видят, что происходит движение от безумия к здравому смыслу. Страшно подумать о возможном возврате прежнего, о — даже временном, наполеоновском — его реванше.

Я глубоко убежден, что о пути назад думают всерьез не более десяти процентов общества. Реванша у нас в России быть не может. Попытка реванша — другое дело.

Я бы не стал исключать и вариант прихода диктатора с благородными по виду намерениями. Все наши шатания и страсти, вполне вероятно,

приведут нас в конце концов к авторитарной фигуре во главе государства, но и движение этой фигуры в политике и экономике все равно будет в сторону здравого смысла.

Другое дело — степень политических ограничений: подконтрольная пресса, может быть, даже под одну гребенку стриженные литература, искусство...

— *Привлекательная перспектива, нечего сказать... Ну а пока мы все-таки свободны, как пишется прозаике Шмелёву?*

— Тут есть два аспекта. Внутренний — твоё душевное состояние, твои мозги, и второй, чисто материальный: выкраивается ли время работать для души, или все дни уходят только на заработок куска хлеба.

— *Короче говоря, Шмелёв-экономист кормит Шмелёва-писателя?*

— Кормит. Я бы даже уточнил: кормит Шмелёв-экономист с определенным международным авторитетом. Не знаю, как это прозвучит, но какой-то подстраховочный приработок, чтобы не гоняться за чем ни попадая, я себе сохранил. Ведь на одну профессорскую-то зарплату и впрямь ноги протянешь. Ну а на счет внутреннего состояния, так я по натуре немного вроде бы немец, в смысле педантичности. Все мои главные сюжеты сформировались двадцать, а то и тридцать лет назад, и я методично, выполнив одну намеченную задачу, перехожу к другой.

— *Вы говорите сейчас о новой своей книге?*

— Да. Я ее давно увидел и продумал. Это попытка дать связанную картинку трех поколений: поколения моего отца, потом нашего поколения, ну и поколения наших детей в нынешней ситуации. Роман начинается с тридцать второго года и заканчивается девяносто третьим. Я уже недалеко от его завершения. И тут мне интересна ваша реакция на его название. «Белые столбы» — это вам что-нибудь говорит? Какая первая ассоциация?

— *Сумасшедший дом.*

— Ага. Значит, я своего добился, и разночтений тут быть не может. Дело в том, что отец когда-то поразил меня вопросом, который он задавал себе в жизни неоднократно: «Кто сумасшедший: я или этот мир?». Отец не мог поверить, что окружающий его мир был сумасшедшим. Это был вопрос всей жизни моего отца. В какой-то степени — и моей, и, как ни странно, третьего поколения тоже.

— *О нем, о третьем поколении, в «Пашковом доме» сказано: «У них четко: большие, всеобщие проблемы — сами по себе, а мы, наша жизнь — сами по себе, и незачем смешивать это все воедино, все равно одно от другого не зависит никак... Так сказать, здоровый прагматизм — не то*

*слишком детский, не то слишком взрослый — как на него посмотреть...»
Заглянуть бы, как сложатся их судьбы...*

— Таинство творения судьбы — как таинство творения книги.

— *А когда вы начали писать?*

— Еще в студенческие годы. Потом в шестьдесят первом году тогдашний главный редактор «Москвы» Поповкин и работавшая там Евгения Самойловна Ласкина, моя крестная мать в литературе, отобрали у меня один рассказ, самый безопасный. Впрочем, и в нем, как это было тогда принято, в редакции мне приделали «хэппи энд». Я, помню, так был убит этим, так переживал! Потом было десятилетнее молчание. Особенно же в литературе я обязан трем людям: Черниченко, Стреляному и Лисичкину! Моим старым друзьям, которые все недоумевали: «И чего это его не печатают?» Я ведь двадцать пять лет в основном в стол писал! А потом, уже в конце восьмидесяти шестого, Черниченко, Стреляный и Лисичкин собрались втроем и пошли к Григорию Бакланову, в «Знамя»: «Гриша, ну ты долго будешь не читать Шмелёва?» Бакланов отвечает вопросом на вопрос: «А что, надо читать?» — «Надо!» Вот он тогда и прочел, и поставил в номер. А дальше уже все пошло-поехало...

* * *

Коля ушел в Сочельник, 6 января. Ушел, унося с собой великую человечность и совесть души. Не за этой ли бесценной ценностью Бог посылает в Сочельник на землю своих ангелов?

Т. В. Кузовлева

Поэт, переводчик, создатель (совместно с В. Савельевым)

и главный редактор (1993–2013)

журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А»

Секретарь Союза писателей Москвы

То, что дороже всего

В 1998 г. мне и моим домочадцам довелось вместе с Николаем Шмелёвым побывать в Кельне, неподалеку от которого, в Касселе, состоялась Международная конференции «Россия на пороге XXI века. Поиск новой идентичности», на которую были приглашены Николай и мой муж, Борис Бергельсон, доктор физико-математических наук. Ну и конечно, как не увидеть Кельнский собор! Едва успели мы обменяться восторженными возгласами, как в Соборе послышались громкие русские голоса. Возникла экскурсионная группа бывших соотечественников, один из которых устремился к моему мужу: «Простите, пожалуйста, но ваш спутник так похож на Николая Шмелёва!» — «Ничего удивительного: это и есть Николай Шмелёв», — последовал ответ. Не буду вдаваться в подробности бурной эмоциональной реакции толпы, окружившей нас и сломавшей все экскурсионные планы, но главным, о чем наперебой говорили люди, обращаясь к Шмелёву, было: «Мы все уезжали из России с “Новым миром”, с вашими “Авансами и долгами”!»

Да, в 1987 г. вся Россия зачитывалась статьёй экономиста Николая Шмелёва: яростно и честно говорил он о бедах и надеждах нашей страны. Его статья дала взрывной и аргументированный импульс к дискуссии о жизненно необходимых переменах в российской экономике. Я слушала этих взволнованных людей, для которых Россия, все наши проблемы и радости навсегда останутся своими, вспоминала, как входил в общественную и литературную жизнь страны директор Института Европы РАН, а до этого — доктор экономических наук, профессор, академик, автор более 70 монографий и статей по проблемам мировой и российской экономики, член Президентского Совета России в 90-е гг., кавалер Ордена Почета — да разве все перечислишь! Но была у Николая другая «почетная должность», которой он, рассказывают, гордился, — умение дружить. Крепко, верно, всю жизнь.

Могу искренне свидетельствовать: с Колей Шмелёвым мы, как говорила моя мама, выросли «в одних пеленках». Мы не расставались ни когда бегали в разные школы и университетские кружки, ни когда настали в начале

пятидесятых прошлого века для меня и моей семьи (да и не только моей!) совсем не университетские времена: началась эпоха кровавого антисемитизма, арестовали мою маму... Кто пережил эти годы, знает, как в квартире увезенного на рассвете в черном воронке человека внезапно замолкал телефон, как избегали любого контакта с ним недавние друзья и знакомые... Но не было случая, чтобы при любом скоплении народа (а наш дом в Третьем Неглинном переулке отличался редким количеством знаменитостей) мальчик в аккуратной скроенной курточке, студент экономического факультета МГУ Коля Шмелёв (а потом и аспирант, и молодой доктор наук) не подошел ко мне, к своей подруге, с каким-то теплым словом, комплиментом, приглашением на чай... Времена менялись, мы росли, но наши интересы, симпатии, жизненные новости, беды и радости никуда не исчезали. И так всю жизнь — не припомню серьезных событий в своей семье без Колиного участия, без тех, кто был ему близок. Среди многочисленных полок моих книжных шкафов есть отдельная «полка Шмелёва»: там хранится все им написанное и опубликованное — от первого рассказа в «Огоньке» 1961 г. — через странную тишину длиной в 26 лет — к «Пашкову дому», в каждой детали которого я узнавала переулок своего детства, своей юности... Я и сейчас частенько подхожу к его полке, открываю взятую наугад книгу Коли, читаю одну из удивительно теплых надписей: «Дорогому другу моему с самого малолетства, человеку, которому все известно про литературу и хороший вкус, — Надежде Железновой — от верного ее почитателя...» и вслушиваюсь в его голос...

«Пашков дом» вызвал вновь взрывной интерес к Шмелёву — уже как к писателю. Он поднимал целые пласты истории, российской и европейской культуры, ведь все годы неоправданного молчания в прессе он писал в стол романы «Сильвестр» и «В пути я занемог», повести «Безумная Грета» и «Питер Брейгель Старший» и еще множество повестей и рассказов, персонажами которых стали не только исторические личности и литературные герои, но и соучастники его судьбы, свидетели его, Николенькиной, жизни...

И везде звучит то, что дороже всего для автора: Бог, жизнь, люди, любовь, смерть. Да, и смерть — он думал о ней, как каждый человек. По-своему — мудро и бесстрашно, как в последнем прочитанном мною рассказе «Ты кто?». Уходя, в безмолвной полуночи, не прикасаясь к покою близких, он произносит: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое...» Оставляя каждому из нас задуматься: «Ты кто?» И жить дальше, умнее и честнее. Тогда, может, и ответ сыщется...

Н.Л. Железнова (Бергельсон)

Критик, литературовед, прозаик, секретарь Союза писателей Москвы

РОССИИ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ПОНЯТЬ...

Николай Петрович Шмелёв был одним из самых умных людей нынешней России. Может быть, самым умным.

Нынче ум не относится к главным жизненным ценностям, куда важнее власть и деньги. Ну, пожалуй, еще слава.

Слава как раз у Шмелёва была, но уже давно, четверть века назад. Он не был членом Политбюро, не играл в футбол, не пел с эстрады — он был всего лишь ученый, экономист. Но в конце восьмидесятых и в начале девяностых он был знаменит, как ни один другой экономист в долгой российской истории, — кроме, разумеется, корифея всех сразу наук Сосо Джугашвили. Напечатанная в толстом журнале «Новый мир» статья «Авансы и долги» буквально потрясла страну. Именно с этих нескольких страниц началась у нас самая главная, экономическая, перестройка.

Четко и ясно, с непривычной в те годы смелостью, он задал руководству монопольной партии, единственной в стране, предельно жесткий вопрос: «Кто будет вдалбливать всем нашим хозяйственным кадрам сверху донизу, что время административных методов управления экономической жизнью проходит, что экономика имеет свои законы, нарушать которые так же непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле, что современный руководитель должен знать эти законы и строить свои деловые решения в соответствии с ними, а не вопреки им?»

Статью читали, обсуждали, восхищались глубиной и смелостью автора — и, как водится у нас, медлили, смутно надеясь, что губительные проблемы нашей жизни как-нибудь рассосутся сами. Не рассосались — «экономика социализма» рухнула, а вместе с нею и весь Советский Союз...

В свободной России Шмелёву предложили возглавить правительство. Он отказался и, вероятно, поступил правильно: он был рожден мыслителем, а не начальником. За высокими постами Шмелёв не гнался никогда. Максимум, на что он был готов, — руководить академическим институтом. Его и выбрали руководителем небольшого по размерам и штатам Института

Европы. Он был академиком, всемирно известным ученым. А еще — прекрасным писателем, автором замечательных книг «Ночные голоса», «Пашков дом», «Сильвестр», «В пути я занемог...» и многих других, а также прекрасных рассказов. Он писал о человеке — о его жизни, об искушениях и их преодолениях, о страстях и надеждах, о будничном и вечном.

Он оставил нам свои воспоминания — на мой взгляд, лучшее из всего, что Шмелёв написал. Он владел русским языком, как мало кто из наших современников, а по стечению обстоятельств довольно долгое время наблюдал вблизи правящую верхушку страны. И рассказал о виденном талантливо и честно, как говорится, без гнева и пристрастия, не как прокурор или адвокат, а как добросовестный свидетель. Что было — то было...

Я хотел написать о Николае Петровиче сразу после его внезапной смерти, но не смог — рука не шла. Ведь Шмелёв был не только знаменитым ученым и большим писателем, он был одним из самых близких моих друзей. Мы вместе ездили по стране, вместе отдыхали за границей на море — Шмелёв с молодости здорово плавал, имел когда-то высокий разряд. Я с удовольствием вел его творческие вечера, а за месяц до страшного известия он был ведущим на презентации двух моих новых книг. Мог ли я тогда подумать... Увы, дни нашей жизни отсчитываем не мы.

За два дня до трагедии мы разговаривали по телефону, смеялись — у Коли было прекрасное чувство юмора. Договаривались о чем-то житейском.

Самые лучшие слова об ушедшем приберегают сперва к девятому дню, потом к сороковому. Но вряд ли это важно: ведь память о Николае Шмелёве будет измеряться не днями...

Я потерял одного из самых близких друзей. Кого потеряла Россия, ей еще предстоит понять.

Л. А. Жуховицкий

Прозаик, драматург, публицист

Профессор Московского международного университета

и Шведской писательской школы

Секретарь Союза писателей Москвы

НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Конечно, статья Николая Шмелёва «Авансы и долги» сделала его знаменитым. Можно сказать, что это был первый гласный манифест, призывающий к экономической перестройке в СССР. Но мне автор дорог и близок прежде всего как человек, чудом сохранивший и воплотивший в себе лучшие черты русского интеллигента. В нем жили неброская нравственная надежность, внутренняя свобода, приправленная щепоткой иронии, научная и литературная одаренность, настоянная на глубоком чувстве нормы, без революционных атак и словесного ораторского экстаза. Жизнь он прожил удивительную, водил знакомство (или, по меньшей мере, был знаком) с сильными мира сего по обе стороны Атлантического океана, любил и знал Восток и всю взрослую жизнь писал хорошую прозу. Дай бог каждому такую жизнь и таких собеседников на ее роковом (по Тютчеву) пиру!

Помню, как меня заворожил снег, засыпающий следы времени, московский снег и московские неповторимые пейзажи в «Пашковом доме». Трудно оторваться от воспоминаний, собранных в книгу «Curticulum vitae». Шмелев не был оптимистом, потому что любил и понимал жизнь. Иногда сквозь текст прорывалось отчаяние: «Я почти перестал читать толстые журналы и те книги, которые пишут сейчас, — бог ты мой, я никогда и подумать не мог, что доживу до такого убожества! Я не смотрю телевизор и не слушаю все эти многочисленные радиостанции — такого половодья, такого воистину моря беспомощной, бездарной, воинственной пошлятины Россия на моей памяти не знала никогда. Навсегда это или нет? Не знаю. Но, уверен, мне, по крайней мере, до видимого ясного для всех отрезвления моей страны не дожить».

Будучи временем вовлечен в политическую деятельность, Шмелёв, как и многие шестидесятники, искренне полагался на «высокую мораль, профессионализм, воображение и опять-таки здравый смысл “демократического крыла” нашего тогдашнего общества». Ему виделось, что вот-вот

во главе России вместе с М. С. Горбачёвым встанут люди типа А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына. Действительность оказалась иной.

Шмелёв был противником экономической политики Гайдара–Чубайса, ибо о человеке, по его мнению, там думали в последнюю очередь, если думали вообще. Николай Петрович, напротив, всегда различал лица и голоса в потоке истории. Поэтому он и писателем был настоящим.

Выступая как-то в Центральном Доме литераторов на вечере Шмелёва, я говорил о его замечательном рассказе «Ночные голоса». В зале сидел М. С. Горбачёв, который живо, с места одобрял писательство своего товарища. Горбачёв внимательно читал беллетристику Шмелёва, но к его экономическим идеям так, к сожалению, и не прислушался по-настоящему.

Когда после августовского путча распался Союз писателей СССР, Шмелёв стал активным членом нового демократического Союза писателей Москвы. И был избран вскоре одним из его руководителей. В конце девяностых он заезжал к нам в Париж и уговорил меня принять авторское участие в большом исследовании «Россия в многообразии цивилизаций». Несколько статей, опубликованных мною в журнале «Современная Европа», превратились потом в главы коллективной монографии. И это все Коля, сам бы я не сподобился на такие культурологические опыты.

Юля Хрущёва, его первая жена, с которой мы общаемся и поныне, сохранила к нему теплое чувство. Коля недолго удержался в семейной орбите генсека, но и она, и он всегда по-доброму вспоминали о своем коротком, по сути студенческом, браке и, конечно, о семиметровой комнатке в коммуналке в Нижне-Кисельном переулке, где молодожены жили первое время и были счастливы. Важная деталь: разбежались они задолго до свержения Н. С. Хрущёва.

Я любил его негромкий голос, умный ироничный взгляд из-за очков, с ним было хорошо выпивать и думать. В сущности, Шмелёв был праздничным человеком, далеким от титульного поведения. Академические и депутатские лавры не искажали его натуру. Он был замечательным другом и очень обаятельным гулякой, если можно так выразиться, вспомнив хорошее русское словцо.

Его смерть застала меня в США, и я не смог прилететь проститься с ним.

Воображаемый московский снег засыпает следы времени. Но незримый след в душе, оставленный Николаем Петровичем Шмелёвым, остается нетронутым и необходимым.

Е. Ю. Сидоров

Литературовед, эссеист, критик, доктор культурологии

Министр культуры России (1992–1997)

Посол Российской Федерации в ЮНЕСКО (1998–2002)

Первый секретарь Союза писателей Москвы

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШМЕЛЁВА

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Идеологи империализма и проблемы слаборазвитых стран	монография	М.: Соцэкгиз, 1962
Проблемы экономического роста	монография	М.: Наука, 1970
Экономические связи Восток — Запад: проблемы и возможности	монография	М.: Мысль, 1976
Социализм и международные экономические отношения	монография	М.: Международные отношения, 1979
США и проблемы экономическо-хозяйственных отношений Восток — Запад	монография	М.: Международные отношения, 1979
Авансы и долги	статья	Новый мир. 1987. № 6
Всемирное хозяйство: тенденции, сдвиги, противоречия	монография	М.: Наука, 1987
План и экономика	соавтор монографии	М.: Знание, 1988
На переломе: экономическая перестройка в СССР	монография	М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1989
Научно-техническая революция и социально-экономическое развитие США	доклад	Сборник докладов молодых ученых на 1-ой Московской конференции. М., 1989
Russian Reform: a Perspective	глава	In «The Russian Economy: Survey of 1993 and Forecasts for 1994». Vermont USA, Genomics, 1994
Миф или надвигающаяся реальность	статья	Свободная мысль. 1994. № 10
The Russian Government's Economic Policy	статья	Norway, Europe-programmet. 1994. № 9
Новое — хорошо забытое старое	статья	Вопросы экономики. 1994. № 4
The First Phrase of Economic Reform in Russia	глава	In «Remaking Russia» / H. Isham (ed). N.Y., L., 1995
Экономические перспективы России	статья	Вопросы экономики. 1995. № 1
Стратегия переходного периода	статья	Вестник РАН. Апрель 1995

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
It's «Deja Vu» All Over Again: Russia's Economic Reforms in the 1920s and 1990s	глава	In «Russia and Eastern Europe after Communism. The Search for New Political, Economic and Security Systems» / M. Kraus and R. Liebowitz (eds.). USA, West-view Press, 1996
The Bank, The Government		
Авансы и долги. Вчера и завтра экономических реформ	монография	М.: Международные отношения, 1996
Россия и СНГ: Что можно ожидать в развитии экономических реформ в России до конца 90-х годов	главы	Сб. «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований». М.: Наука, 1996
Экономика и общество	статья	Вопросы экономики. 1996. № 1.
Пять лет реформ — пять лет кризиса	статья	Свободная мысль. 1996. № 7
Размышления о российской экономической статистике	статья	Вопросы статистики. 1996. № 9
Неплатежи — проблема номер один российской экономики	монография	Екатеринбург, Российский экономический форум, 1997
Russia Foreign Economic Relations	глава	In «Transition and modernization». Budapest, 1997
Selected Macroeconomic Issues of Common Concern to the Central Asian Countries and the Russian Federation	монография	NY., 1997
Экономика и общество в постсоветской России	статья	Acta Slavica Iaponica, 1997, Vol. XIV
Здоровая экономика не может существовать без денег	статья	Финансовый рынок. 1997. № 42
Неплатежи — проблема номер один российской экономики	статья	Вопросы экономики. 1997. № 4
Проблемы реформирования российской экономики	статья	Труды Вольного экономического общества России. М., 1997
Renewal and Development of Economic Cooperation between the Russian Federation and the Central Asian Countries	глава	In «Selected Macro-economic Issues of Common Concern to the Central Asian Countries and the Russian Federation» / ESCAP. U.N., N.Y., 1997
Интеллигенция и реформы	глава	Сб. «Конгресс российской интеллигенции» / С. А. Филатов (ред.). СПб., 1998
Die Wirtschaftsreformen in Russland: Ergebnisse und Perspektiven	глава	In «Auf der Suche nach einer neuen Identität. Russland an der Schwelle zum 21 Jahr-hundert» / G. Gozka, P. Schulze (eds). Bremen, 1998
Новый этап российских реформ: пределы и возможности	статья	Вопросы экономики. 1998. № 1

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Кризис внутри кризиса	статья	Вопросы экономики. 1998. № 10
Надежды на экономический рост	статья	Международная жизнь. 1998. № 8
Новый этап российских экономических реформ	статья	Российская экономика на новых путях. 1998. № 4
Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств	глава	Институт Европы РАН. М.: Интерна-лект+, 1998.
Экономика России: итоги и перспективы	глава	In «Auf der Suche nach einer neuen Identität. Russland an der Schwelle zum 21 Jahr-hundert» / G. Gozcka, P. Schulze (eds). Bremen, 1998
Десять лет, которые перевернули мир	статья	Свободная мысль. 1999. № 2
Мы преодолеем....	статья	Конференц-зал: «Есть ли будущее у социализма России». Знамя. 1999. № 11
Russian National Identity	Соавтор монографии	In «Colloquium on Russian National Identity». Final Report, The library of Congress, Washington D.C., January 1999
10 лет, вновь потрясшие мир	глава	Сб. «Время перемен, время надежд». М., 1999
Социально-экономические перспективы новой России	глава	Сб. «Постсоветские государства в Европе XXI века» «Доклады Института Европы РАН» № 57, 1999
О консенсусе в российской национальной политике	глава	Сб. «Россия: поиск пути». М., 1999
Россия и Европа на пороге XXI века	глава	Год планеты: Политика. Экономика, Бизнес, Банки, образование. Вып. 2000 / ИМЭМО РАН. М.: Республика, 2000
Экономическая составляющая во внешней политике России	глава	Год планеты: Политика. Экономика, Бизнес, Банки, образование. Вып. 2001 / ИМЭМО РАН. М.: Республика, 2001
Евро: два года работы в безналичном режиме	глава	«Доклады Института Европы РАН» № 79, 2001
Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте	глава	М., 2001
Предприятие как фактор экономического и социального развития. Опыт Западной Европы и России	статья	М.: Институт Европы РАН, 2001
Экономическая составляющая российской внешней политики	статья	Современная Европа. 2001. № 2
Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России	глава	Год планеты: Политика. Экономика, Бизнес, Банки, образование. Вып. 2002 / ИМЭМО РАН. М.: Республика, 2002

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Долларизация и экономическое развитие России	монография	«Доклады Института Европы РАН» № 84, 2002
Социально-экономические перспективы новой России	глава	Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН. М.: Экономика, 2002
Введение	глава	Сб. «Многоликая Европа: пути развития». М.: Интердиалект+, 2002
Финансовый кризис в Аргентине: уроки для России	глава	«Доклады Института Европы РАН» № 84, 2002
Политическая мысль Великобритании: некоторые итоги и перспективы	глава	«Доклады Института Европы РАН» № 101, 2002
Экономические реформы в России: итоги и перспективы	монография	«Доклады Института Европы РАН» № 104, 2002
Европа и развитие российской науки: традиции и перспективы	монография	«Доклады Института Европы РАН» № 118, 2003
Новые тенденции в международных отношениях и интересы Европы	монография	«Доклады Института Европы РАН» № 123, 2003
На перепутье	статья	Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. М., 2003
Quo Vadis, Россия?	глава	Сб. «Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее. М.: Международные отношения, 2003
До каких же пор?	статья	Современная Европа. 2003. № 3
Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые пока нет	статья	Национальные интересы. 2003. № 4
Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые пока нет	монография	М.: Фонд «Мосты Восток — Запад», 2004.
Новые реальности в развитии Европейского Союза	монография	М.: Фонд «Мосты Восток — Запад», 2004.
Основные особенности современного экономического развития стран Западной Европы	статья	М.: Огни, 2004
Центры силы в современной системе международных отношений	монография	«Доклады Института Европы РАН» № 123. М.: Огни, 2004
Корни будущего — в прошлом	глава	Сб. «Николай Иноземцев: личность и время»
Духовное здоровье российского человека	статья	Современная Европа. 2004. № 1

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Ключевые проблемы современной социально-экономической политики России	статья	Проблемы прогнозирования. 2004. № 3
Вопросы, на которые пока нет ответа	статья	Econom. 2004. № 2
К диалогу и доверию	статья	Альманах «Синтез цивилизации и культуры». М., 2004. Вып. 2
Russia: gli obiettivi prioritari del potere e della societa	статья	Dike. 2004. № 3–4
Certaines questions majeures concernant la Russie	монография	P., YDRP, 2004
Certain Cardinal Questions Concerning Russia For Which So Far There Are No Answers	монография	М.: East-West Bridges, 2004
Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон	статья	Новая и новейшая история. 2005. № 2
Ключевые вопросы России	статья	Свободная мысль — XXI. 2005. № 9
Кровь — это не обязательно	статья	Современная Европа. 2005. № 1.
Кровь — это не обязательно	глава	Сб. «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)». М.: Фонд Горбачёва, 2005
Духовное здоровье российского человека	статья	Наука — здоровью человека. М. Наука, 2005
Российская идентичность, Европа и цивилизационные процессы	глава	Сб. «Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире». М.: Огни, 2005
Перспективы и основные направления социально-экономического развития государства и общества	глава	Сб. «Власть и общество в России: реалии и перспективы развития». Новосибирск, 2005
Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон	глава	Сб. «Россия: тенденции и перспективы развития». М.: Огни, 2005
Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего	статья	Современная Европа. 2006. № 1
Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон	глава	Сб. «Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных прогрессов». М.: Крафт, 2006
Кровь — это не обязательно	глава	Сб. «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя». М.: Альпина Бизнес Букс, 2006
Стимулы, которые нельзя сбрасывать со счетов. Влияние глобализации на бизнес в России	статья	Социальное партнерство. 2006. № 1
Возможные сценарии будущего развития России	статья	Белорусский экономический журнал. 2006. № 2

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Введение	глава	Сб. «Мировая валютная система и проблема конвертируемости рубля». М.: Международные отношения, 2006
Введение	глава	Сб. «Между сепаратизмом и автономией». М.: Огни, 2006
Введение	глава	Сб. «Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире». М.: Огни, 2006
Заключение	глава	Сб. «Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерение». М.: Огни, 2005
Введение	глава	Сб. «Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе». М.: Институт Европы РАН, 2006
В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ	сборник статей	М.: Весь мир, 2006.
Европа и Россия: вместе или порознь?	статья	Вестник Европы. 2007. № XIX–XX
Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)	брошюра	«Доклады Института Европы РАН» № 203, М., 2007
Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)	статья	Современная Европа. 2008. № 1
Преображение Европы	глава	Вестник Европы. 2008. № XXII–XXIII
Россия и мировой кризис: назревшие перемены	статья	Современная Европа. 2009. № 3
Кризис и развитие	статья	Мир и политика. 2009. № 3
Евросоюз и вызовы XXI века	глава	Сб. «Европа после кризиса» «Доклады Института Европы РАН». № 240. 2009
Столкновение цивилизаций или их слияние	глава	Сб. «Цивилизации в Европе и мире: предметность и новизна» «Доклады Института Европы РАН». № 234. 2009
Мы еще увидим плоды перемен	глава	Сб. «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях». М., 2009
Кровь — это необязательно (на англ. яз.)	глава	Сб. «Прорыв к свободе». М.: Горбачёв Фонд, 2009
Россия перед лицом мирового кризиса	глава	Сб. «Роль социального государства в условиях кризиса: европейский опыт и Россия». М.: Весь Мир, 2009
Россия — Запад: требуется концепция ограниченного возмездия	статья	Современная Европа. 2010. № 1
Модернизация и международные интересы России	статья	Современная Европа. 2010. № 4

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Императивы государственного участия в модернизации	статья	Свободная мысль. 2010. № 2
Введение	глава	Сб. «Социал-демократия в современном мире» «Доклады Института Европы РАН». 2010
Введение	глава	Сб. «Финансовое обеспечение инновационного развития экономики России» «Доклады Института Европы РАН». № 251. 2010
Модернизация — ключевой путь экономического развития	статья	Международный союз экономистов, г. Монтре. 2010
Об уникальном геополитическом опыте	статья	Вопросы экономики. 2010. № 10
Главы в монографии «Россия в многообразии цивилизаций», соавтор и соредатор	главы	М.: Весь Мир, 2011
Евросоюз — Россия: мера сотрудничества	статья	Современная Европа. 2011. № 2
Россия и Европа: исторические предпосылки и современные особенности взаимодействия	глава	Сб. «Россия в полицентричном мире». М.: Весь Мир, 2011
Модернизация России в международном контексте	глава	Альманах «Форум 2011. Проблемы модернизации в цивилизационном контексте». М.: ИНИОН РАН, 2011
Перед выбором	глава	Сб. «От рисков нестабильности к устойчивому развитию» «Доклады Института Европы РАН». № 268. 2012
Евросоюз — Россия: мера сотрудничества	брошюра	«Доклады Института Европы РАН». № 275. 2012
Россия в дихотомии Востока — Запада через 50 лет	глава	Сб. «Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом». М.: Грифон, 2012
Что нужно России от Запада	статья	Современная Европа. 2012. № 2
Здравый смысл и будущее России	статья	Мир перемен. 2012. № 4
Проблемы участия России в ВТО	выступление	Сб. М., 2012
И немного сочувствия к людям	статья	Наше время. 2012. Спецвыпуск
Здравый смысл и будущее России: да или нет?	статья	Современная Европа. 2013. № 1
Я не верю в развал ни Евросоюза, ни еврозоны	статья	Развитие и экономика. 2013. № 1

Название научного труда	Печатный или рукописный	Издательство, журнал (номер, год) или номер авторского свидетельства
1	2	3
Доклады: 1) Интеллигенция и реформы (1997 г.); 2) Особенности российского бизнеса (2009 г.); 3) Куда идешь, Россия? (2010 г.); 4) Россия: возможные сценарии будущего (2011 г.); 5) Что нужно сегодня России от Запада (2012 г.)	статья	Доклады и лекции членов Российской академии наук в СПбГУП, 1993–2013 гг. Т. 3
Россия: угрозы и возможности ближайших десятилетий	печатный монография	Избранные лекции Университета. Вып. 153. СПб.: СПбГУП, 2013
Российские реалии: процессы региональной интеграции и экономической трансформации	статья	Современная Европа. 2013. №3
Главы в монографии «Большая Европа», соавтор и соредатор	главы	М.: Весь Мир, 2014

Н. П. Шмелёв

ИЗБРАННОЕ

АВАНСЫ И ДОЛГИ¹

Состояние нашей экономики не удовлетворяет никого. Два ее центральных, встроенных, так сказать, дефекта — монополия производителя в условиях всеобщего дефицита и незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе — ясны, наверное, всем. Но как избавиться от этих дефектов, что делать, и не в теории, а на практике, — уверен, нет сегодня таких мудрецов ни наверху, ни внизу, кто решился бы утверждать, что им известен полностью пригодный для жизни рецепт. Вопросов у нас у всех сейчас гораздо больше, чем ответов на них. И нам еще много надо говорить, спорить, предлагать и отвергать, прежде чем мы всем миром нащупаем эти столь необходимые нам ответы.

По вспыхнувшим надеждам, по глубине, откровенности и смелости обсуждения наших проблем последние два года — это время подлинного возрождения нашей общественной мысли, нашего национального самосознания. XXVII съезд КПСС положил начало революционным переменам в жизни нашего общества. И развернувшаяся в стране прямая, честная дискуссия по наболевшим экономическим проблемам — одно из важнейших проявлений этого процесса.

Уже выявлены основные причины закупорки сосудов и замедления кровообращения в хозяйстве страны. Выдвинут принцип «от продрозверстки к продналогу», означающий, что административные методы управления должны быть заменены экономическими, хозрасчетными стимулами и рычагами. Можно, наверное, сказать, что дорога здравому смыслу, по крайней мере в идейно-теоретическом плане, открылась. Очевидно, однако, что перестройку таких масштабов нельзя осуществить, как бы нам этого ни хотелось, одним махом. Слишком долго господствовал в нашем хозяйстве приказ вместо рубля. Настолько долго, что мы уже вроде бы и забыли: было, действительно было время, когда в нашей экономике

---

¹ Новый мир. 1987. № 6.

господствовал рубль, а не приказ, то есть здравый смысл, а не кабинетный, умозрительный произвол.

Я понимаю, на какие упреки напрашиваюсь, но вопрос слишком серьезен и жизненно важен, чтобы смягчать выражения и прибегать к умолчаниям. Без признания того факта, что отказ от ленинской новой экономической политики самым тяжким образом осложнил социалистическое строительство в СССР, мы опять, как в 1953 и в 1965 годах, обречем себя на половинчатые меры, а половинчатость бывает, как известно, нередко хуже бездельности. Нэп с его экономическими стимулами и рычагами был заменен административной системой управления. Такая система по самой своей природе не могла заботиться о росте качества продукции и о повышении эффективности производства, о том, чтобы наибольший результат достигался при наименьших затратах. Нужного количества — вала — она добивалась не в согласии с объективными экономическими законами, а вопреки им. А раз вопреки — значит, ценой немислимо высоких затрат материальных и, главное, людских ресурсов.

У нас пока еще господствует представление, что сложившаяся в стране система хозяйственных отношений, включая и структуру собственности, — это и есть воплощение марксизма-ленинизма на практике, воплощение, полностью отвечающее природе социализма как общественного строя. Ее можно, дескать, совершенствовать, подправлять, но в своих принципиальных основах она неприкосновенна. Однако если в научных выводах руководствоваться не указаниями, а фактами, не ностальгией по недавним временам, а честным желанием революционных по сути перемен, то вопрос об исторических корнях нашей экономической модели окажется далеко не решенным.

Известно, что к моменту победы революции в России никто из ее признанных теоретиков или наиболее авторитетных практиков не имел (да и не мог иметь) более или менее законченного представления о контурах будущей экономической системы социализма. Маркс и Энгельс разработали теоретические основы революции, обосновали ее объективную неизбежность, однако в отношении того, какой должна быть экономика после победы, у них имелись лишь догадки. Речь шла преимущественно о самых общих социально-экономических целях социализма. Они не оставили нам фактически ничего, что можно было бы рассматривать как практический совет относительно методов достижения этих целей. Предреволюционные работы В. И. Ленина также были в основном посвящены чистой политике (как уничтожить отживший общественный строй), но отнюдь не тому, что

конкретно придется делать, чтобы наладить полнокровную экономическую жизнь после революции.

Революция, таким образом, застала нас не вооруженными продуманной, законченной экономической теорией социализма. Есть, однако, основания считать, что в первые месяцы после Октября, когда обстановка еще позволяла, Ленин уделял этой проблеме самое серьезное внимание. Именно тогда он сформулировал свою знаменитую мысль о том, что социализм есть советская власть плюс прусский порядок железных дорог, плюс американская техника и организация трестов, плюс американское народное образование и т.п. Надо, писал он тогда же, учиться социализму у организаторов трестов. Большое значение он также придавал денежной политике и здоровой, сбалансированной финансовой системе. Как видно, в начальный период революции Ленин исходил из того, что капитализм уже создал для социализма все необходимые экономические формы, нужно только наполнить их новым, социалистическим содержанием.

Однако последовавшие затем события вызвали к жизни политику «военного коммунизма» с ее исключительно административными, волевыми методами организации экономики. В какой-то момент Ленин, поглощенный этой борьбой не на жизнь, а на смерть, видимо, и сам стал верить в то, что приказные методы — это и есть основные методы социалистической экономики. Здесь сказалось, несомненно, и убеждение в том, что Россия не будет долго в одиночестве, что не мы, а богатый промышленный Запад будет прокладывать дорогу к новой экономической системе, что революция на Западе поможет решить многие из наших наиболее острых экономических проблем. Кронштадтский мятеж, «антоновщина» и спад революционной волны в Европе заставили, как известно, пересмотреть эти взгляды и расчеты. Нэп означал резкий разрыв с недавним прошлым. Это была своего рода революция в экономическом мышлении. Впервые в полный рост был поставлен вопрос: какой должна быть социалистическая экономика не в чрезвычайных, а в нормальных человеческих условиях?

Многие еще считают, что нэп был только маневром, только временным отступлением. Отступление, конечно, было: советская власть давала некоторый простор для частного предпринимательства в городах. Но основное, непреходящее значение нэпа в другом. Впервые были сформулированы принципиальные основы научного, реалистического подхода к задачам социалистического экономического строительства. От азартного, эмоционального (к тому же вынужденного чрезвычайными обстоятельствами) напора переходили к будничной, взвешенной, конструктивной работе — к созданию

такого хозяйственного механизма, который не подавлял бы, а мобилизовывал все творческие силы и энергию трудящегося населения. Нэп, по сути дела, означал переход от «административного социализма» к «хозрасчетному социализму». В ленинском плане перевода экономики страны в нормальные, здоровые условия центральное значение имели три практические идеи. Во-первых, всемерное развитие товарно-денежных, рыночных отношений в народном хозяйстве, самокупаемость и самофинансирование, преимущественное использование стоимостных рычагов управления в экономических процессах: цен, полновесного золотого рубля, прибыли, налогов, банковского кредита и процента. Иными словами — полный, сквозной хозрасчет во всех экономических отношениях сверху донизу. Во-вторых, создание хозрасчетных трестов и их добровольных объединений — синдикатов как основных рабочих звеньев организационной структуры экономики. В-третьих, развитие кооперативной собственности и кооперативных отношений не только в деревне, но и в городе — в промышленности, строительстве, торговле и в том, что сегодня называют сферой бытовых услуг.

В условиях нэпа, писал Ленин, тресты (объединения предприятий) должны работать «на началах наибольшей финансовой и экономической самостоятельности, независимости от местных сибирских, киргизских и др. властей и прямого подчинения ВСНХозу».

Известен ожесточеннейший характер борьбы, которую Ленин и те, кто воплощал тогда этот новый курс в жизнь, вели против сверхцентрализации, бюрократизма, монополии любых ведомств. В экономической и организационной самостоятельности трестов и синдикатов они видели главную гарантию против монополии, инструмент самонастройки производства на постоянно меняющиеся потребности рынка.

Демонтаж ленинской политики «хозрасчетного социализма» еще и сегодня нередко связывают с возникновением фашизма и резко обозначившейся в 30-е годы угрозой новой войны. Это неверно: демонтаж начался в 1927–1928 годах. Произвольно заниженные закупочные цены на зерно вынудили деревню сократить не только продажу хлеба государству, но и его производство. Тогда было решено обеспечить государственные заготовки методами принуждения. Именно с этого момента начался возврат к административной экономике, к методам «военного коммунизма». Наиболее наглядно они выразились в коллективизации. Однако столь же произвольные отношения были очень быстро распространены и на город. Промышленность стала получать плановые задания с потолка, и неслучайно основные из них не были выполнены ни в одну из предвоенных пятилеток.

Ценой предельного напряжения сил страна выдержала и 30-е годы, и самую страшную в истории войну, и трудности послевоенного восстановления народного хозяйства. Можно понять тех, кто считает, что сопоставлять эту цену и результаты сегодня бесполезно. Но одно очевидно: ее могли как-то объяснить, хотя и не оправдать, только чрезвычайные, нечеловеческие обстоятельства, которых уже не существует, как минимум, с середины 50-х годов. Между тем последствия отказа от нэпа не только не устранялись, а накапливались, недуги народного хозяйства не излечивались, а лишь загонялись вглубь.

Объективные требования современного научно-технического прогресса, новые условия и новые задачи в экономическом соревновании с капитализмом еще более обнажили историческую нежизненность этой волюнтаристской, подчас просто придуманной в кабинетах системы управления экономикой. С самого начала всю эту систему отличали экономический романтизм, густо замешанный на экономической малограмотности, и невероятное преувеличение действенности так называемого административно-организационного фактора. Не эта система свойственна социализму, как еще считают многие, — наоборот, в нормальных условиях она противопоказана ему.

Необходимо ясно представлять себе, что причина наших трудностей не только и даже не столько в тяжком бремени военных расходов и весьма дорогостоящих масштабах глобальной ответственности страны. При разумном расходовании даже остающихся материальных и человеческих ресурсов вполне могло бы хватить для поддержания сбалансированной, ориентированной на технический прогресс экономики и для удовлетворения традиционно скромных социальных нужд нашего населения. Однако настойчивые, длительные попытки переломить объективные законы экономической жизни, подавить складывавшиеся веками и отвечающие природе человека стимулы к труду привели в конечном счете к результатам, прямо противоположным тем, на которые мы рассчитывали. Сегодня мы имеем дефицитную, несбалансированную фактически по всем статьям и во многом неуправляемую, а если быть до конца честными, почти не поддающуюся планированию экономику, которая не принимает научно-технический прогресс. Промышленность сегодня отвергает до 80% новых апробированных технических решений и изобретений. У нас одна из самых низких среди индустриальных стран производительность труда, в особенности в сельском хозяйстве и строительстве, ибо за годы застоя массы трудящегося населения дошли почти до полной незаинтересованности в полнокровном, добросовестном труде.

Однако наиболее трудноизлечимые результаты «административной экономики» лежат даже не в экономической сфере.

Глубоко укоренились сугубо административный взгляд на экономические проблемы, почти религиозная «вера в организацию», нежелание и неумение видеть, что силой, давлением, призывом и понуканиями в экономике никогда ничего путного не сделаешь. Как показывает и наш, и мировой опыт, главное условие жизнеспособности и эффективности сложных общественных систем — это самонастройка, саморегулирование, саморазвитие. Попытки полностью подчинить социально-экономическое «броуновское движение» с его неизбежными, но в итоге приемлемыми издержками некоему центральному пункту управления были бесплодны изначально, и чем дальше, тем это становится все более очевидным.

Массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает, даже если зарабатывает честно. Появились признаки почти физической деградации значительной части народа на почве пьянства и безделья. И, наконец, неверие в провозглашаемые цели и намерения, в то, что возможна более разумная организация экономической и социальной жизни. По справедливому замечанию академика Т. Н. Заславской в журнале «Коммунист» (1986, № 13), «частые столкновения с различными формами социальной несправедливости, тщетность попыток индивидуальной борьбы с ее проявлениями стали одной из главных причин отчуждения части трудящихся от общественных целей и ценностей».

По-видимому, нереально рассчитывать на то, что все это может быть быстро изжито, — потребуются годы, а может быть, и поколения. Построить полностью «хозрасчетный социализм» намного сложнее, чем просто устранить отдельные громоздкие бюрократические структуры. Это не означает, однако, что можно сидеть сложа руки. Назад к «административному социализму», учитывая сегодняшние внутренние и международные реальности, у нас дороги нет. Но нет и времени на топтание на месте и половинчатость.

Однако сегодня нас больше всего тревожит именно нерешительность в движении к здравому смыслу. Призывы не могут изменить мировоззрение многих руководящих кадров, владеющих только техникой голого администраторства и аппаратного искусства. Точно так же никакая разъяснительная работа не победит известное недоверие людей к словам, к тому, что лидеры всерьез взялись за дело и доведут намеченные перемены до конца, что после полушага вперед опять не будет двух шагов назад. Убедить может

только само дело. Для того чтобы вдохнуть веру в оздоровление экономики, уже в ближайшее время необходимы успех, осязаемые, видимые всем признаки улучшения жизни. Прежде всего должен быть насыщен рынок — и насыщен как можно скорее. Это непросто, но при должной решимости возможно. Возможно, однако, только на пути «хозрасчетного социализма», на путях развития самого рынка.

Последовательный хозрасчет не потребует значительных капитальных затрат. Все, что нужно, — это смелость, твердость, последовательность в деле высвобождения внутренних сил экономики. Что мешает этому? Прежде всего — идеологическая перестраховка, опасения, что мы выпустим из бутылки злой дух капитализма. Тому, кто понимает, что классы, из которых состоит любое общество, возникают, существуют и сходят с исторической арены отнюдь не в результате тех или иных управленческих решений, тому совершенно ясна беспочвенность этих опасений. Но риск, что вместе с позитивными переменами появятся и новые противоречия, трудности и недостатки, конечно, есть. Более того, определенные минусы неизбежны — такова диалектика исторического процесса. И заранее все не обезвредишь. Важно не позволить этим опасениям парализовать нас. «Надо ввязаться в драку, а там — посмотрим», — Ленин, как известно, любил повторять эту мысль.

Когда говорят о вероятном усилении стихийных явлений, необходимо отдавать себе отчет в том, что в действительности показывает наш собственный экономический опыт. Попытки наладить стопроцентный контроль над всем и вся приводят к такой стихии, к такой бесконтрольности, по сравнению с которыми любая анархия действительно кажется «матерью порядка». Элементы стихийности будут неизбежной и на деле минимальной платой за прогресс, за оживление экономики. Но именно этим возможная новая стихийность будет отличаться от старой, привычной, которую видят и ощущают все, но которую многие просто предпочитают вроде бы не замечать.

Рынок должен быть насыщен. И наибольшей отдачи здесь можно ждать прежде всего от здоровых, нормальных товарно-денежных отношений в аграрном секторе.

При введении вместо продрозверстки продналога производство зерна в Советском Союзе всего за три года (1922–1925) выросло на 33%, продукции животноводства — на 34%, сахарной свеклы — на 480%. Такой же быстрый и значительный результат был достигнут в 80-е годы в сельском хозяйстве Китая и в какой-то мере Вьетнама, где сердцевиной экономических отношений в деревне стал продналог.

Долгое время темпы роста сельскохозяйственного производства составляли у нас менее 1% в год, а в отдельные годы цифру приходилось сопровождать и знаком минус, и это при немислимо высоких государственных капиталовложениях. Миллиарды уходят практически бесследно, в песок. Возникает, естественно, вопрос: за что мы платим столь громадную цену? Неужели действительно за боязнь рыночных отношений? Или же все-таки за то, чтобы очень тонкий слой руководящих кадров в аграрном секторе имел какое-то дело и тем вроде бы оправдывал свое существование?

Решение о новом хозяйственном механизме в сельском хозяйстве половинчато, а потому малоэффективно. Сказав «а», надо говорить и «б».

Во-первых, в твердом законодательном порядке должны быть запрещены любые приказы, любое административное вмешательство извне в производственную жизнь колхозов и совхозов. Во-вторых, должны быть выровнены закупочные цены на все виды аграрной продукции, чтобы ликвидировать убыточность многих отраслей сельского хозяйства, например, животноводства и картофелеводства. Средства на это могут быть получены за счет сокращения государственных более чем пятидесяти миллиардных продовольственных дотаций. В-третьих, нужно решиться на простую формулу отношений между государством и сельскохозяйственными производственными коллективами: твердая ставка прогрессивного налога с доходов и (без самой крайней необходимости) никаких натуральных заданий. Колхоз и совхоз должны иметь право свободно продавать свою продукцию государственным и кооперативным организациям и потребителям. В-четвертых, необходимо в экономических и социальных правах полностью уравнивать приусадебное хозяйство с коллективным.

Если будут сбалансированы закупочные цены, никто не станет сворачивать ни полевые культуры, ни животноводство. Может лишь произойти сокращение непродуктивных площадей и непродуктивного скота и в итоге — увеличение общей продуктивности хозяйства. Только так можно создать условия для подряда в сельском хозяйстве, а какой он будет — коллективный, бригадный, семейный — это должно зависеть от местных условий.

О каком реальном хозрасчете в деревне можно сейчас говорить, когда колхозы и совхозы все еще вынуждены сдавать государству продукцию по одной, низкой цене, причем сплошь и рядом вплоть до фуража и даже семенного зерна, а потом значительную часть этой же продукции покупать у того же государства по другой, двойной и тройной цене? Не пора ли наконец остановить и перекачку дохода из деревни через произвольные цены за сельхозтехнику, ремонт, химикаты и прочее? Конечно, значительная часть

этих средств потом компенсируется им за счет безвозвратного финансирования и регулярно списываемых кредитов. Более того, возможно, что компенсируется все. Но как наладить хозрасчет, то есть эквивалентный обмен, в таких ненормальных, нездоровых условиях? Вместо спокойного, трезвого сопоставления прихода и расхода, прибылей и убытков — чутье, ловкость, всякого рода «экономическая ворожба» определяют сегодня успех хозяйственника. Брать одной рукой, чтобы возвращать другой — зачем? В какие экономические законы это укладывается? Уже не брать надо через цены, а давать. Во всех индустриальных странах мира сельское хозяйство давно пользуется специальной и очень значительной материальной поддержкой государства, в том числе и через цены, и это во многом и определяет его успех.

Особых мер требует российское Нечерноземье. Деграция деревни здесь зашла так далеко, что никакие мероприятия в рамках существующей системы аграрных отношений уже, наверное, не помогут. Надеяться можно, вероятно, лишь на медленную и разнообразную терапию, индивидуальный подход к каждому району, каждому хозяйству. Не исключено, что для многих давно «лежачих» хозяйств спасением будут преимущественно семейный подряд и раздача в аренду (особенно в пригородах) пустующих или бесплодных сегодня земель всем желающим — а такие несомненно найдутся — независимо от того, сельские они жители или городские.

Текущий момент для нашего сельского хозяйства — поистине переломный. Если и сегодня (в который раз) не оправдается надежда людей на возрождение здравого смысла, апатия может стать необратимой.

В свое время был провозглашен лозунг ликвидации кулачества как класса. Но упраздняясь, по существу, класс крестьянства. Сейчас еще сохраняется, пусть не очень многочисленное, последнее поколение этого класса, поколение хозяев, любящих землю и крестьянский труд. Если это поколение не передаст эстафету следующему, может случиться непоправимое. Известен ряд решений последнего времени, призванных закрепить людей на земле, возродить хозяйский дух, коллективное предпринимательство, поощрять индивидуальные хозяйства. Но сейчас порой снова получается так, что правая рука вроде бы не знает, что делает левая. Перечеркивая эту линию, пытается пробить себе дорогу другая. Под флагом борьбы за социальную справедливость, против нетрудовых доходов выступают самое оголтелое левачество и головотяпство. Разве можно, например, оправдать вновь вспыхнувшую было в печати кампанию против продуктивных приусадебных хозяйств? Как понять обозначившиеся летом 1986 года признаки нового погрома приусадебных теплиц, садов, личного откормочного хозяйства?

Неужели не был сразу виден враждебный стране, антигосударственный характер этой кампании? В конце концов разве это мыслимо — покупать столько хлеба и мяса за границей и в то же время, боясь, что единицы зарабатывают лишнее, душить хозяйственную инициативу сотен тысяч и миллионов своих граждан? Как понять удручающую своей примитивностью борьбу против перекупщиков или запреты на вывоз местной продукции в другие районы? Мы должны наконец раз и навсегда решить, что важнее для нас: иметь достаток собственных продуктов или вечно улаживать поборников равенства всех в нищете и разного рода безответственных крикунов.

Необходимо назвать вещи своими именами: глупость — глупостью, некомпетентность — некомпетентностью, действующий сталинизм — действующим сталинизмом. Жизнь требует пойти на все, чтобы уже в ближайшие годы обеспечить наш продовольственный рынок. Иначе все расчеты на активизацию человеческого фактора повиснут в воздухе, люди не откликнутся на них. Пусть мы потеряем свою идеологическую девственность, существующую, кстати говоря, только в газетных сказках-передовицах. Воруют и наживаются при этой девственности больше, чем когда бы то ни было. Причем речь идет о людях, которые зарабатывают, ничего не создавая, не желая и не умея что-либо создавать. Так пусть уж лучше процветают те, кто хочет и может давать обществу реальные продукты и услуги, реальные ценности. А когда мы решим задачу обеспечения себя хлебом насущным — и не раньше, — можно будет подумать и о том, чтобы большие доходы самых трудолюбивых и предприимчивых хозяев не привели к образованию угрожающих капиталов. Для этого есть простые, действенные средства — налоги и соответствующие полномочия фининспектора (разумные, конечно, чтобы не прирезать курицу, которая только-только начинает нести на благо всем золотые яйца).

Налоговые рычаги могут и должны обеспечить разумный контроль и еще над одним средством насыщения потребительского рынка, средством, тоже не требующим крупных капитальных вложений. Речь идет о личном, семейном и кооперативном производстве в сфере услуг и мелкой промышленности. Наверное, только сегодня мы можем в полной мере оценить значение ленинской мысли о том, что строй цивилизованных кооператоров — это все, что нам нужно для победы социализма.

Расширение индивидуально-кооперативного сектора в городах будет содействовать не только физическому насыщению рынка. Наша легкая промышленность, торговля и сфера услуг находятся сегодня в неоправданно благоприятных условиях, поощряющих спячку. С ними никто

не конкурирует. Импорт товаров широкого потребления пока еще слишком мал, чтобы заставить их шевелиться. Появление такого конкурента, как индивидуально-кооперативный сектор, может быстро изменить обстановку на рынке. Государственным промышленным, торговым и бытовым предприятиям придется либо резко улучшить работу, либо уступить существенную часть своих доходов другим производителям со всеми вытекающими из этого последствиями: снижением зарплаток и расходов на социальные нужды, сокращением персонала вплоть до роспуска коллектива бракоделов и закрытия предприятия.

Нынешняя система материальных стимулов добросовестного труда слабо действует не только потому, что она из рук вон плоха. Зарплата и премия не работают также потому, что на полученные деньги человеку нечего купить. Оживить обстановку в потребительском секторе народного хозяйства, насытить рынок, дать массовому покупателю возможность выбора — значит добиться того, чтобы зарплата наконец начала работать в полную силу, чтобы наш человек по-настоящему пожелал хорошо зарабатывать честным, напряженным трудом.

Материальные условия для развития индивидуально-кооперативного сектора в стране несомненно есть. В городах достаточно пустующих помещений. В запасах государственных предприятий сколько угодно — на миллиарды рублей! — излишнего или устаревшего оборудования и припрятанных на всякий случай сырья и материалов. Пустив их в свободную продажу, можно, что называется, играючи обеспечить первоначальные базовые потребности мелкого личного и кооперативного предпринимательства. Само собой разумеется, что при таком повороте событий избежать разгула воровства и коррупции можно будет лишь при двух условиях. Первое — свободная оптовая торговля средствами производства, сырьем и материалами. Второе — в правовом и экономическом отношении индивидуально-кооперативный сектор должен быть полностью (и как покупатель, и как продавец) приравнен к государственным предприятиям и организациям.

Мы уже сегодня (не дожидаясь, когда будет создан некий излишек или внефондовый резерв основных видов промышленной продукции) можем решиться на широкую оптовую торговлю средствами производства. Для этого даже необязательно пока упразднить систему фондируемого («карточного») снабжения. В стране уже имеются огромные запасы материальных ценностей. Они созданы стихийно, в порядке своеобразного самострахования, самозащиты предприятий от капризов и пороков «карточного» снабжения. Это неустановленное и часто ненужное предприятиям-владельцам

оборудование, нормативные и сверхнормативные залежи сырья, материалов, готовой продукции, комплектующих изделий и т.д. Всего не меньше чем на 450 млрд рублей, из них 170 млрд — сверхнормативные запасы. Позволить предприятиям и организациям уже сейчас свободно продавать, покупать, передавать займы эти ценности, исходя из своих реальных потребностей, — значит создать могучий, оживленный товарный рынок, пустить в дело, в прибыль колоссальные омертвленные товарные ресурсы, развязать на практике, а не на словах, хозяйственную инициативу в стране. Естественно, такой рынок не замрет только в том случае, если доходы от расчистки складов будут (после вычета налогов) оставаться полностью в распоряжении предприятия. Ни при каких обстоятельствах нельзя подпускать к ним министерства и ведомства. То же и в отношении всех видов сверхплановой продукции.

По-видимому, только таким путем — расширением оптовой торговли, свободной реализацией запасов и сверхплановой продукции — может быть преодолено одно из наиболее острых противоречий между нынешней жизнью предприятий и провозглашенной целью перевести их на полный хозрасчет. Деньги, дополнительный доход сегодня никому не нужны. Взять хоть завод, хоть торговое объединение, хоть колхоз — что они могут в действительности купить на свои рубли? Если же появится хоть какая-то возможность реализовать доходы не через Москву, не через поклонны и унижения в самых высших инстанциях, а на рынке, свободно, легко, спокойно, тогда деньги опять начнут превращаться в нечто весомое, значимое, остро желанное. Сегодня же сплошь и рядом и поощрительные фонды, и фонд развития производства, даже если их не отбирает в конце концов министерство, — это только воздух, деньги в банке, а не реальные ценности, которые могли бы пойти на модернизацию предприятия или на его разнообразные социальные нужды.

На смену бесплодным попыткам планировать из центра всю номенклатуру нашего промышленного производства, в которой уже свыше 25 млн изделий, идет такой метод, как договор между поставщиком и потребителем. Свободная торговля излишками и сверхплановой продукцией сразу же наполнит договор жизненным смыслом. Это будет первым, но важнейшим шагом в демократизации планирования, в развитии рынка, который только и способен пробудить производственные коллективы.

Очень быстрый эффект может дать и решительное повсеместное внедрение известной «щёкинской формулы». Если судить по прошлому, загубленному министерствами опыту, она без больших вложений позволяет

всего за полтора-два года сократить число работающих на 25–30%. Это особенно важно именно сегодня, когда производственные мощности многих отраслей недогружены на 20–40%, когда большинство станков используется лишь в одну смену и когда стройкам страны остро не хватает рабочих рук. Так что опасения, что повсеместное распространение «щёкинской формулы» вызовет безработицу, представляются сильно преувеличенными.

Во-первых, естественная безработица среди людей, ищущих или меняющих место работы, существует и сегодня: вряд ли она на каждый данный момент меньше 2% рабочей силы, а с учетом нигде не регистрируемых бродяг доходит, наверное, и до 3%. Так что одно дело — обсуждать проблему, делая вид, что никакой безработицы у нас нет, и совсем другое — делать это спокойно, отдавая себе отчет в том, что какая-то безработица есть и что ее не может не быть.

Во-вторых, есть миллионы незанятых и постоянно открывающихся новых рабочих мест. При должной поворотливости с их помощью можно свести масштабы временной безработицы к минимуму. Естественно, это потребует значительных дополнительных усилий со стороны государства по переквалификации высвобождаемой рабочей силы, переводу ее в другие отрасли и районы, стимулированию организованной миграции и т.д.

В-третьих, не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обязаны чрезмерно полной занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы. Это разговор о замене административного принуждения сугубо экономическим. Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности. Многие эксперты считают, что было бы дешевле платить таким временно безработным несколько месяцев достаточное пособие, чем держать на производстве массу ничего не боящихся бездельников, о которых могут разбиться (и разбиваются) любой хозрасчет, любые попытки поднять качество и эффективность общественного труда.

«Социализму, — подчеркивает известный экономист С. Шаталин, — еще предстоит создать механизм не просто полной занятости населения (это пройденный этап экстенсивного развития), а социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости. Принципы социализма — это не принципы благотворительности, автоматически гарантирующие

каждому рабочее место вне связи со способностями на нем трудиться» («Коммунист», 1986, № 14).

И опять-таки: чтобы «щёкинская формула» дала ощутимый результат, основная часть дохода должна оставаться в распоряжении коллектива. Можно обмануть людей один раз, можно, хотя это и труднее, и два, но третьего не будет. Если предприятиям пока что нечего купить на свои кровные, пусть лучше эти деньги болтаются на их счетах в банке. Зато каждый трудовой коллектив будет твердо знать, что они принадлежат ему и только ему и хотя не сразу, но будут потрачены на его производственные и социальные нужды. И необходимо платить за эти средства не символический, а реальный процент в рублях, а если это валюта, то и в валюте.

К сожалению, у нас вообще недооценивают исключительную важность таких понятий, как экономическая порядочность, экономическое доверие. Между тем без экономической порядочности управляющих инстанций и экономического доверия к ним со стороны низов сквозной хозрасчет просто невозможен. Сейчас мы переживаем исключительно ответственный момент. Если то, о чем говорилось М. С. Горбачёвым в Тольятти (а говорилось о беспардонности, с какой министерства распоряжаются поощрительными фондами предприятий, их валютными доходами), если эти манеры опять закрепятся, экономическая реформа при всех громких словах о ней будет загублена на корню.

Сегодня твердое, нерушимое ни при каких обстоятельствах слово государства в подобных делах дороже денег, дороже всего. Это самая большая политика, от которой зависит судьба страны. И даже в трудные, очень трудные времена необходимо сделать все, чтобы решения государства, обещания государства не нарушались: потом это обойдется много дороже, чем выдержка в период трудностей. Судя по всему, так, к сожалению, и случилось летом 1986 года: «продразверстка», устроенная вместо обещанного «продналога», принесла сельскому хозяйству, возможно, больше вреда, чем любая засуха. Сейчас нигде так не беспокоятся за судьбы перестройки, как на селе. Авторитету райкомов и обкомов, которые вынуждены были осуществлять «продразверстку», был нанесен удар, оправиться от которого многим из них будет теперь очень нелегко.

В мыслях о лекарствах для нашей экономики нельзя не обратиться и к внешнеэкономическим связям. Речь идет не только о таких очевидных, но, к сожалению, долгосрочных или дорогостоящих задачах, как, например, коренная перестройка структуры нашего экспорта в пользу наукоемкой продукции или сокращение средних сроков капитального строительства

с одиннадцати-двенадцати до господствующих в мире полутора-двух лет (наш «долгострой») мешает нам широко привлекать иностранный инвестиционный кредит). Речь идет преимущественно о мерах, которые могут дать что-то реальное в ближайшее время, уже в нынешней пятилетке.

Не пора ли подумать, как быть с тем сокращающимся, но все же значительным долгом нам со стороны стран СЭВ, который пока что ничего не дает нам и очень мало им? Конечно, долг — это во многом политическая проблема. Однако можно, наверное, сделать так, что нашим должникам будет выгодно постепенно рассчитываться с нами. Для этого надо открыть советский внутренний рынок для любой их продукции. Если стремишься хорошо заработать в СССР — оставляй нам часть этого заработка в порядке погашения долга. Перспективы стабильной работы на практически безграничный рынок Советского Союза — такое благо, которым вряд ли кто захотел бы пренебречь. Особенно если учесть растущие трудности международной конкуренции. И нам немалая выгода, причем не только прямая, но и косвенная, побочная. Наличие на нашем рынке массы конкурирующих иностранных товаров заставляло бы отечественную промышленность держать себя в хорошей форме, постоянно бороться за своего потребителя. В прошлом наши партнеры не раз ставили этот вопрос. Они могли бы не только продавать свою продукцию в нашей стране где хотят, но и покупать нашу. И совсем не обязательно через Внешторг. Прямые связи с отраслевыми ведомствами, местными властями и предприятиями могли бы постепенно решить эту проблему. В условиях свободной внутренней торговли средствами производства они, несомненно, всегда найдут, что у нас купить. Все мыслимые их потребности в наших товарах, по оценкам экспертов, не превышают 1 % советского промышленного производства и могут быть удовлетворены (при должной заинтересованности наших предприятий!) за счет скрытых резервов и внеплановой продукции.

Естественно, что открыть советский рынок и создать «общий рынок» стран СЭВ невозможно без изменения нынешнего курса рубля и внедрения свободной обратимости его в рамках СЭВ. Придется постепенно отказаться от действующих сегодня бесчисленных отраслевых валютных коэффициентов, перейти к единому курсу рубля и допустить свободное хождение национальных валют в рамках СЭВ. Дело это давно назревшее, абсолютно неизбежное, и откладывать его нет расчета, тем более что должны сегодня не мы, а нам.

Назрел и определенный пересмотр всей нашей политики экономического содействия социалистическим и развивающимся государствам. Речь

в конечном счете тоже идет о миллиардах. Слишком многие возводимые с нашим участием объекты не приносят реальной пользы ни нам, ни нашим партнерам. Примером, в частности, может служить строительство гигантских ГЭС (средства поглощаются огромные, а отдача ожидается не ранее следующего тысячелетия), разорительных металлургических заводов и вообще упор на тяжелую промышленность там, где больше всего нуждаются в мелких и средних предприятиях для производства продукции массового спроса.

Мы решились пойти на создание на нашей территории предприятий с иностранным участием. Стоило бы, возможно, подумать и о создании «свободных экономических зон». Дело это и политически, и экономически очень нелегкое. Привлечь серьезный иностранный капитал трудно. Еще труднее добиться, чтобы смешанные предприятия легко уживались с нашими порядками, чтобы иностранцы охотно вкладывали в нашу промышленность полученные у нас же прибыли (реинвестиция). Если бы удалось добиться тут видимого успеха, мы могли бы не только ускорить насыщение внутреннего рынка, но и заметно укрепить экспортные позиции страны. Уже сегодня нам делаются интересные предложения. Настораживает, однако, то, что условия нового закона, в частности предусматриваемый им налог на доходы иностранного партнера порядка 45%, рассматриваются за рубежом как непривлекательные. Думается, что здесь сыграли свою роль привычные, мало оправданные экономические стереотипы, и их неизбежно придется менять.

При всей важности решения задачи первоначального насыщения нашего внутреннего рынка необходимо вместе с тем отдавать себе трезвый отчет в том, что это только лишь самая острая, самая неотложная часть всей проблемы хозрасчета, «хозрасчетного социализма».

Последовательный хозрасчет не может быть просто объявлен или введен приказом. Он требует определенного экономического механизма, определенных условий, многие из которых еще не созданы.

Несерьезно думать, что без контроля со стороны Госплана авиационный завод ни с того ни с сего переключится на выпуск детских колясок. А ведь этим Госплан сегодня и занят: с величайшей бдительностью следит, чтобы сапожники тачали сапоги, а пирожники пекли пироги. При всей нашей сверхцентрализации стратегическая роль центра, по существу, ничтожна — по той простой причине, что ему, центру, не до нее, не до стратегии. Сторонников последовательного, решительного хозрасчета все еще обвиняют, случается, в том, что они якобы выступают за ослабление планового

начала, тогда как на самом деле они всей душой за усиление подлинно планового, подлинно централизованного начала, за то, чтобы Госплан занимался своим и только своим стратегическим делом: планировал в натуре не больше 250–300 видов стратегической продукции (а может быть, и существенно меньше), распределял общественный фонд капитальных вложений по отраслям и республикам и на этой основе поддерживал наиболее важные народнохозяйственные пропорции, определял твердые ставки отчислений в бюджет из прибыли, нормы амортизации, баланс цен и доходов, банковский процент, плату за землю, воду, полезные ископаемые.

Новая экономическая политика образца 80-х годов не может оставить в покое и наши промышленные министерства. Их так безобразно много, их аппараты так раздуты, что они часто просто вынуждены искать себе занятия и тем самым зачастую лишь мешают предприятиям. Министерства сами по себе уже давно стали серьезнейшей, без преувеличения, политической проблемой, требующей быстрее радикального решения.

В свое время В. И. Ленин писал: «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте “ведомств”. Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все». Не исключено, что мы вынуждены будем вернуться к ленинской схеме управления народным хозяйством: Госплан (или ВСНХ) — синдикаты — тресты (или объединения, по принятой сегодня терминологии). Синдикаты, например, вполне могли бы выполнять роль нынешних министерств, но с одним ценнейшим, принципиальнейшим отличием: синдикат — это добровольное объединение самостоятельных производственных коллективов. Он подотчетен им и существует на их добровольные взносы или отчисления. Синдикат может и должен быть не административной надстройкой над производством, не министерством, которое, по существу, не несет никакой экономической ответственности перед теми, кем оно командует, а организацией, которая с полного согласия своих коллективных членов берет на себя дела, непосильные каждому из них в отдельности: поиски заказов, организацию сбыта, формирование общего фонда поддержки слабых производств, поощрение отраслевого научно-технического прогресса.

Но самой трудной проблемой в организации полностью хозрасчетной экономики представляется сегодня выравнивание основных ценовых пропорций в народном хозяйстве. Накопившиеся с конца 20-х годов волюнтаристские ценовые решения — это поистине страшное наследие. Не покончив с ним, мы никогда не будем иметь объективных стоимостных ориентиров

для бесспорного, не зависящего от людского произвола сопоставления затрат и результатов производства. А следовательно, никогда не будем иметь и подлинного хозрасчета. В теоретических дискуссиях сегодня выдвигаются различные проекты преобразования системы цен. В большинстве этих проектов, однако, содержится один общий и, судя по нашему опыту, чрезвычайно опасный порок: предполагается, что цены опять будут конструироваться в кабинетах, опять умозрительно, в отрыве от жизни, от реальных процессов как в нашей экономике, так и в мировом хозяйстве.

Не только в капиталистических, но и во многих социалистических странах сейчас действуют примерно одинаковые пропорции цен. Они сложились объективно под влиянием общих тенденций развития производительных сил. Конечно, национальные различия в уровнях и пропорциях цен существуют, но базовые соотношения, как правило, остаются. Чтобы быстро и надежно оздоровить нашу экономику, надо постепенно выровнять сначала оптовые, а затем и розничные пропорции цен по пропорциям, сложившимся в мире. У нас резко занижены цены на топливо, на минеральное и сельскохозяйственное сырье и завышены на продукцию машиностроения. У нас неоправданно резко занижены цены на продовольствие и коммунальные услуги и неоправданно завышены на все промышленные потребительские товары. Советские цены должны как можно точнее соответствовать мировым. Кто будет потом заниматься ценообразованием (Госкомцен, промышленное министерство или само предприятие-производитель) — вопрос следующий. Сначала надо сделать первый шаг и выровнять пропорции.

Выравнивание цен — дело исключительно деликатное, в частности потому, что придется заметно повысить цены на продовольственные товары и коммунальные услуги. Но при настойчивой, методичной, а главное, честной и откровенной подготовительной работе пойти на это необходимо.

Сейчас советский потребитель в виде дотаций на убыточные цены основных продовольственных товаров и услуг получает из казны более 50 млрд рублей. А почему бы ему не получать те же самые деньги в форме доплаты к основному заработку, а возможно, и к своему вкладу в сберкассах? В конце концов, почему недоплачивать за мясо и в то же время переплачивать за ткани и обувь, а не покупать то и другое по реальным ценам? Конечно, чтобы люди к этому привыкли, надо сломать сложившиеся у них стереотипы, а ломать их будет трудно. Только честное, всем понятное стремление оздоровить нашу экономику может убедить рядового потребителя поменять свои привычки. С людьми надо начинать говорить по существу, как это делали в Венгрии,

где большая разъяснительная подготовка в 1976 году помогла безболезненно ввести новые цены. И нельзя забывать печальный опыт Польши, где в том же 1976 году попытались изменить цены в одночасье, а потом вынуждены были отступить.

Экономическое положение предприятий и объединений должно прямо зависеть от прибыли, а пока мы не произведем выравнивания оптовых цен и не избавимся от плановых субсидий, критерий прибыльности работать не сможет. Прибыль начнет врать в ту или иную сторону, она будет или преувеличивать реальные достижения коллектива, или преуменьшать. До каких пор, оценивая экономический эффект работы предприятий, мы будем пользоваться громоздким набором различных, часто исключаящих друг друга показателей: валом в том или ином его виде, товарной продукцией, выполнением обязательств по договорам, снижением себестоимости, снижением материальных затрат, выполнением плана в натуре, по производительности труда, по новой технике и т.д.? Когда перестанем придумывать в кабинетах искусственные показатели вроде условно чистой продукции? Необходимо реально смотреть на вещи. За много веков человечество не нашло никакого другого критерия эффективной работы, кроме прибыли. Только он объединяет в себе количественную и качественную стороны экономической деятельности и дает возможность объективно и однозначно сопоставлять издержки и результаты производства.

По ленинской мысли, прибыль — основной принцип хозрасчета. Полувековой опыт управления экономикой с помощью административно-натуральных рычагов сделал эту мысль только более актуальной. В хозрасчетной экономике прибыль — это основа самонастройки, саморазвития густейшей сети связей между предприятиями. Сегодня число таких связей в стране измеряется многими десятками миллиардов. Нет и, по-видимому, никогда не будет такой ЭВМ, которая могла бы собрать все эти связи в один узел и подчинить единому пульта управления. Простая, всем понятная система отношений между государством, предприятием и отдельным работником появится, только когда мы начнем пользоваться критерием прибыльности.

Крайне подозрительное отношение к прибыли — своего рода историческое недоразумение, плата за экономическую безграмотность людей, считавших, что раз социализм — значит, никаких прибылей и никаких убытков. В действительности же ничего сомнительного в себе критерий прибыльности при социализме не несет, он лишь говорит, хорошо или плохо вы работаете.

После вычета налогов предприятие должно полностью распоряжаться своей прибылью. Но, с другой стороны, если прибыли у него нет, это тоже должно как-то ложиться на плечи коллектива. Одно предприятие в результате плохой работы и финансовых убытков может, например, просто закрыться. Другому поможет система государственного страхования или целевые субсидии. Однако «спасательные операции» государство будет проводить не без разбора, а сугубо выборочно, сообразуясь со своими политическими и экономическими интересами.

Еще один предрассудок — неприятие акционерной формы. Почему свободные средства наших граждан и предприятий нельзя привлекать для создания новых и расширения старых производств? Никаким разумным объяснением такая позиция не поддается. Это просто слепота или откровенное нежелание поднять то, что лежит пока втуне, а может сослужить всей стране очень полезную службу. Правильно ставят вопрос наши известные экономисты П. Бунич и В. Москаленко: нынешний недостаток инвестиционных средств «может быть восполнен, в частности, путем продажи соответствующими предприятиями своих облигаций предприятиям, имеющим свободные ресурсы». Следовало бы только добавить: и частным лицам тоже. Или для государства лучше, если эти средства лежат в чулке?

Здоровые финансы всегда были и остаются основой всякой здоровой экономики. И наоборот — в чрезвычайных обстоятельствах (война, разруха, социальные потрясения) именно финансы были всегда той сферой, где нездоровые, кризисные явления проявлялись раньше всего и с наибольшей силой. Убежден, что сегодня наша экономика нуждается в финансовой реформе не меньшей глубины и размаха, чем в начале 20-х годов. Деньги, цены, доходы, налоги, кредит, бюджет, возможности государственного заимствования и, соответственно, государственного долга — все это вопросы, которые мы даже и не начинали еще всерьез обсуждать. Между тем дефекты нынешней финансовой системы очевидны: масштабы отложенного спроса населения, дыры в бюджете по различным статьям доходов, инфляционные методы финансирования вроде включения в бюджет доходов от еще не проданной продукции, которая к тому же может и вообще не найти себе сбыта, превращение кредита, по существу, в безвозвратное финансирование (безнадежные долги только сельского хозяйства приближаются уже к 100 млрд рублей) и т.д. Рано или поздно все эти проблемы придется решать — уйти от них некуда.

В перспективе все более важное значение будут приобретать и внешнеэкономические связи. Чтобы резко повысить конкурентоспособность нашего машинотехнического и другого экспорта и одновременно сделать

рациональнее наш импорт, одной передачи части внешнеторговой деятельности промышленным министерствам недостаточно. Нужна прямая связь между внешними и внутренними ценами. Без нее, как и без прямого обмена в наших банках советского рубля на иностранную валюту (продажа, покупка, отдача займы), мы вряд ли сможем пробудить у наших предприятий настоящий интерес к внешнеэкономической деятельности. Для производства конкурентоспособных товаров нужен реальный стимул. К тому же без связи с мировыми ценами и прямого обмена рубля нереально всерьез рассчитывать на новые формы сотрудничества с нашими зарубежными партнерами в странах СЭВ и в капиталистическом мире, на успех кооперации и совместных предприятий. Выравнивая оптовые цены внутри страны, мы одновременно должны установить реальный и единый курс рубля и постепенно сделать наш рубль таким же обратимым, как доллар или фунт стерлингов. Пока в кабинетах делают вид, что такой проблемы не существует, никакого перехода к всеобщему, сквозному хозрасчету не получится.

Назрела необходимость решить и судьбу так называемого переводного рубля. Это мертворожденное дитя давно уже превратилось в простой инструмент счета. Никаких других функций денег (я имею в виду определение Маркса) оно не выполняет. Чем эта придуманная кабинетная конструкция лучше живых, реальных рубля, марки, кроны, лева? Боюсь, что сейчас, когда ее автора уже нет в живых, никто так и не сможет ответить на этот вопрос более или менее определенно.

И, наконец, проблема качества. Какую важную роль играет сейчас качество наших товаров, понятно каждому. Принято решение о госприемке продукции в наиболее важных отраслях промышленности. Несомненно, это важный шаг вперед, и мы вправе ожидать от него положительных результатов. Однако если государственные органы и хозяйственные ведомства решат, что госприемка — это главный, радикальный, наконец-то найденный метод резкого повышения качества продукции, это будет серьезной ошибкой. Жаль, что председатель Госстандарта уже поторопился публично заявить, что «с организацией госприемки, по сути дела, приведен в действие архимедов рычаг перестройки, призванный революционизировать промышленность». Госприемка может дать важный, но все же лишь ограниченный эффект. Ограниченность ее неизбежна потому, что контроль на выходе лишь незначительно влияет на сам процесс производства. По оценкам, например, американских специалистов, если все меры по обеспечению качества продукции принять за 100%, то 75% из них придется на поиск конструктивных решений, проектирование, обработку макетного и доводку

опытных образцов, отладку технологии, 20% — на контроль самих производственных процессов и лишь 5% — на окончательную приемку изделия. В Японии этот показатель еще ниже — всего-навсего 1%.

Хорошее качество — это даже не столько проблема добросовестного труда рабочего, сколько проблема производства и управления, ответственность за которую несет высшее руководство. Американцы считают, что лишь 15–20% ошибок происходят по вине непосредственных исполнителей, остальные связаны с решениями и действиями всей стоящей над производственным процессом управленческой пирамиды. Иными словами, с хозяйственным механизмом.

Не следует упускать из виду, что госприемка устраняет от оценки качества самую заинтересованную инстанцию — потребителя, не важно, будет ли им предприятие, для которого предназначена продукция, или человек в магазине. Получив штамп приемщика на своих изделиях, предприятие-изготовитель сможет иногда даже еще сильнее давить и на того, и на другого. А коренной порок ныне действующей хозяйственной системы — диктат производителя — останется, по существу, в неприкосновенности.

Пока, по наиболее «патриотичным» оценкам, лишь 17–18% продукции нашей обрабатывающей промышленности отвечают мировым стандартам, а по самым осторожным и пессимистичным — 7–8%. Ставится задача уже в этой пятилетке подняться до 80–90%. Задача-то поставлена, но сумеем ли мы ее выполнить? Слишком глубоки корни этой проблемы и слишком долго она была у нас второстепенной.

Многие и теоретики, и практики согласны сегодня в том, что гарантированный рынок сбыта, распределение продукции «по карточкам», жесткая и, по существу, насильственная привязка потребителей к поставщикам, то есть монополия производителя, — это главная причина того, что продукция большинства наших отраслей мало куда годится. Между тем именно эту главную болезнь — монополию производителя — госприемка не затрагивает. Получается, что вновь мы больше всего уповаем на такие факторы, как стойкость, партийная совесть, боязнь начальства, личная честность отдельного госприемщика, которого, однако, жизнь может очень скоро «повязать» со всеми его поднадзорными.

Да, госприемка хороша как первая, пожарная, мера, как паллиатив, но не архимедов рычаг. Только постепенное ослабление, а затем и полное устранение монополии производителя в нашей экономике может дать что-то принципиально новое. У потребителя должны быть и права, и возможности брать то, что ему предлагают, или не брать. Это значит прежде всего, что у него должен

быть реальный выбор. А у производителя — реальная опасность прогореть вплоть до полного банкротства, если продукция его не найдет сбыта. Только так можно не на словах, а на деле подорвать господствующий сегодня режим «взаимной амнистии», когда предприятие-потребитель прощает брак поставщику, зная, что и его, потребителя, товарная дрянь в свою очередь будет где-нибудь пристроена.

Нам следует наконец перестать обманывать самих себя, перестать верить кабинетным невеждам и спокойно признать, что проблема «выбора для потребителей», проблема конкуренции, не имеет под собой никакой социально-классовой подоплеки. Идеологией здесь и не пахнет. Это чисто экономическая, даже технико-экономическая проблема. Выбор, конкуренция — это объективное условие, без соблюдения которого ни одна экономическая система не может быть жизнеспособной или по крайней мере достаточно эффективной. Всеобщий дефицит, диктат производителя — это не та экономическая обстановка, в которой производители будут сами (а не из-под палки) искать новые технические решения. Всякая монополия неизбежно ведет к застою, абсолютная монополия — к абсолютному застою.

Тут мы пока делаем лишь первые шаги, только-только начинаем. Все для нас ново, непривычно, все не вяжется со сложившимися представлениями. Не можем мы пока принять даже в теории, не говоря уж о практике, и главную особенность, главное объективное условие бездефицитной экономики — некий неизбежный уровень народнохозяйственных потерь, бросовой, не нашедшей себе сбыта продукции в качестве обязательной платы за возможность выбора для потребителя. В кабинетной, умозрительной погоне за «стопроцентной рациональностью», за стопроцентным использованием наших ресурсов и продукции мы в итоге теряем несравнимо больше и одновременно сами себе мешаем покончить с браком, подняться до мировых стандартов качества.

Или нам удастся создать постоянный излишек всех основных средств производства, сырья и ширпотреба, излишек, который стал бы материальной основой, прессом, рычагом, с помощью которого потребитель давил бы на изготовителя, или мы никогда ничего путного выпускать не будем. По-другому проблема качества неразрешима в принципе — оставь надежды всяк, их имеющий. Без такого излишка нельзя перейти и от современного «карточного» снабжения к оптовой торговле средствами производства и сырьем. Излишек этот может и должен быть создан с двух сторон — и сверху, и снизу, и планово-административными методами, и рынком, расширением товарно-денежных отношений в народном хозяйстве.

При ясном понимании проблемы и должной решимости Госплан вполне может обеспечить постоянное превышение объемов производства планируемой в натуре продукции над ее фондами, поступающими в систему распределения, на 2–3% в год (или же иметь соответствующий резерв производственных мощностей). Пусть эти 2–3% предприятия сами продают на рынке, через оптовую торговлю. Увязка материального поощрения предприятий с выручкой от торговли может стать первым реальным шагом к подрыву монополии, к появлению у потребителей хоть какого-то выбора.

Пусть это вызовет на первых порах определенное замедление темпов роста по валу. Даром ничего в жизни не дается, и за выход из удушающей обстановки всеобщего дефицита тоже придется, конечно, что-то заплатить. Да и что вообще в таком замедлении темпов страшного, если оно необходимо, чтобы встряхнуть производителей, чтобы избавиться от затоваривания, от неходовой продукции, чтобы заставить наконец производителя понять, что высокое качество его продукции — это не блажь, не чей-то каприз, а неизбежное условие его собственного существования?

Главным методом текущего и среднесрочного планирования в основном массиве нашей промышленности, видимо, станут прямые связи между предприятиями-изготовителями и предприятиями-потребителями. Предприятие должно иметь реальную возможность по своей воле (даже, если угодно, по своей прихоти) в любой момент поменять поставщика с уплатой или неуплатой неустойки в зависимости от конкретных обстоятельств такого разрыва. Договоры должны возобновляться каждый год. Подобные же права необходимо предоставить и торговле в ее отношениях с предприятиями — производителями предметов ширпотреба.

Прямые договорные связи и оптовая торговля средствами производства — две неразрывные стороны одного и того же процесса. Если предприятие будет сбывать свою плановую и сверхплановую рядовую и улучшенную продукцию через рынок, это вызовет такую заинтересованность производителей в конечных результатах, о которой сегодня ни один из тех, кто специализируется на «вопросах сознательности», не может и мечтать. Рыночные хозрасчетные стимулы должны быть распространены на все стадии процесса «исследования — конструкторские разработки — инвестиции — производство — сбыт — послепродажное обслуживание». Только рынок, а не просто административные нововведения, может подчинить всю эту цепь запросам потребителя.

Чем скорее мы признаем, что силой, окриком, угрозой здесь мало что возьмешь, что качество — это итог всей системы экономических от-

ношений, тем быстрее примемся за дело. Для перевода советского рынка из «рынка продавца» в «рынок покупателя» необходимо прежде всего расширить и укрепить сам этот рынок. Для этого у нас есть огромные возможности. Речь идет все о том же: о свободной продаже ненужного оборудования и запасов предприятий, о прямом выходе на рынок колхозов и совхозов, об индивидуально-кооперативной деятельности, о более свободном импорте, в первую очередь из стран СЭВ. Конечно, для всего этого требуется время. Но это уже будет настоящий, всеохватывающий рынок, нечто по самой сути своей противоположное абсолютной монополии и диктату производителя. Между прочим, вопреки распространенным представлениям рынок, за исключением чрезвычайных обстоятельств, полной монополии нигде и никогда не знал. Не будет он знать ее и у нас.

Конечно, дело не только в рынке и не в том, хотят или не хотят предприятия бороться за место на нем. Качество зависит и от социальной обстановки. Приниженное положение инженеров и конструкторов на производстве, то, что им платят ощутимо меньше, чем неквалифицированным рабочим, не сулит ничего хорошего. Нельзя также не видеть, что и в решающем звене — науке — низкая оплата труда подавляющего большинства работников порождает массовую апатию. В науку теперь пошел своего рода «третий сорт» из числа людей с высшим образованием. Болезнь понятна, способы ее лечения известны, а вот говорить об этом в полный голос мы почему-то не решаемся до сих пор.

Качество нашей продукции — это, таким образом, лишь отчасти техническая и административная проблема. Прежде всего это экономическая и социальная проблема. Будут люди материально заинтересованы в научно-техническом прогрессе, останется в прошлом обстановка всеобщей дефицитности — будет и качество. Не сумеем мы справиться с этой задачей — вряд ли найдется какая-то палочка-выручалочка, которая позволит чего-то добиться без глубоких экономических преобразований.

Радикальная экономическая реформа предьявляет, естественно, соответствующие требования и к тем, кто проводит ее в жизнь. Упрощая, можно, наверное, сказать, что в прежних условиях хозяйственный руководитель любого ранга решал прежде всего две главные задачи: он обязан был любой ценой дать план и обеспечить своему коллективу установленный сверху прожиточный минимум. Причем сплошь и рядом минимум не зависел от результатов работы. О том, что это так, свидетельствуют такие массовые явления в нашем народном хозяйстве, как стремление предприятий потреблять как можно больше «чужого» сырья, энергии и материалов,

незаинтересованность в качестве, равнодушие к научно-техническому уровню производства, всеобщий дефицит и одновременно огромные запасы продукции, не находящей сбыта, бездумное выполнение никому не нужной и, более того, вредной работы (вроде поворота рек), массовые приписки, очковтирательство, «выводиловка» и прочее.

Хозяйственный руководитель не отвечал (и пока еще не отвечает) ни перед своим коллективом, ни тем более перед своими хозяйственными партнерами. Он знал только одну простую грубую административную ответственность перед вышестоящим начальством. Личные отношения значили исключительно много, почти все. В то же время и формы поощрения деятельности руководителей были (и пока остаются) совершенно особыми. Для руководителя еще и сегодня даже большая премия — дело десятое. Его профессиональный успех измеряется иным — орденами, депутатством, местом в президиуме, служебным автомобилем, льготным снабжением, казенной квартирой, поездкой за рубеж, перемещением в более почетный кабинет.

В условиях полного, последовательного хозрасчета работа руководителя резко меняется и столь же резко усложняется. Он должен не только произвести продукцию, но обеспечить ее сбыт, не только отгрузить продукцию, но отгрузить ее в срок и по всей установленной договорами номенклатуре, не просто выполнить плановые задания, но и обеспечить достаточную прибыль, не выколотить, выклянчить, выцыганить любыми правдами и неправдами фонды, а найти и купить лучшее, что есть на рынке, не выдрать у своего министерства или в банке безвозвратные средства на капиталовложения, а заработать их самому, не ждать, когда новые технические решения ему спустят сверху, а самому искать их, не прятаться от научно-технического прогресса, а гнаться за ним, не следить за тем, чтобы его рабочий или инженер, не дай бог, слишком много заработали, а, напротив, всячески побуждать их к этому, не отбиваться под любым предлогом от социальных проблем коллектива, а решать их в первую очередь... Наконец, не перекладывать ответственность на чужие плечи, на вышестоящие инстанции, а самому отвечать фактически за все. Очевидно, что ни одну из этих задач ни «пузом», ни горлом, ни дипломатической изворотливостью не решить — они требуют принципиально иных способностей, методов руководства и всего стиля жизни.

Эти задачи требуют не «волкодава», не кулачного бойца, жесткого и, если смотреть правде в глаза, не особо обремененного моральными тормозами, а делового, компетентного, экономически грамотного и предприимчивого человека, привыкшего свято соблюдать этику деловых отношений,

всегда и во всем держать свое слово, понимающего людей и их заботы, благожелательного, независимого, уверенного в себе и в силу именно этой уверенности не боящегося никаких форм демократической ответственности ни перед вышестоящими инстанциями, ни — что ныне особенно важно — перед своим собственным коллективом.

Для выращивания такой фигуры нужны время и определенный климат в стране, но начинать надо уже сейчас, сегодня, иначе строить «хозрасчетный социализм» и работать при нем будет просто некому. В годы первых пятилеток и какое-то время после войны хозяйственный руководитель в массе своей был прежде всего профессиональным администратором, нередко без всякого специального образования, умевшим делать лишь одно дело — руководить. Затем центральной фигурой во всей хозяйственной иерархии от начальника цеха до министра стал инженер (со всеми достоинствами и недостатками чисто инженерного мышления), имевший, как правило, навыки и опыт организаторской работы, но часто не знавший и не понимавший экономики и экономических законов.

Думается, что постепенно главной фигурой во всей системе хозяйственного управления должен стать не инженер, а экономист, а может быть, и экономист и социолог в одном лице. Возможно, инженер (или агроном) должен остаться в качестве непосредственного руководителя в низовом звене — в цехе, в строительном подразделении, в колхозной бригаде или отделении совхоза, в отделе НИИ. Но предприятие, объединение, трест, колхоз или совхоз, научно-исследовательский институт, ведомство должен возглавить экономист, имеющий своим первым заместителем толкового технического специалиста, досконально знающего весь технологический процесс.

В ведущих странах Запада сегодня главная фигура в хозяйственном управлении отнюдь не инженер. В США, например, на рубеже 80-х годов лишь менее 10% высших руководителей ведущих компаний и фирм были специалистами в области технологии. Большинство же хозяйственных руководителей там не имеют инженерной подготовки, это выпускники школ бизнеса или экономисты, специалисты по финансам, юристы. В Японии чисто технической подготовке хозяйственных руководителей уделяют значительно больше внимания, чем в США, но и там хозяйственный руководитель — преимущественно бизнесмен, а не инженер.

Лучший учитель — это сама жизнь. Если экономическая реформа будет достаточно последовательна и глубока, если не будет попятного движения, если люди окончательно поверят, что этот процесс необратим, они сами начнут перестраиваться не на словах, а на деле. Инстинкт самосохранения

и стремление к успеху нашему человеку свойственны не меньше, чем кому бы то ни было. Но, как и всякого человека, обманывать его нельзя. И не дай бог, если открытые и скрытые противники реформы опять попытаются исподволь пустить ее по печально известному пути «щекинского эксперимента». Кто может подсчитать сегодня тот не только экономический, но и чисто моральный, общественный ущерб, который соответствующие министерства в силу своей экономической непорядочности нанесли тогда стране, загубив на корню это дело? И сколько, например, времени и усилий еще нужно, чтобы промышленные предприятия, чьи честно заработанные валютные средства вот уже десяток лет лежат арестованные во Внешторгбанке, решились на активную внешнеэкономическую деятельность? Недаром сейчас, когда им это и предлагают и навязывают, они с таким упорством открещиваются от нее. И кто сейчас может подсчитать урон от более чем двухмесячного разгула «административного умопомешательства» по всей стране в связи с принятием скороспелого закона о нетрудовых доходах? Кто конкретно ответит за головотяпское проведение его в жизнь?

Кто будет вдалбливать всем нашим хозяйственным кадрам сверху до низу, что время административных методов управления экономической жизнью проходит, что экономика имеет свои законы, нарушать которые так же непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле, что современный руководитель должен знать эти законы и строить свои деловые решения в соответствии с ними, а не вопреки им? Ведь не в административных и не в технических категориях будет оцениваться его деятельность в неуклонно приближающемся будущем, а прежде всего в категориях прибылей и убытков возглавляемого им коллектива.

Кто разрушит веру наших хозяйственных кадров во всеислие приказа, нажима, силовых методов решения и деловых, и человеческих проблем? «Хозрасчетный социализм» немислим, если на смену приказу не придет материальный и моральный интерес, коллегиальность, экономическое, а не административное согласование вопросов и проблем как по вертикали, так и по горизонтали. Коренной порок нашей нынешней структуры хозяйственного управления — полная безответственность высших этажей пирамиды, отсутствие каких бы то ни было приводных ремней «обратной связи», скрытые от посторонних глаз и, как правило, никак не связываемые с результатами работы предприятий и организаций формы поощрения, которые находятся в противоречии с самой идеологией хозрасчета.

Кто будет прививать нашим хозяйственным кадрам понимание того, что мы не одни в мире, что существуют мировые критерии качества и науч-

но-технического уровня продукции, мировые обязательные, непреложные требования к ней? Вплоть до сегодняшнего дня для большинства хозяйственных руководителей это пока китайская грамота, нечто такое, что существует где-то там, где нас нет, и не имеет никакого отношения к их повседневной деятельности как на производстве, так и на рынке.

Кто будет отучать наших хозяйственных руководителей, особенно высших, от феодальной психологии, кастового чванства, уверенности в своей непотопляемости, своем «Богом данным» праве командовать, в том, что они выше законов и выше критики? Поколения наших хозяйственных руководителей были приучены к любым опасностям, кроме одной — опасности, исходящей снизу. Еще и сегодня вмешательство в их деятельность прессы, избирателей или собственного коллектива — это не норма для них, а лишь досадное чрезвычайное происшествие.

Все это будет делать тот, кому это по плечу и по праву, а по плечу и по праву это только народу, массам, низам. Как — тоже хорошо известно: гласность, демократизм, подлинная выборность снизу доверху, нестесненная общественная жизнь.

Основные возможности ускорения экономического и научно-технического прогресса нашей страны — это не только, а может быть, даже и не столько приоритетное развитие нескольких новых и сверхновых отраслей: аэрокосмической промышленности, ядерной энергетики, электроники и производства ЭВМ, гибких производственных систем, микропроцессоров, робототехники, лазерной техники, средств связи, контрольно-измерительной аппаратуры, новых синтетических материалов, тонкой химической технологии, фармацевтики, биоинженерии.

Еще большие возможности экономического прогресса заключены в модернизации и рациональном использовании того, что у нас уже есть. Мы производим металла почти вдвое больше, чем США, и нам его больше не надо: нам нужен иной металл, иного качества. Нам не нужно больше энергии: энергоемкость нашего национального дохода почти в 1,5 раза выше, чем в большинстве западных стран, а внедрение передовой энергосберегающей технологии дает тот же эффект, но только в 3–4 раза дешевле, чем бурение новых нефтяных скважин. Нам не нужны новые площади под лесоповал: если мы сегодня пускаем в дело в среднем всего 30% древесины, то в США, Канаде, Швеции степень утилизации сырья в лесной промышленности составляет сегодня более 95%. Нам не нужно больше воды, нам не нужно больше никаких поворотов рек, нам нужно остановить расхищение и ужасающие

потери воды, поступающей по уже действующим ирригационным системам (по некоторым оценкам, эти потери составляют в конечном счете 75%). Нам не нужен импорт зерна и, следовательно, таких масштабов нефтяной экспорт: импорт зерна фактически равен ежегодным потерям нашего собственного урожая. Нам не нужно больше тракторов, мы производим их и так в 6–7 раз больше, чем США, — нам необходимо добиться, чтобы уже имеющийся у нас тракторный парк действовал, а не простаивал и чтобы чуть ли не каждый второй новый трактор не разбирали на запчасти. Нам не нужно больше станков: их у нас и так почти в 2,5 раза больше, чем в США, — нам нужны станки иного качества и чтобы работали они не в одну смену, а хотя бы в две, не говоря уже о трех. И нам не нужно больше обуви: мы и так производим ее больше всех в мире, а купить в магазинах нечего.

Нельзя не согласиться с академиком А. И. Анчишкиным: сегодня больше — это должно быть на самом деле сплошь и рядом меньше. Количественный рост нам не нужен, во всяком случае в большинстве отраслей, он нужен только в отраслях «высокой технологии» и, может быть, в некоторых отраслях аграрно-промышленного комплекса. Нам нужен не количественный, а качественный рост, не прирост любого вала, любой продукции ради завораживающей магии процентов, а иное качество роста. По валу это новое, технически передовое качество роста может дать и минус — ну и что в этом страшного? Но зато качественный рост — это гарантия того, что будет произведен металл не для утяжеления станины, а для новых, прогрессивных профилей и ботинки будут произведены не для того, чтобы гнить на складах, а для того, чтобы люди их носили.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА¹

... А лло! Ты?... Прости. В самом деле, глупость сказала. Кто еще может подойти, кроме тебя... Я тебя разбудила? Сколько сейчас? Три? Боже мой — три. Ну не сердись. Не сердисься, да? Поговори со мной... О чем? Ни о чем. О чем получится... Да, вот что я хотела спросить: почему ты ушел так рано? Не сказал ничего, не попрощался... Заснула? Ну и что? Разбудил бы... У тебя утром лекция. Да, ты говорил. Прости, забыла... Пьяна? Нет, что ты, я не пьяна. Твой коньяк как стоял на столе — так и стоит, я его не трогала. Глоток только глотнула, во рту было нехорошо, а больше не пила... Проснулась — тебя нет. Я сначала даже испугалась: подумала, ты обиделся на что-нибудь, а я не помню на что. Я вчера плохо себя вела? Шумела? С другими танцевала. Да? Но ты же не ревнивый? Ты у меня совсем не ревнивый. Даже обидно иногда... Сережа, я ведь не дрянь, правда? Я только тебя люблю. А больше никого не люблю... Прости, я знаю, ты этих слов не любишь. Я тебя, наверное, за то и люблю, что ты не любишь слов. Слова-то все затерты, это правда... Но ты их все равно говори мне иногда, женщина совсем без слов не может... Любишь? Правда? Ну вот, мне опять хорошо. А то... Проснулась, думаю: все не то, не то! Господи, как же все не то! Один ты — то. А тебя нет... Да ладно, не обращай на меня внимания! Баба я — баба и есть. Я же понимаю: лекция, студенты, ассистенты... Во сколько ты ушел? В двенадцать? Это значит, я спала всего три часа? Надо же... Сережа, прости, можно я еще один глоток сделаю? Меня колотит, сама не знаю почему. Можно? Сейчас. Я только до стола дотянусь... Слушай, а знаешь, под конец я вчера все-таки не удержалась — врезала этому типу. От души врезала, все ему высказала, у него даже челюсть отвисла... Кому? Как — кому? Ты что, не помнишь? Ну, за соседним столом сидел, он меня все танцевать приглашал — Виталька Тепляков, фельетонист, с ним еще этот реставратор был, известный, говорят, богатый человек, на иконах

---

¹ Ночные голоса. Повести и рассказы. М.: Воскресенье, 1999.

большие деньги зарабатывает. И еще третий с ними, не то лошади, не то фарцовщик, мошенник, одним словом. Виталька мне говорит: поедем, брось ты его, чего ты с ним связалась. Боже ты мой, Сереженька, ну зачем я это тебе говорю? Я же знаю, с тобой нельзя так. Ты не думай, это я не для того, чтобы тебя поддразнить. Я дура: несу черт знает что, а потом сама же жалею, плачу... Хочешь, я у тебя раз навсегда за все прощенья попрошу? На коленях попрошу? За что? Ни за что. За то, что я и тебя, и себя мучаю... Сережа, ты мне веришь? Веришь? Честное слово, я тебе ни разу не изменила. И не изменю. Только ты не бросай меня. Я без тебя пропаду... Сколько мы с тобой уже прожили? Полгода? Господи, а кажется — полжизни... Знаешь, девчонки наши в Доме моделей мне в открытую завидуют: ишь, профессора себе нашла. А я тебя не нашла. Ты сам нашелся. Помнишь, ведь и ты про меня сначала ничего не знал, не знал, что я манекенщица. Помнишь, тогда в театре, в антракте, я еще была с Милкой Разумовской... У, шкура продажная! Ненавижу... Ты у автомата стоял, а я у тебя двушку попросила. Ты покраснел, растерялся, и лицо у тебя стало такое, я думала — сейчас убежишь. А потом ты стал ходить на все наши сеансы. Я помню, первым делом тебя глазами отыскиваю: здесь ты? Здесь? Ну, значит, все будет хорошо... Сережа, меня теперь целиком на вечерние платья переводят, открытые... Правда ведь, у меня красивые плечи, да? И грудь?.. Не споришь? Ну, хорошо, что хоть с этим не споришь... А с чем еще? Не знаю. Мне все время кажется, что ты со мной все о чем-то споришь, споришь. Только вот о чем — и сама не знаю... Начальница велит теперь гладкую прическу носить: говорит, так я совсем дама. Ну, леди, понимаешь? Я как-то Милкины колечко и серьги надела, бриллианты, ей любовник подарил, какой-то директор из кожгалантереи. А здорово мне шло, если бы ты только видел! Сразу и спина прямее стала, и пошла я как-то по-другому, уверенно пошла, будто кто передо мной ковровую дорожку катил, а я шла... Это ничего, что я такие высокие каблуки ношу, девять сантиметров? Когда я на них, мы с тобой вровень ростом. Ничего? А то я иногда думала, может, тебе неприятно?.. Сережа, милый, может, приедешь, а?.. Когда? Сейчас. Я ужасно хочу тебя видеть. Сейчас хочу. Ну приезжай, что тебе стоит? Возьми такси и приезжай. Я кофе сварю, коньяк есть... Лекция? Ох, как я иногда ненавижу все эти твои лекции. Студенты, ассистенты, какие-то книжки, черт бы их побрал! Ну при чем тут они, скажи мне, при чем? Разве в них дело? Ведь ты же мой. Мой! Что они хотят все от тебя? Что им нужно?.. Уехать бы нам с тобой куда-нибудь к черту на рога, и чтобы никого вокруг не было, ни души, только ты и я, я бы целовала тебя, гладила. Поедем, а, Сережа?.. Куда? Да куда хочешь. Поедем к морю?

Комнату снимем, прямо на берегу, чтобы и не одеваться, так в купальниках и ходить. Представляешь? Целый день в купальниках, солнце, песок, и никого знакомых вокруг, лежали бы целый день. Хочешь читать свои книжки? Читай, ради бога, я бы не мешала тебе, голову только положила бы тебе на живот и глаза закрыла. Поедем?.. Ты мне обещаешь? В каникулы? А это сколько ждать?.. Два месяца? Господи — два месяца, это сколько ж еще ждать... Сережа, женись на мне, а? Чем мы с тобой не пара? Я красивая, ты умный. Представляешь, как бы на нас вместе смотрели? Познакомьтесь: мой муж, университетский профессор, тридцать три года. А я? Я его жена. И еще его личный секретарь. Правда, Сережа, возьми меня личным секретарем, а? Я на машинке печатать умею, и я не бестолковая, ты же знаешь. Я бы все твои дела в порядок привела, а то ты задыхаешься... из-под бумаг выбраться не можешь, я же вижу... Ты мне как-то сказал, что я слишком красива. Но красивая — это не обязательно дура? А, профессор? В каких таких книжках ты это вычитал?.. Ты так не считаешь? Правда нет? Господи, спасибо тебе, хороший мой. А то я иногда совсем крылышки вниз... Сережа, а я знаю, почему ты на мне не женишься. Я напиваюсь иногда, могу до утра прогулять, со мной трудно, да? Но я изменюсь, честное слово, изменюсь. Мне ведь это все не нужно, это все просто так, от скуки, ты же знаешь... Сережа, я тебя люблю, я буду такой, какой ты скажешь, ты даже не знаешь, какой я могу быть. Все эти студентки твои — что они знают? Что они видели, вертихвостки? Для них ты видный мужик, с положением — и больше ничего. Перед девками похвастаться, в люди куда-нибудь с тобой выйти. Я знаю, сама такая была. А для меня ты — все... Да нет, я знаю, что ты не бабник. Но у вас там столько этих красоток — того и гляди вцепится какая-нибудь... Сережа, меня тоска замучила. Иногда прямо выть хочется: лезет всякая сволочь, пристают, за руки хватают. Ну и что, что у меня любовники были? А у кого их не было? Мне ведь двадцать шесть, я не ребенок. Ты-то умный, ты меня знаешь, и тебе на все это наплевать, а другие не знают, думают: манекенщица? — значит, общая. А я не общая! Я твоя и ничья больше не буду... Ненавижу! Ух, как я их всех ненавижу... Сережа, приезжай. Приезжай, хороший мой, ну хоть на час, а?.. Нет. Не надо. Не приезжай — не слушай меня, дуру. Я сама, если приедешь, проклинать себя буду завтра... Сережа, меня все время колотит, прямо зуб на зуб не попадает. И плед не спасает. Что со мной, не знаешь? Можно, я еще глоток выпью? Последний, честное слово, последний. Ты не думай, потом накапаю себе валерьянки и лягу спать... Подожди. Поговори со мной еще немного... Сережа, хочешь, я тебе признаюсь? Только ты пойми меня, не подумай чего плохого... Мне иногда до слез

жалко этого аборта. Прямо до слез. И как я тогда влипла? Дура пьяная... Сережа, не спи со мной больше никогда, когда я пьяна, обещаешь? Привезешь меня домой — и уходи, даже если я цепляться буду, просить тебя. Ну дай мне, в крайнем случае, подзатыльник, я, когда просплюсь, пойму... А представляешь? Была бы я сейчас с пузом, ты бы мне цветы дарил, ходил бы со мной везде — я же тебя знаю, ты ведь только вид делаешь, что ты такой серьезный, а на самом-то деле ты весь в соплях, еще хуже меня... Нет, ты неправ, я, наверное, была бы неплохая мать, я знаю... Сережа, я никогда тебе не рассказывала? Ведь когда мы с тобой встретились, за мной один драматург ухаживал, замуж звал, богатый. Как бульдог: важный такой, весь в медалях, ступает тяжело, медленно. Он известный драматург, только я тебе его фамилии не скажу, не сердись... А, сам знаешь? Откуда? Впрочем, какая разница откуда? Все мы в Москве, как черти хвостами, переплелись... Старый? Ну не такой уж старый... Сережа, ну что я несу?! Какой драматург? При чем тут этот старый козел? Я тебя люблю! Тебя! Милый мой, ну хочешь, я к тебе приеду? Вот накину сейчас пальто — и приеду... Ну пожалуйста, разреши. Я только посмотрю на тебя — и назад... Прости меня, я больше не буду, совсем голову потеряла. Мне нельзя с тобой по ночам разговаривать, ночью все так страшно... Хочешь, я тебе новый анекдот расскажу? Забавный! Слушай. Качается на рейде большой белый пароход. Вдруг, откуда ни возьмись, крохотный буксирчик — черненький, грязненький, дым из трубы: чух-чух-чух...

«Эй, на судне! Хлебушка нет?»

«Д-да па-шел ты...»

«По-ол-л-лный вперед!»

Не смешно? А мне почему-то смешно... Представляешь? Белый, пузатый, важный, а этот черненький, махонький: хлебушка нет? Нет? Ну, и псс с вами! Полный вперед, шуруй, машина!.. Мне иногда тоже хочется так: вперед и прямо! По лужам, на шпильках, чтоб брызги в разные стороны!.. А, так и хожу? Ну вот, видишь... Сережа, во сколько у тебя завтра лекция? В девять? К одиннадцати кончится? Вот хорошо! Слушай, а давай в одиннадцать встретимся у «Националя» и позавтракаем вдвоем? Тебе же от МГУ два шага. Только пойдем на второй этаж, там в это время еще пусто. Сядем у большого стекла и будем смотреть вниз, на Манеж. Люди внизу куда-то спешат, суетятся. А мы с тобой за белой скатертью, и в зале пусто. И шампанское возьмем. И долго будем сидеть, долго, только чтоб никто не подсаживался. Хорошо, а? Достанешь денег? Если нет, не беспокойся, я достану. Бедный мой, я, наверное, уже все спустила с тебя, ведь это ужас просто,

сколько мы с тобой тратим! Когда я выйду за тебя замуж, ни за что не позволю тебе столько тратить на женщин. Мы не будем никуда ходить, будем сидеть дома и копить деньги. Впрочем, нет. Не будем копить. Ты на это не годишься. Ну а про меня и говорить нечего. И в кого я такая шальная? Мама была тихая, отец тихий... Сережа, а может, я все-таки приеду?.. Не надо? Ну не надо. Правда, так будет лучше... Спи. До завтра. Я тебя люблю...

* * *

Алло! Сергей? Здравствуй... Узнал? А я, признаться, боялась, не узнаешь... Тебе можно со мной разговаривать? Ворчать не будут?.. А ты скажи, что я безобидная, уж меня-то ей бояться нечего... Она все воюет со мной? Зря. Я теперь так — дым, воспоминание. Меня и не было-то никогда на самом деле... Я разбудила тебя?.. Ну конечно, как всегда. Три часа ночи, профессор спит, завтра лекция. Нужна свежая голова, иначе аплодисментов не будет, а мы привыкли к ним, нам без них нельзя... Прости, не хотела тебя обидеть. Просто я, наверное, злая стала. Старею, замуж никто не берет. Иногда сама себя ловлю: ну чего я злобствую? Чего?.. Пьяна? Конечно, пьяна. Разве трезвая я решилась бы тебе позвонить?.. Где гудели? А черт его знает где. Не помню. Люстра была какая-то огромная, и все рыла кругом, рыла... Как твоя дочка? Мне кто-то говорил, у тебя чудесная дочь. Сколько ей?.. Пять? А тебе, наверное, уже сорок?.. Господи, как время летит! Ты тоже постарел, профессор. Я тебя с месяц назад в театре видела, ты-то меня не видел, а я видела. Ты был с женой? Она хорошо одевается, это я профессионально говорю, можешь ей передать. Небось фыркнет. Но в душе-то будет рада, я знаю, все они такие... Сережа, милый, прости. Можешь секундочку подождать? Фары по стеклу полыхнули. Это Виталька Тепляков, больше некому, его манера. Он всегда так — как напьется, так ко мне. Говорят, его жена бьет... Подожди секундочку, я бра погашу, чтоб совсем темно было... Так и есть, его машина. Сейчас в окно стучать начнет. Я же на первом этаже живу. У меня теперь кооперативная квартира в киношном доме. В подъезде одни звезды живут. Такое количество звезд — прямо выть хочется! Ненавижу! Все как одна шлюхи, а туда же... Версаль, Трианон... Ну чего стучишь, болван? Чего? Ведь ясно же, не открою. Тоже мне разлетелся! Тут, можно сказать, единственная любовь, в первый раз за семь лет, а ты... Смотри-ка: уехал! Или вправду поверил, что меня нет, или не очень пьян был. Ох, какой он тут однажды скандал устроил! Весь дом поднял: «Выходи! С кем заперлась, так твою разэтак?! Открывай! Убью!» А я ни с кем и не была... У, как я его иногда ненавижу, если бы ты только знал... Сережа, ну какая я дура! Ну зачем я тебе это, зачем? Какое тебе до всего этого

дело? Ты всегда такой чистенький, такой ученый. Прости... Ты по-прежнему в университете? Доволен? Впрочем, чего я спрашиваю, конечно же, доволен, тебя всегда студенты любили. Твоя жена — тоже, кажется, твоя студентка?.. Аспирантка? Какая разница...

И как я все-таки, дура, тогда тебя прохлопала? Ума не приложу. В дыму все было, слишком, наверное, любила тебя. Э, да что теперь вспоминать... Ты-то как? Счастлив?.. Не знаешь? Как же так — не знаешь? А я думала, что ты единственный счастливый, кого я знаю... Милку Разумовскую помнишь? В сумасшедшем доме, третий год пошел. Вот уж, казалось, кремень баба, удавится — своего не упустит. А на поверку видишь, как вышло... Что я делаю? Да все то же. По «языку» больше не хожу, стара стала, в бедрах раздалась. Откуда-то чудовищная грудь выросла, сама не знаю, что с ней делать. Нет, ты не думай, пока еще не висит, до этого еще не дошло... Да нет, дойдет когда-нибудь, куда ж от этого денешься?.. Я теперь в конструкторском бюро, на мне новые тряпки примеряют. Модельеры что-нибудь придумают, ну а потом: «Майя, повернись; Майя, вы неловко встали; Майя, пожалуйста, шевельните задом, кажется, не очень удачно получилось...» Пробовала кино, ничего, конечно, из этого не вышло — так, ерунда, и говорить не о чем. Светских дам, сам знаешь, теперь не очень-то снимают, ну а на горничных я не тяну, для этого высшее образование нужно, у меня его нет... Замуж? А как ты думаешь, профессор, после тебя легко выйти замуж? Ты об этом никогда не думал?.. Нет? Да после тебя ни лечь ни с кем, ни говорить ни с кем не хочется — все убожество, все дерьмо! Останови меня, а то я сейчас материться начну... Был один мозгляк, год целый промучилась с ним, все меня жить учил. Не представляешь, какая сволочь! Он, видите ли, осчастливил меня, он, видите ли, знает как надо, он, видите ли, руку помощи мне подал! А сам меня на трамвае из загса домой привез: дело, говорит, не в деньгах, дело — в принципе, новую жизнь начинать надо! Радовался, крыса несчастная, когда его начальником сделали, целых двух баб в подчинение дали... Сережа, прости. Все равно уж я тебе ночь испортила. Подожди секундочку. Я налью себе немного. Меня колотит, сама не знаю почему. Где-то тут портвейн был, Виталька, подонок, в прошлый раз оставил... Ну, твое здоровье, милый. Ты-то хоть вспоминаешь меня иногда? Вспоминаешь?.. Ты что, с ума сошел? Да разве можно пьяной бабе такие слова говорить?! Я и так на ниточке вишу, сейчас разрыдаюсь, а ты мне... Не надо, милый, не надо. Замолчи. Сейчас же замолчи!.. Приедешь? Куда приедешь? Ко мне? Сейчас? И думать не смей! Никуда ты не приедешь... Почему? Непонятно почему? Что с тобой, профессор? Ты ведь когда-то умный был?.. Приедешь? Значит, приедешь? А потом уедешь?

А я потом вешайся, да? Нет, Сережа, было, и это уже было. Вены-то я уже себе вскрывала, хватит, знаю, что это такое. Да сама же, дура, и испугалась тогда, сама и скорую вызвала... Из-за чего? Думаешь, из-за тебя? Нет, Сережа, не из-за тебя. Во всяком случае, не только из-за тебя. Не знаю, в общем, из-за чего. Из-за всего... Пить перестать? А зачем? Можешь ты мне объяснить — зачем?.. Ах, здоровье? А кому оно нужно — мое здоровье? Тебе? Тебе нужно? Да ладно, Сережа, брось ты ерунду молоть. Уж кем-кем, а пошляком ты не был никогда... Делом заняться? Каким делом? Моим, что ли? Было, Сережа, было. И это было. Я, когда квартиру себе строила, по двенадцать часов вкалывала, с утра до вечера, с сеанса на сеанс, из ателье в ателье, с ног валилась, высохла вся, как щепка. Ну, набила себе квартиру всем, чем хотела: мебель с выставки, ковер, ванну разноцветной плиткой выложила. А потом как-то проснулась ночью, думаю: зачем? Ради чего? Да пропади ты все пропадом! Ради чего надрывать-то? Чтобы этот подонок, Виталька, пришел и здесь разлегся? Не все ли равно ему, куда блевать — в голубой унитаз или в помойное ведро?.. Выгнать? Его выгнать? А зачем? Ну выгоню его — другой будет, еще хуже. С этим-то мы хоть как-то притерлись друг к другу, столько лет уже. Он хоть не злой, не жадный. Иногда мне его, обормота, больше, чем себя, жалко. Эх, Сережа, дело, дело... Какое дело?! Да разве это мне нужно?! Я баба, понимаешь? Баба! Мне бы ноги раскорячить и рожать одного за одним... На мужика орать, кастрюльками греметь, по очередям мыкаться — это бабье счастье! И другого никто не выдумал. Куда меня, Сережа, занесло, куда? И как все так получилось? Можешь ты мне сказать? Да нет, ничего и ты не можешь. И никто не может... Прости... Вот не знала, что такая мука будет с тобой разговаривать. Думала, помурлычу, порадуюсь за тебя, старое чуть-чуть вспомним... Погоди-ка. Бутылка-то, оказывается, только начатая. А я в темноте и не поняла. Ну, живем! Теперь мне до утра хватит... Да перестань ты! Что ты вмешиваешься не в свое дело? Я, может, в последний раз тебе звоню, может, я этот разговор потом годы буду помнить, вертеть его туда-сюда, голос твой вспоминать... Не надо? Лучше не надо? А о чем еще мне с тобой разговаривать? Хочешь, анекдот расскажу?.. Нет? Так о чем же? О том, как я тебя люблю? Так ты этих слов не любишь, я помню... А, теперь не так? Теперь по-другому? Теперь, оказывается, и слова стали нужны? Долго ж тебе понадобилось, профессор... Дурак ты, Сережка, дурак. Женился бы тогда на мне — знаешь, как бы мы с тобой жили? Телефон? Какой? Мой? Не надо, хороший мой. Я баба слабая, увижу тебя — ножки подкосятся. Лучше я сама тебе как-нибудь позвоню... Скоро позвоню, скоро... Спи, у тебя завтра лекция. Я тебя люблю...

* * *

Простите, я могу попросить Сергея Александровича? Извините, что так поздно. То есть рано... Конечно, я все понимаю... Но это нужно... Хорошо, я подожду... Сергей? Здравствуй... Ну конечно я. Сережа, поздравляю тебя с сорокапятилетием, желаю тебе всего, что ты хочешь, всего самого лучшего, чтобы все у тебя было хорошо, чтобы ты не болел... чтобы дочка у тебя выросла счастливая, умная... Помню? Я многое, Сережа, помню. Я все помню. Помню, например, что ты родился на рассвете, ты мне когда-то говорил... Хочешь, я тебе признаюсь? У меня план был: думаю, позвоню ночью, ведь не обматерят же меня в профессорской семье, зато я первая тебя поздравлю. Еще с вечера вышла в магазин, потом уселась в кресло, сидела вот, ждала, пока светать начнет. В общем, праздную твой день рождения... Одна? Конечно одна... К телефону подходила жена? Тебе можно со мной разговаривать? А ты унеси телефон в большую комнату... Унес? Вот и хорошо. Я ненадолго, поговорю с тобой чуть-чуть — и хватит. У тебя завтра лекция? Нет? Странно — как это нет?.. Просто реже стал читать?.. Кафедра?.. Слушай, слушай, я тут как-то книжку твою купила, толстую... Какую? Ну, эту, про восстание камизаров во Франции, восемнадцатый век. Надо же, сколько написал! И хорошо написал, Сережа, даже я почти все поняла. Только одного не поняла, за что ты жалеешь эту сволочь? Сначала они резали, потом их вешали — чего уж тут теорию разводить? Сами напросились... Да ты что, Сережа? Ты в самом деле серьезно? Не надо, милый, не трать силы. Нашел с кем про великие дела говорить. С годами все-таки поглупел немножко, профессор, да?.. Не без этого? Ну вот как хорошо — ты опять смеешься. А я ляпнула и сама испугалась — вдруг ты трубку повесишь... Со мной что? Да ничего. И рассказывать-то нечего. Работаю теперь машинисткой в одной конторе, в основном беру работу на дом, так хоть рожи эти поменьше видишь. Я стала совсем домоседкой, Сережа, не поверишь... Кха-кха-кха-кха! Прости, закашлялась. Паршивые сигареты. «Дымок», черт бы их побрал. И кто мне их вчера в карман сунул?! Не помню. Наверное, этот дурак усатый, больше некому. Еще домой ко мне просился. Как же! Так я и пустила, держи карман. Господи, какие же все-таки мужики дураки... Наврала? Я тебе наврала?! Да я, Сережа, в жизни тебе ни одного лживого слова не сказала! С чего ты взял?.. Так это ж днем было, днем! А вечером я знаешь какой тут Версаль развела? Цветы на столе стоят, шампанское, платье на мне — ты бы поглядел! Только оно тесное стало, растолстела я, как корова, самой противно. И чего меня разносит? Не могу понять. Вроде и не ем почти что ничего... Виталька Тепляков? А ты что,

не знаешь? Ты правда ничего не знаешь?.. Умер. От водки сгорел. Два инфаркта подряд — много ли ему, бедняге, надо было? Он ведь еще и вкалывал дай бог, все надеялся, что его заметят. Не дождался. В сорок два года откинулся: двое мальчишек, жена-дура... Жалко? А как ты думаешь? Конечно, жалко. Он хоть и подонок был, но никому зла не сделал... Кто сейчас со мной? А тебе это очень нужно знать?.. Нужно? Зачем?.. Помнишь, ты еще когда-то меня страшал: дескать, кончу тем, что с водопроводчиком буду спать? Одно могу сказать, что пока это еще не водопроводчик. Но уже близко... Не ты? Разве не ты? Ну, значит, я все перепутала. Туман все время какой-то в голове. Да, наверное, это был не ты. Ты не мог мне так сказать, ты же деликатный, ты меня любил... Сережа, а ты меня любил? Ты меня правда любил? Или я все сама выдумала?.. Ну вот, это опять ты. Прежний ты. Значит, не выдумала... Не надо, Сережа, хватит. Ты все же выбери слова, а то я разревусь. Какой же тогда это будет праздник? Нареветься всласть я и без тебя могу... Сережка, какой все-таки у тебя голос! Сколько лет прошло, а голос не изменился. Я теперь понимаю, за что я тебя любила: за голос... Нет, не только за голос, конечно. Больно ты не похож был на всю эту шушеру, что тогда вокруг нас колготилась, Милку Разумовскую помнишь? И ее уже нет. Так в сумасшедшем доме и умерла. Я ее хоронила. Одна. Представляешь? Надрывалась девка, надрывалась, а похоронить оказалось некому. Постояла над могилой, вспомнила, какая она была когда-то. «Я жду тебя, Робеспьер!» — помнишь, ты мне рассказывал? Не помнишь, конечно. Да неважно... Ну? Ну, говори, что ты мнешься? Кому-кому, а нам-то с тобой вроде бы не пристало церемонии разводить... Спиваюсь? Страшно?.. Нет, Сережа, не страшно... Да ладно, перестань ты... Майя, Майя... Что Майя? Была Майя! Что ты мне лекции читаешь, профессор? А где ты был двенадцать лет назад?.. Прости, Сереженька, не хотела тебя обидеть, не за этим позвонила. Думаешь, я сама не знаю, во что превратилась? Да я теперь к зеркалу боюсь подходить — неужели это я? Эта толстая старая баба с оплывшими глазами — это я, Майя? Ну а что делать? Прикажешь удавиться? А помнишь, какая я была? Не было мужика, чтобы на меня не обернулся. А как мы с тобой дымили! И откуда только силы брались? Театр, ресторан, ночь до утра, наша ночь, а утром опять все по новой, опять дым, колесо, и так не день, не два — жизнь, вечность! Ты, профессор, был великолепный любовник, должна тебе признаться. Ни у кого из наших девок такого не было. Умный, щедрый, как принц, ласковый. Красивый даже, если хочешь знать. Я очень твои очки любила, ты это знал?.. Нет? Стеснялся их? Дурак... Брось, Сережа, все, что ты мне скажешь, я сама себе уже говорила

тыщу раз... Слушай, что я за гадость пью? Кислятина какая-то, одно название, что шампанское. Где-то тут у меня была еще емкость. Подожди секундочку, я поднимусь, достану... Ну вот, все в порядке... Ну что, друг ты мой единственный? Твое здоровье! Я тебя люблю, Сережа, до сих пор люблю. Да только теперь это уж не имеет никакого значения... Имеет? Ты думаешь, имеет? Может быть, и имеет, не знаю. Ничего я, Сережа, не знаю. Так ничего я в жизни и не поняла. Хоть бы ты мне, профессор, объяснил, как все так получилось... А, ладно. Все это ерунда, наплевать... Хочешь, я тебе новый анекдот расскажу? Слушай. Качается на рейде большой белый пароход. Вдруг, откуда ни возьмись, буксирчик, черненький, грязный, ободраный весь, краска облупилась, дым из трубы: чух-чух-чух...

«Эй, на судне! Хлебушка нет?»

«Д-да па-шел ты...»

«По-ол-л-лный вперед!»

Не смешно?.. Другие смеются. А мне почему-то тоже не смешно. Хлебушка, видите ли, ему надо. Тоже мне разлетелся. Д-да па-шел ты!.. И зачем я тебе это рассказала? Сама не знаю... Сережа, а ты был ли на самом деле? Был? Или это все мне приснилось? Вдруг я проснусь, а тебя на самом-то деле и не было никогда?.. Приедешь? Ко мне приедешь? Когда? Завтра? А ты не боишься? Ты хоть представляешь себе, что ты увидишь?.. Без разницы? Ну приезжай, раз без разницы. Пиши адрес... Правда, чего это я, на самом-то деле? Ну приедешь. Приедешь и уедешь. Что от этого изменится?.. Мне, Сережа, теперь все равно. Если бы ты только знал, как мне теперь все равно. Иногда одно только желание — сдохнуть бы поскорее, чтобы и следа от меня не осталось. Эх, не так все вышло, хороший ты мой, не так! Все не так... Спи. Утро уже. Воробьи вон, слышишь, как расчирикались? Спи...

ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

Нынешний системный кризис, поразивший российское общество, не мог, конечно, не отразиться на духовно-нравственном состоянии страны. Потеря старых общественных ориентиров и неясность новых, распад столетиями единого государства, безжалостный характер проводимых радикальных реформ, разгул криминалитета и коррупции породили всеобщее замешательство и разброд, потерю чувства локтя, ощущение заброшенности и обманутости среди значительной, если не подавляющей, части населения России. Уставшее от крови и насилия, сопровождавших жизнь страны фактически весь XX век, российское общество без особых сожалений рассталось с прошлым. Но, как оказалось, новые времена, приход демократии и рынка не сделали жизнь для «человека с улицы» ни легче, ни понятнее, ни безопаснее.

Не суждено было сбыться и надеждам, что с уходом в прошлое «холодной войны» мир вокруг станет иным, более спокойным и более благожелательным. Нарушение достигнутых ранее межгосударственных договоренностей, в частности относительно нерасширения НАТО на восток, варварские бомбардировки Югославии, безрассудная война в Ираке показали, что произвол и насилие, как и прежде, слишком многое определяют в мире. С другой стороны, участвовавшие атаки международного терроризма, недавние трагедии в Москве, Нью-Йорке, Индонезии, Израиле и в других местах заставляют обычного человека все чаще и чаще с тревогой задумываться о том, какие новые угрозы ждут нас, наших детей и внуков в будущем.

* * *

Трудно (или даже вообще невозможно) выделить все хотя бы основные причины нынешнего духовно-нравственного кризиса. Думая о сегодняшнем дне, мы прежде всего не можем забывать о многих вековых традициях

---

¹ Доклад на совместной научной сессии Общих собраний РАН и РАМН «Наука — здоровью человека» 18 декабря 2003 г.

русской великой, но противоречивой и кровавой истории. Еще, как известно, А. С. Пушкин предупреждал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Те далеко не твердые нравственные скрепы, которые с огромным трудом удалось создать в дореволюционном российском обществе, в особенности после отмены крепостного права, были чуть ли не в одночасье разрушены революцией 1917 года и вспыхнувшей за ней братоубийственной Гражданской войной. Печально знаменитый лозунг «Грабь награбленное!» означал не только свободу для абсолютного произвола власти. Он означал в то же время свободу для самых низменных инстинктов рядового российского обывателя в преследовании своих интересов или даже просто в борьбе за выживание. Сыграла свою роль, несомненно, и азартная, исторически безответственная борьба новых властей с религией. Все моральные тормоза, которые церковь веками взращивала в человеке, оказались почти мгновенно ненужными обществу. «Народ-богоносец» с таким ожесточением крушил повсюду храмы и церкви, что нередко это вызывало изумление даже у тех, кто его к подобному варварству подстрекал.

Последовавшие за тем годы разрушительной коллективизации, массовых голодовок, жесточайшего террора, многомиллионных лагерей принудительного труда, лживой официальной трескотни и тотального контроля над повседневной жизнью всех и каждого еще больше заставляли обычного российского человека сжаться, уйти в себя, спрятаться как можно глубже от всей этой враждебной ему действительности. Для людей оставалась лишь одна забота — самосохранение, для чего все средства были хороши. И даже взлет патриотических настроений в годы Великой Отечественной войны мало что изменил в этом отношении: во-первых, незаживающей раной на годы и поколения вперед остался вопрос: почему, по чьей вине за победу пришлось заплатить как минимум 27 миллионами жизней, а во-вторых, все надежды на лучшую, более свободную и более обеспеченную жизнь после войны очень скоро рассыпались в прах.

Основной же итог периода российской истории с 1917 по 1953 год заключался, несомненно, в том, что лучшая и в умственном, и в нравственном, и даже в физическом отношении часть нации была по тем или иным причинам за эти годы уничтожена. Что, между прочим, дало некоторым нашим генетикам основания утверждать, что этот генетический ущерб российское общество может восполнить не ранее чем через пять поколений, т. е. в лучшем случае к середине XXI века.

Но, хотя в те годы всякий уголовный элемент считался, как известно, «классово близким» (в отличие, скажем, от интеллигенции), все же без

некоторых твердо обозначенных морально-нравственных ограничителей власть обойтись не могла, ибо одним лишь тотальным террором единство народа и страны обеспечить было просто физически невозможно. Морально-нравственные принципы, очень близкие по своему содержанию к традиционным христианским ценностям, были официально провозглашены как основа общественной жизни (другой разговор, что это не мешало ни власти, ни обывателю нарушать их на каждом шагу, но предпочтительно не в открытую, а, так сказать, «втемную»). Нравственному здоровью общества в огромной степени содействовали и еще сохранившиеся традиции великой русской культуры, и гордость за победу страны в недавно окончившейся войне, и взлет российской науки, обеспечивший, в частности, Советскому Союзу военно-стратегический паритет с его соперниками, и размах народного образования, и деятельность значительной части творческой интеллигенции, где прямо, а где исподволь подталкивавшей российского человека к общепринятым общечеловеческим ценностям.

Иначе говоря, зло в обществе было в определенной мере придавлено всем складом жизни. Но это не значило, что оно исчезло или было уж очень ослаблено. Нет, оно сохранялось, накапливало силы и только, так сказать, затаилось до иных времен.

Эти времена наступили, когда общественное зло, копившееся в России несколько поколений, т. е. на протяжении почти всего ушедшего века, вырвалось наконец на рубеже 1990-х годов из-под той административно-охранительной крышки, которая хоть как-то, хоть слабо, но все-таки прикрывала этот бурливший изнутри котел. Весь XX век бывший проклятьем России принцип «цель оправдывает средства» получил не только всеобщее повальное распространение, но был вновь (но уже в других, так сказать, декорациях) легализован верховной властью и принят как руководство к действию в ее практическом управлении страной.

Можно, конечно, исповедуя известный толстовский принцип «нет в мире виноватых», списать все на действие каких-то неподконтрольных нам, едва ли не потусторонних сил. Можно перевернуть этот принцип и сказать, что все, т. е. каждый из нас, по-своему виноваты в том, что с нами произошло. И все же решусь утверждать, что первый и, возможно, главный адрес известен: самый мощный толчок всему этому духовно-нравственному обвалу последнего десятилетия XX века был дан как раз оттуда, откуда его, казалось бы, меньше всего следовало ожидать, — от самого российского государства.

Не думаю, что в нынешней духовно-нравственной дезориентации российского общества решающую роль сыграло выдвигание на первый план

давно известных человечеству, но для нас все еще новых лозунгов типа «Обогащайтесь!», «Кто не успел, тот опоздал», «Каждый за себя, один Бог за всех» и т. п. В конце концов, в результате десятилетий или даже столетий упорных, целенаправленных усилий цивилизованные страны смогли на подобной основе построить вполне жизнеспособное, эффективное и высоко солидарное общество, где извечно присущие человеку инстинкты обогащения и накопительства весьма строго, однако, ограничиваются детально разработанной системой социальных и юридических гарантий. Недаром сегодня в большинстве западных демократий определяющим становится принцип: «Рыночной экономике — да, рыночному обществу — нет». История, жизнь убедительно подтверждают, что демократия, рынок и социальная справедливость отнюдь не обязательно конфликтуют друг с другом. Вполне возможна и реальна если и не их полная гармония, то, по крайней мере, постоянно нарастающий процесс их взаимного сближения и приспособления. Но, следует подчеркнуть, при одном и неперменном условии: если игра ведется честно, если высокие нравственные принципы не только декларируются, но и последовательно проводятся в жизнь, если власть и общество испытывают хотя бы минимальную степень доверия друг к другу. Как раз именно этого не было и нет в современной российской действительности. Верховная власть слишком часто за последние 10–12 лет беззастенчиво обманывала российское общество — и в политике, и в экономике, и в социально-культурной сфере.

В политике первым нравственным шоком для российского общества было откровенное и безоглядное пренебрежение мнением народа, когда спустя всего несколько месяцев после референдума весной 1991 года, в ходе которого большинство населения высказалось за сохранение единства страны, последовало трагическое (и отнюдь не обязательное) решение о развале единого государства, принятое в Беловежской Пуще. Другую незаживающую рану в народном сознании оставил октябрь 1993 года, когда политический конфликт между парламентом и президентом, в котором виноваты были обе стороны, был решен не цивилизованными методами, а насильственным путем. Столь же глубокую и тоже открытую рану в сознании российского общества образовал чеченский конфликт (особенно первая его фаза), когда верховная власть не сумела найти ничего лучшего, как попытаться подавить ею же самой созданный очаг сопротивления вооруженной силой.

Особенно остро очевидный обман, нечестность новой власти российское общество ощутило в экономике и социально-культурной сфере.

Тотальная государственная конфискация всех сбережений населения в 1992 году; практически дармовая приватизация общенародной собственности (небольшая и небогатая Боливия, например, получила за приватизацию государственных активов порядка 92–93 млрд долл., российская же казна — всего 9 млрд долл.); пресловутая афера с «ваучерами»; откровенное субсидирование из государственного бюджета разного рода бандитских и полубандитских банков, компаний и псевдообщественных организаций; беспрепятственное бегство многомиллиардных капиталов за рубеж; преднамеренная беспомощность власти в борьбе с коррупцией и криминалом, захлестнувшими страну; падение и многомесячные задержки зарплаты, пенсий и пособий; невиданная нигде в цивилизованном мире социальная дифференциация и обнищание огромной части населения; наконец, крах гигантской государственной финансовой «пирамиды» и новая конфискация сбережений населения в 1998 году — все это породило в стране всеобщее убеждение в том, что новая, теперь уже «демократическая», власть, как и прежняя, советская, ведет с российским обществом игру без всяких правил и без каких-либо морально-нравственных тормозов.

Не менее болезненно (а с точки зрения дальнейших перспектив страны, может быть, даже и более) ощущает российское общество последствия политики в отношении того, что не косвенно, а напрямую определяет духовно-нравственное здоровье общества: образования, науки, здравоохранения, культуры и искусства. Такое чувство, что, расходуя сотни миллиардов долларов общественных средств в буквальном смысле слова «на ветер», власть пыталась и все еще пытается компенсировать эти неоправданные и разрушительные для общества траты еще более разрушительной экономией, что называется, «на спичках», не понимая или не желая понимать, что именно от этих достаточно скромных, по всем критериям, средств зависит все будущее страны и ее место в меняющемся мире, в мировой конкурентной борьбе. Что лежит в основе подобной политики — невежество, зависть недоучек или известный циничный принцип «после нас хоть потоп», — однозначно сегодня ответить не сможет, наверное, никто.

Но было бы, конечно, несправедливо и необъективно возлагать всю ответственность за нынешний духовно-нравственный кризис только на верховную власть, на государство. Да, государство своими непродуманными шагами и «ломовыми», насильственными действиями добилось того, что Россия живет сегодня в «обществе недоверия», а вся ее экономика — это прежде всего тоже «экономика недоверия». Но столь же безответственно

и аморально повели себя и многие влиятельные слои самого российского общества. Крупнейшие российские бизнесмены, которых, по выражению нашего президента, сама власть «назначила миллиардерами», проявили невероятную алчность и бесцеремонность не только в одномоментном растаскивании национальных богатств, но даже и в повседневной своей деловой практике. Стойкое стремление работать не из общепринятых в мире 10–15% годовой прибыли, а из заоблачных 100–300% и более, пренебрежение правами акционеров и постоянные бандитские попытки захватить (включая метод искусственных банкротств) чужую собственность, массовый уход своих доходов от налогов и перевод их за границу, хроническая необязательность в выполнении деловых контрактов и в погашении взятых кредитов, широчайшее использование коррупции как главного средства обеспечения своих деловых интересов и многое, многое другое, столь же подрывающее моральный климат в стране, — все это характернейшие черты нынешнего этапа российского «первоначального накопления».

Не менее вредоносным для нравственного состояния российского общества оказалось поведение многих средств массовой информации, истолковавших свободу слова как свободу безудержной пропаганды насилия, крови, грязнейшего секса, откровенной уголовщины, «черных» политических технологий. К великому сожалению, далеко не на высоте оказалась и наша творческая интеллигенция, почти без сопротивления сдавшая свои традиционные гуманистические позиции перед натиском американизированной масс-культуры и всяческой «попсы», столь успешно эксплуатирующей сегодня самые низменные, самые дикие инстинкты толпы, в особенности молодежи. Сама по себе интеллигенция разобщена, ее не слушают, и в значительной своей части она обществу оказалась не нужна.

Думаю, однако, — а вернее, не столько думаю, сколько верю, — что нижнюю точку своего морально-нравственного падения российское общество прошло где-то вскоре после кризиса 1998 года. Трудно, конечно, указать на какие-то особо впечатляющие достижения, достигнутые с тех пор. Но одно, по крайней мере, очевидно: за последние три с лишним года российская власть не совершила ни одной непоправимой ошибки ни в политике, ни в экономике, ни в своих пока еще робких, но тем не менее достаточно заметных усилиях как-то оздоровить морально-нравственную обстановку в стране. И, может быть, наиболее обнадеживающим представляется сам общий умеренный подход нынешнего руководства к решению ключевых проблем страны.

Пагубным «нетерпением» назвал когда-то Ю. Трифонов извечную, можно даже сказать, наследственную болезнь всех поколений русских революционеров и реформаторов. Попытки разом, одним прыжком перескочить через все препятствия и этапы при переходе из одного общественного состояния в другое, выбросить на свалку из старого багажа не только действительно отжившее, но и то, что необходимо при любом разумном общественном устройении, пренебречь любой человеческой болью, какой бы массовой она ни была, ради каких-то выдуманных в кабинетной тиши теорий вновь, в который раз уже в нашей истории, доказали свою неэффективность и нежизненность. Необходимо ясно отдавать себе отчет, что Россия затеяла дело не на годы и даже не на десятилетия, а на поколения вперед. И нетерпение, торопливость, всяческое мельтешение не нужны не только по своей природной непривлекательности, но и просто потому, что никакого твердого и устойчивого позитивного результата от них по всем законам мироздания ожидать нельзя.

* * *

Может ли российское общество преодолеть в конце концов нынешний духовно-нравственный кризис, может ли обычный российский человек вновь ощутить у себя под ногами твердую нравственную почву, вернуть в свою жизнь те идеалы и ценности, которыми веками руководствовались многие поколения россиян? Убежден: может.

Вопреки распространенным не только на Западе, но, к сожалению, и у нас в стране настроениям, российский человек в массе своей ничем не хуже, не глупее и не ленивее никого другого в мире. Это однозначно доказывается, например, той высокой оценкой, которую заслужили за рубежом все поколения российских эмигрантов, покинувших страну в XX веке: более надежных, трудолюбивых, законопослушных и высоконравственных граждан в принявших их странах сегодня, наверное, трудно и найти. Как свидетельствует история, россияне отнюдь не более буйные и не более склонные к насилию, чем другие народы. Не следует забывать, что свои периоды повального национального сумасшествия знали в XX веке не только мы. Достаточно сослаться на такие ныне высокоцивилизованные и нравственно устойчивые страны, как, например, Германия, Италия, Испания, Португалия, Венгрия, Япония и ряд других. И на личном, и на общественном уровне вопрос, следовательно, не в каких-то уникальных врожденных пороках российского человека и российской культуры, а в тех конкретных условиях, в которых мы вынуждены были жить и в которых живем сегодня.

Не только в географическом, но и в цивилизационном отношении Россия — неотъемлемая, органичная часть Европы. Нет и не может быть

Европы без России, равно как и России без Европы. Различие между нами и остальной Европой преимущественно в том, что те основные общезивилизационные задачи, которые Европа так или иначе уже решила к настоящему времени, нам еще предстоит решить. Речь идет прежде всего о создании демократического, правового государства, о строительстве высокоэффективной рыночной экономики, об обеспечении достойного человека уровня жизни и надежных социальных гарантий, о рациональном освоении природных богатств и охране окружающей среды. Сложнее обстоит дело с духовно-нравственным состоянием общества: у европейского (а точнее — евроатлантического) сообщества проблем в этой области сегодня вряд ли меньше, чем у нас, особенно если учесть не только существующие, но еще более и проецируемые в будущее угрозы — терроризм, этно-национальные и религиозные конфликты, наркоманию, преступность, массовое одичание толпы. Но это лишь подчеркивает, что у российского человека нет иной дороги, как следовать по пути той цивилизации, к которой он, по праву своего рождения, принадлежит с незапамятных времен, — со всеми достижениями этой цивилизации, но и со всеми ее опасностями и печальями.

В деле духовно-нравственного возрождения страны нет и не может быть какого-то одного-единственного чудодейственного средства, или стратегического решения, или спасительного мероприятия. И желаемого результата, несомненно, нельзя добиться без веры в человека, без стойкого оптимизма в отношении будущего человечества. Зло всегда было в мире, и зло всегда будет в мире, причем примерно в одном и том же соотношении независимо от исторического времени. С этим люди всегда жили, с этим им придется жить и дальше. Весь вопрос в том, удастся ли обществу и впредь держать это зло более или менее под контролем и вновь загнать его под контроль там, где оно, как у нас, из-под него на время выбилось. В той мере, в какой современный человек на земле вообще нравственно здоров, в той же мере здоровы и мы, россияне. Российский человек в основе своей так же отзывчив к добру, к высоким нравственным идеалам (еще две тысячи лет назад выдвинутым, напомню, в «Нагорной проповеди»), как и люди повсюду в мире. Но...

Но можно ли ожидать от человека каких-то духовных устремлений и высокой нравственности, если он и его семья прозябают в самой беспросветной нищете, а таких в России сегодня, по некоторым оценкам, около 40% ее населения? Если число бездомных, опустившихся людей, беспризорных детей, брошенных на произвол судьбы стариков и инвалидов исчисляется в стране многими миллионами? Если пустеют целые регионы, области, города, села России, а население, попросту говоря, вымирает?

И можно ли предъявлять к человеку высокие духовно-нравственные требования, если в повседневной жизни его окружают повальная коррупция властей, засилье криминала, безнаказанные убийства и массовое воровство, беспардонная алчность и выставляемая напоказ наглая роскошь всякого рода мошенников-«скоробогатеев»? Если человек, многократно оплативший за свою трудовую жизнь любую мыслимую систему социального обеспечения для себя и своей семьи (поскольку ему всегда платили и продолжают платить меньше, чем шло на содержание раба в Древнем Риме), вдруг лишился и мало-мальски достойной пенсии, и надежной медицинской помощи, а вот-вот лишится и доступных ему по цене жилищно-коммунальных услуг? Если он, человек, не доверяет уже больше никому — ни государству, не один раз обобравшему его до нитки, ни банку, где сгорели его последние сбережения, ни работодателю, месяцами не выплачивающему ему зарплату, ни улице, где он давно уже перестал чувствовать себя в безопасности, — одним словом, не доверяет больше жизни вообще?

И на какое духовно-нравственное здоровье общества мы можем рассчитывать, если то ли просто по недомыслию, то ли вполне сознательно и целенаправленно наши газеты, радио, телевидение, массовая литература, кино, шоу-бизнес и прочее продолжают сегодня столь усердно оглуплять и растлевать «человека с улицы», нисколько не заботясь в своей бездумной погоне за деньгами и рейтингами о грозящих разрушительных последствиях этого методичного превращения человека в зверя? А если, не дай Бог, зверь этот когда-нибудь проснется? Мы, к сожалению, это уже проходили в нашей истории, и не раз.

Духовно-нравственные проблемы страны неотделимы, таким образом, от способности нового, демократического, рыночного и солидарного российского общества преодолеть нынешнее неблагополучие, шаткое его состояние практически во всех областях жизни. Нет смысла выяснять, что первопричина — разруха в головах или разруха в самой жизни: они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Но ясно по крайней мере одно: если нам суждено иметь когда-нибудь действительно нравственно здоровое общество, то будет оно не раньше, чем мы сумеем удовлетворить и надежно защитить базовые потребности человека. А это прежде всего свобода, права личности, безопасность, достойный уровень жизни, социальная защищенность, возможность беспрепятственного развития всех творческих сил и способностей человека.

Когда мы этого сумеем добиться? Вряд ли кто возьмется сегодня сказать что-то внятное, отвечая на этот вопрос. Во всяком случае, не будет

ничего удивительного, если при жизни нынешнего поколения (или даже поколений) результаты наших усилий будут достаточно скромны. Но важно то, что основное русло дальнейшего движения России вперед к настоящему времени определилось, по-видимому, отчетливо. И отдельные возможные колебания влево-вправо, вверх-вниз вряд ли могут уже серьезно изменить направление общенационального вектора.

Не политические авантюры и не идеологические химеры, а созидание, строительство, обустройство жизни огромной и пока еще плохо освоенной страны, сохранение и благополучие ее народа, всестороннее развитие его творческого потенциала — думается, в этом и состоит сегодня та объединяющая конструктивная национальная идея, в которую в массе своей может поверить российский человек (если, конечно, его в очередной раз не обманут). Все другие так называемые великие идеи он уже в своей истории не раз пробовал. И ничего доброго они ему не принесли. Но идея созидания, обращенная не только к нации, но и к каждому отдельному человеку никогда еще в России не имела на деле первенствующего значения. Пора, наконец, перестать возводить всякого рода «воздушные замки» — надо построить свой дом, разбить сад, замостить дорогу, перекинуть мост через речку, выстроить школу, больницу, дом для престарелых, приют для бездомных и вообще обустроить свой город, а в конечном счете и свою страну. Это и есть, думаю, то, на что охотнее всего откликнется современный российский человек, уставший от всех этих исторических передрыг, выпавших на долю нашей многострадальной страны. Одно основательное освоения Сибири и Дальнего Востока нам хватило бы, уверен, лет на двести-триста, а там дальше оно видно будет, что и как.

Конечно, все подобные рассуждения окажутся бессмысленными, если, не дай Бог, мир ожидает впереди какая-то вселенская катастрофа, вроде «столкновения цивилизаций» или чего-то похожего. Но если исключить такую возможность, то пути всестороннего, в том числе и духовно-нравственного, выздоровления российского общества с достаточной степенью очевидности просматриваются уже сейчас.

России предстоит изживать и когда-нибудь, надеюсь, изжить два существеннейших национальных недостатка, во многом определивших ее нелегкую историю: традиционное неуважение к личности, к отдельной человеческой жизни и столь же традиционное неуважение к собственности. Без воспитания в людях и во всем обществе стойкой приверженности этим двум основополагающим принципам трудно рассчитывать, что любые другие гражданские добродетели — совесть, законопослушность, милосердие,

сострадание к ближнему, забота сильных о слабых, истинный патриотизм (любовь не только к березкам, но прежде всего к людям, живущим среди этих березок) — смогут пустить в российской действительности достаточно глубокие корни. И эти принципы — отнюдь не теория, не романтические мечтания каких-то оторванных от реальной жизни мыслителей. Это самая практичная практика жизни там, где человеческое сообщество уже смогло добиться какого-то осязаемого успеха.

Думаю, сегодня уже не видно каких-либо серьезных оснований ожидать, что в видимой перспективе Россия может свернуть с выбранной ею дороги к подлинной демократии и строительству дееспособного гражданского общества. Диктатура закона, совершенствование парламентаризма, федерализм, многопартийность, всемерное развитие местного самоуправления (одной этой задачи, между прочим, хватит на десятилетия, если не на поколения вперед), сильная правоохранительная система, укрепление уникальнейшего российского исторического наследия, в первую очередь многовекового мирного и взаимообогащающего сожительства различных этносов, национальностей и конфессий, постепенный переход разнообразных сфер жизнедеятельности от государства в компетенцию самодеятельного гражданского общества, — многие уже проходили эту дорогу. И нет никаких непреодолимых объективных препятствий, почему ее не можем пройти и мы.

Нет, убежден, никаких непреодолимых препятствий и для создания в России высокоэффективной экономики.

Сегодня первоочередными задачами в этой области представляются, во-первых, восстановление пока еще не безнадежно подорванного доверия населения к государству, институту собственности, кредитно-банковской системе, национальным деньгам (принятый только что закон о гарантиях вкладов — правильный, несомненно, шаг); во-вторых, прекращение наконец искусственного «экономического кровотечения» последних лет, обескровившего страну и государственный бюджет, — дармовой приватизации, передачи традиционных рентных и акцизных доходов легальному и нелегальному частному сектору, массового бегства капиталов за рубеж; в-третьих, создание благоприятных условий для истинной, законной частной инициативы, в первую очередь для малого и среднего бизнеса; в-четвертых, дальнейшее осторожное, дозированное открытие российской экономики для иностранной конкуренции и иностранного капитала; в-пятых, не на словах, а на деле поворот и государства, и общества к науке, образованию, здравоохранению, культуре как к высшим национальным приоритетам, от которых зависит будущее страны.

В пределах жизни одного поколения возможно, убежден, и решение самых жгучих наших социальных проблем. Имеются в виду, прежде всего, недопустимо низкий уровень зарплаты и пенсий, «взрывной», опасно высокий разрыв в доходах между «верхами» и «низами» общества, поиски приемлемого компромисса между коммерческим и некоммерческим подходами в социальном обеспечении населения.

Может показаться, что все эти сложнейшие задачи, стоящие ныне перед страной, носят слишком общегосударственный, надличностный, так сказать, характер, чтобы напрямую затронуть душу отдельного человека, угнетенного трудностями и уродством окружающей его жизни и ищущего выход для себя и своих близких прежде всего здесь и сейчас, а не когда-нибудь в будущем, до которого ему, может быть, и не дожить. Конфликт этот между интересом и возможностями всего общества и потребностями отдельного конкретного человека, как известно, вечен и существует ровно столько, сколько существует само сообщество людей. В нынешней России он усугубляется еще и тем, что слишком долго нашего человека обманывали призраком грядущего «светлого завтра», которого ни одному из предшествующих поколений так и не суждено было достичь. И тем не менее трезвая правда жизни состоит в том, что без решения общенациональных структурных задач благополучие и безопасность, а следовательно, и душевное равновесие для конкретного российского человека недостижимы. Вернее, может быть, они и достижимы для каких-то отдельных личностей, отдельных аскетов, нашедших спасение в уходе от мира, в отказе от житейских радостей и устремлений. Но этот выход всегда был и остается выходом лишь для немногих. И ни одно жизнеспособное общество не может принять его как свой общезначимый духовно-нравственный идеал.

Да и как бы человек ни хотел, ему никогда не освободиться, не избавиться от мира. О какой, к примеру, достойной старости, о возможности спокойно, не торопясь, подвести итоги своей жизни и подумать о том, что ждет тебя за ее порогом, можно говорить, если человек даже свои жалкие, годами скопленные «гробовые» не может доверить банку и вынужден постоянно тревожиться за их дальнейшую судьбу? О какой надежде на осмысленную полнокровную трудовую жизнь может думать житель пустынной и неуклонно спивающейся современной российской деревни, если ни он сам, ни его соседи, ни любое начальство на всех уровнях не знает сегодня, что с этой деревней делать и как ее спасти, да и надо ли вообще ее спасать? Какие нравственные основы (кроме хитрости и изворотливости) могут быть у многомиллионной армии мелких торговцев, предпринимателей,

«челноков» и прочего самодельного люда, если они вынуждены все силы свои тратить на борьбу с разнообразным государственным и криминальным рэккетом? И что можно ожидать от современного ученого или преподавателя, если вся жизнь вокруг всячески выталкивает его вон из академической или университетской среды — либо в палатку на мелкооптовый рынок, либо за рубеж? И какой реальной духовной стойкостью может обладать в массе своей современный российский солдат или офицер, если более чем десятилетнее равнодушие общества чуть было не привело к полному развалу и почти параличу российских вооруженных сил?

Главная же ответственность за все эти столь необходимые и обществу, и отдельному человеку преобразования ложится, естественно, на плечи государства. России нужно не меньше, а, напротив, больше государства, чем она имеет сейчас. Но государство нужно именно только там и тогда, где без него действительно никак не обойтись. И если в недалекой перспективе необходимый оптимум между государственным руководством, государственным вмешательством и частной инициативой будет найден, страна, несомненно, получит наконец столь нужный ей политический и социально-экономический фундамент для своего духовно-нравственного возрождения. И это никакая не теория, никакой не марксизм или любой другой «изм». Это как раз то, чего так не хватает нам сегодня: обыкновенный житейский здравый смысл.

Гораздо более неопределенны, думается, перспективы устранения из нашей жизни всего, что не нравится ни одному духовно здоровому человеку, но что так привлекает у нас толпу, в особенности молодежную толпу. Какие средства есть у общества, чтобы остановить, загнать в какие-то приемлемые рамки весь этот мутный поток бездуховной, безнравственной масс-культуры, захлестнувшей сегодня умы и сердца людей? Цензура, запреты, «намордник» на тех, кто, прикрываясь святым лозунгом свободы слова, ведет сегодня свою разрушительную работу? Опасное, обоюдострое, надо сказать, оружие: здесь очень легко вместе с грязной водой выплеснуть из ванны и ребенка. И все-таки при сохранении определенного чувства меры это, может быть, в каких-то пределах тоже метод. Общество должно и дальше оставаться равнодушным к тому, как психология всякого рода криминальных «отморозков», насилие, алчность, разврат и нравственная слепота продолжают размывать его традиционные устои.

Могли бы помочь делу, убежден, и такие целенаправленные действия со стороны государства, как политическая, а главное — материальная, налоговая поддержка общественной благотворительности и разнообразных

проявлений милосердия; создание мощного государственного или общественного телевизионного канала (каналов) без рекламы и иного коммерческого идиотизма; поддержка издательств, выпускающих классическую литературу, библиотек, музеев, театров, стадионов, концертной деятельности и т. д.

Трудно представить себе духовное возрождение страны без укрепления семьи, традиционных семейных ценностей, без всесторонней охраны материнства и детства. Важнейшее значение имеет также повышение престижа, материального и нравственного уровня нашего учительства и школы вообще. Наконец, огромная нравственная нагрузка ложится на наши правоохранительные органы и на нашу медицину: они, как подтверждает опыт Запада, остаются почти единственным действенным средством в борьбе, которую общество ведет с такой, например, относительно новой угрозой для его здоровья, как массовая наркомания.

Не может не тревожить и то, как все еще беспечно и безответственно современное российское общество обращается со своим великим культурным наследием и теми уникальными природными богатствами, которыми наградила страну судьба. Нельзя более допускать дальнейшего разрушения и тем более исчезновения наших многочисленных исторических памятников, наших бесценных культурных сокровищ, церквей и храмов, могил и усыпальниц наших предков, особенно захоронений погибших за Россию в войне. Защита исторического наследия должна стать одной из центральных национальных задач для всего российского общества. Недаром говорится: «Земля крепка погостами». Уважение к предкам, к их памяти, их культуре, есть не только первейший нравственный долг последующих поколений, это в то же время первейшее условие национального самосохранения. Точно так же мы, видимо, подошли вплотную к такому рубежу, когда у России появляются силы и возможности начать исправлять общенациональными усилиями тот урон среде обитания человека, который был нанесен предшествующими десятилетиями бездумной политики так называемого «наступления на природу».

И все же неуверенность в конечном успехе любых организованных усилий в борьбе со всеми этими видами зла, характерными для нашего времени, остается. Поймешь тех, кто утверждает, что что-то новое, неясное и пугающее происходит с людьми в XXI веке. Но, может быть, новое — это лишь новое по форме, т. е. хорошо забытое старое? Можно, например, вспомнить, как лет 50 назад многие в мире со страхом взирали на скандинавские страны, сознательно давшие тогда у себя ход так называемой «секс-революции». Ну и что? В пределах одного поколения все эти якобы

новые формы нравственной распущенности, выпустив накопившийся пар, опять заняли свое подобающее им маргинальное место в общественной жизни этих стран. А нравственный климат в них как стоял, так и остался стоять на тех же основах, которые закладывались до того долгими веками. Как говорится, перемелется — мука будет. Так что, думаю, вопрос о грядущем нравственном состоянии российского общества — это тоже скорее вопрос не столько логики, сколько веры в человека, в российского человека: что в конечном счете сильнее в нем — доброе начало или зло?

Именно под подобным углом зрения хотелось бы указать и еще на одну проблему, постепенно, конечно, теряющую свою остроту, но все же остающуюся пока актуальной: конфликт между наукой и религией. Конфликт этот оказался в высшей степени неплодотворным: ни та, ни другая сторона не смогли и, смею сказать, никогда не смогут доказать друг другу свою безусловную правоту. Очевидно в то же время, что в деле духовно-нравственного возрождения, облагораживания российского человека наука и религия, не мешая, а, наоборот, дополняя друг друга, могут и должны сыграть самую активную, возможно, даже решающую роль. И наукой, и религией (по крайней мере, во всех ее основных ответвлениях) движут идеалы добра, познания, человеколюбия и стремления как-то примирить человека с самим собой и с окружающим его миром. Непрерывный рост позитивного естественно-научного и гуманитарного знания, просвещение в самом традиционном значении этого слова всегда имели своим результатом ослабление звериных инстинктов в человеке. Точно такую же роль, только, может быть, еще более обращенную к отдельной личности, играла и играет религия. Вера в Бога, в свою конечную ответственность перед Ним испокон веков служила мощным моральным тормозом для человека. И очень хорошо, что наше государство, осознав наконец свою недавнюю крупнейшую историческую ошибку, вновь перешло от вражды к благожелательному отношению к религии, к многомиллионным массам верующих.

Духовному выздоровлению российского человека будет, несомненно, содействовать и новая роль России в мире. Не всемирное пугало и не оплот разнообразных разрушительных сил во многих уголках земного шара, а, напротив, влиятельный, ответственный и конструктивный член мирового сообщества наций, активный участник борьбы против и старых и новых форм мирового зла — в этом видится будущая историческая миссия страны. Но это не значит, конечно, что нам должно быть дело до всего, что происходит в мире. Слишком велики и дорогостоящи нерешенные задачи, стоящие ныне перед страной. И слишком самодостаточной по своему

потенциалу является она, чтобы идентичность России растворилась в каких-то обособленных наднациональных образованиях. Сосредоточенность на своих внутренних проблемах, укрепление традиционных связей на постсоветском пространстве, максимально широкое международное экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество (вплоть до полного когда-нибудь открытия границ в отношениях с внешним миром, в особенности с остальной Европой), всемерная поддержка ООН, наконец, политика добрососедства, взаимовыгоды и объединения усилий в тех областях, где интересы и задачи партнеров совпадают, имея в виду прежде всего такие мировые центры силы, как США, Евросоюз, Китай, Япония, Индия и ряд других, — подобный прагматический подход, уверен, в наибольшей мере отвечал бы и глубинным настроениям российского общества, и насущным задачам возрождения страны. Разумеется, ни в коем случае нельзя при этом забывать и о нуждах национальной обороны: те гарантии безопасности, которые были созданы предыдущими поколениями, необходимо сохранять и впредь, ибо, как показывает опыт, мир не стал сегодня ни более безопасным, ни менее своекорыстным.

К сожалению, пробуждению истинных духовных сил российского человека во многом мешал в прошлом и продолжает мешать и в наши дни своеобразный комплекс неполноценности, который сформулировал еще П. Чаадаев: Россия — страна, которую, судя по всему, Господь Бог уполномочил служить всему миру примером того, как не надо, и она с тех пор эту должность усердно исполняет. Это же отношение к России было и, как это ни печально, остается характерным для многих на Западе и сегодня. Подобное мнение, однако, никак нельзя признать справедливым. За свою тысячелетнюю историю Россия являла далеко не только пример ложных устремлений. Не следует забывать, что она защитила собой Европу от всеокрушающего натиска татаро-монгольских орд, в конечном счете поставила пределы османской экспансии, о нее разбились бредовые мечты Наполеона и Гитлера о всемирной гегемонии, включая и такое воистину дьявольское порождение тотальной идеологии, как Холокост.

Национальные комплексы — отнюдь не безобидная вещь. Нередко сегодня и у нас в стране, и за рубежом слышатся голоса, требующие от России всеобщего покаяния. Но не говоря уже о том, что истинное покаяние — это дело сугубо личное, а большинству из ныне живущих россиян не в чем каяться за прошлое страны, каким бы кровавым оно ни было, серьезнейшие исторические преступления и ошибки были свойственны отнюдь не только нам. С таких позиций есть за что каяться в мире фактически всем: американцам,

например, за истребление индейцев, рабство негров и Гражданскую войну 1861–1865 годов, в которой в процентном отношении было уничтожено почти столько же населения, сколько в России в 1917–1921 годах; немцам — за две самые страшные в истории человечества войны, развязанные по их инициативе, и Холокост; французам — за массовый террор Великой французской революции, наполеоновские войны и колониализм и т. д. и т. п. Важны не столько покаяние и чувство исторической вины (что было — то было), а выводы, которые общество в целом и каждый человек в отдельности в состоянии сделать из прошлого. Вполне достаточно твердой национальной решимости не допускать впредь ничего, подобного прошлым преступлениям и ошибкам. Это и будет та конструктивная основа, на которой новые поколения могут осознанно, спокойно и не посыпая на каждом шагу голову пеплом, строить свою жизнь и свое будущее на земле.

* * *

Предпринятая здесь попытка соединить в один узел самые различные сферы нашей жизни, от которых и прямо, и косвенно зависят духовно-нравственное состояние российского общества и надежды на его выздоровление в более или менее предсказуемом будущем, встретит, уверен, понимание далеко не у всех. И первые возражения можно ожидать, наверное, по традиционной для нас линии рассуждений об уникальности и неповторимости России, о ее самобытности и «евразийстве», о приоритете духовно-нравственных исканий для российского общества и российского человека на всех этапах нашего исторического развития. За подобным взглядом на вещи стоят, как известно, и наша многовековая традиция, и наши великие имена: протопоп Аввакум, Ф. Тютчев, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Лесков и многие-многие другие, вплоть до А. Солженицына.

И все же позволю себе сказать, что самобытность и наше так называемое евразийство — это вряд ли то, что будет определять в будущем духовно-нравственное развитие России. В конце концов, все в мире самобытно, и, скажем, крошечное княжество Лихтенштейн в своем роде никак не менее самобытно, чем огромная Россия. И наша двойственная, «евразийская» культура тоже отнюдь не является чем-то уникальным в мире: достаточно сослаться, например, на исторический опыт Балкан или на вызревающее сегодня на наших глазах многонациональное и многоконфессиональное общество в таких продвинутых европейских странах, как Франция, Германия, Англия и ряд других.

Проблема, на мой взгляд, не столько в самобытности и «евразийстве» России, сколько в том, как сохранить и укрепить в нашем обществе

общечеловеческие, общепринятые в цивилизованном мире духовно-нравственные ценности, ни в коей мере не пренебрегая при этом той многонациональной и многоконфессиональной спецификой, которую оставила нам в наследство отечественная история. Иными словами, правду, истину, совесть можно и должно искать не вопреки всему человечеству, а вместе со всем человечеством.

Суждено России вновь, не в первый уже раз, подняться с колен, преодолеть и нынешнюю «Великую смуту» — благотворные духовно-нравственные поиски российского человека будут продолжаться и дальше, ибо они по природе своей бесконечны. Но надрыв, растерянность, озлобленность, вражда к миру и к себе подобным вновь отойдут тогда на задний план, уступив первенство тем созидательным, нравственно здоровым стремлениям, которые от века присущи человеку именно потому, что он не зверь, а Человек.

ПРОЗА Н. П. ШМЕЛЕВА

1. Оловянные солдатики. Рассказ // Москва. 1961.
2. Пашков дом. Повесть // Знамя. 1987. № 3.
3. Спектакль в честь господина первого министра. Повесть // Знамя. 1988. № 3.
4. Теория поля. Рассказ // Наука и жизнь. 1988. № 3.
5. Рассказы // Октябрь. 1988. № 5.
6. Последний этаж. Рассказы // Огонек. 1988.
7. Спектакль в честь господина первого министра. Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1988.
8. Сильвестр. Роман // Знамя. 1991. № 6, 7.
9. Сильвестр. Роман. М.: Советский писатель, 1992.
10. Пушкинская площадь. Повести и рассказы. Ашхабад: Туран-1, 1993.
11. Безумная Грета. Повесть // Дружба народов. 1994. № 9.
12. В пути я занемог. Роман, повести. М.: Голос, 1995.
13. Curriculum vitae. Мемуары // Знамя. 1997. № 8; 1998. № 8.
14. Ночные голоса. Повести и рассказы. М.: Воскресенье, 1999.
15. Исторические произведения. М.: Российский писатель, 2001.
16. Пашков дом. М.: Интердиалект+, 2001.
17. Собрание сочинений. В 4 т. СПб.: Летний сад, 2006–2007.
18. Ты кто? Рассказы. М.: Летний сад, 2010.
19. Безумная Грета. Повести. М.: Летний сад, 2012.
20. Ночные голоса. Рассказы. М.: Летний сад, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ал. А. Громыко.</i> В поисках здравого смысла	3
<i>В. В. Журкин.</i> Памяти Н. П. Шмелёва	6
<i>В. П. Фёдоров.</i> О Н. П. Шмелёве	8
<i>М. Г. Носов.</i> Памяти друга	14
<i>Ю. А. Борко.</i> Мой друг Николай Шмелёв	17
<i>Ю. И. Рубинский.</i> Каким я помню ушедшего друга	35
<i>И. Ф. Максимычев.</i> Обыкновенный русский гений	37
<i>А. А. Красиков.</i> Н. П. Шмелёв и религия	45
<i>М. В. Каргалова.</i> Искусство жить на Земле	49
<i>Е. В. Водопьянова.</i> Беседы без редакции	52
<i>Н. М. Антюшина.</i> Прощальное слово Николаю Петровичу Шмелёву	56
<i>Ан. А. Громыко.</i> Этот необыкновенный Николай Петрович Шмелёв	58
<i>Р. С. Гринберг.</i> Памяти уникального человека, излучавшего мудрость и добро	61
<i>А. Д. Давидсон.</i> В Кейптауне	65
<i>Э. Н. Крылатых.</i> Шмелёв Николай Петрович, а еще раньше — Коля	67
<i>Г. И. Мирский.</i> Жизнь яркая, жизнь глубокая	71
<i>В. В. Попов.</i> Николай Петрович Шмелёв: он первым выступил за реформы и первым — против того, как они проводились	77
<i>Л. И. Медведко.</i> Неведомые перспективы	83
<i>О. Л. Медведко.</i> Жизнь, опрокинутая в вечность	96
<i>Т. В. Кузовлева.</i> Шмелёв о Шмелёве	101
<i>Н. Л. Железнова (Бергельсон).</i> То, что дороже всего	107
<i>Л. А. Жуховицкий.</i> России еще предстоит понять	109
<i>Е. Ю. Сидоров.</i> Необходимый человек	111
Список основных научных трудов Николая Петровича Шмелёва	113

Н. П. Шмелёв
Избранное

Авансы и долги	123
Ночные голоса	153
Духовное здоровье российского человека	163
Проза Н. П. Шмелёва	181

ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ ШМЕЛЁВЕ

Корректоры *С. А. Бутовская, А. В. Ланина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 26.05.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 11,5. Заказ № 4149
Тираж 800 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23